

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

ТАЙНА ТРЕТЬЕЙ ДЕВУШКИ

ВЫПУСК 3

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

ТАЙНА ТРЕТЬЕЙ ДЕВУШКИ

РОМАН, ПОВЕСТЬ, РАССКАЗЫ

МОСКВА
«ИНТЕРБУК»

1990

ББК 84(0)6
О-76

Составитель Н. И. Зряхов

Художник В. Трыков

О 4703046000—117
945(01)-90

ISBN 5-7664-0469-7

© СП «Интербук»

АГАТА КРИСТИ — «КОРОЛЕВА ДЕТЕКТИВА»

Агата Кристи (1890 — 1976) входит в число крупнейших мастеров детектива двадцатого века. Под этим именем известна англичанка Мэри Кларисса Миллер, в первом браке — жена полковника Арчибальда Кристи. Ей принадлежит около семидесяти романов, множество рассказов, пьес, разошедшихся тиражом почти полмиллиарда экземпляров по всему миру. С 1958 г. она была бессменным президентом английского Детективного клуба. Королева Елизавета II пожаловала ей дворянский титул за литературные заслуги.

Двое из созданных Кристи персонажей — Эркюль Пуаро и Джейн Марпл — входят в число выдающихся сыщиков мировой литературы.

Из автобиографии Кристи известно, что она была младшей дочерью в семье Миллеров — переселенцев из Соединенных Штатов; получила несистематическое домашнее образование, немного училась музыке во Франции, в середине 1910-х годов приобрела специальность медсестры и во время первой мировой войны работала в госпитале. В детстве отличалась развитым игровым воображением и сильной застенчивостью. «Люди, которых я себе представляла, — писала Кристи, — были для меня более реальны, нежели на самом деле окружавшие меня». Считается, что причиной обращения Кристи к детективу был спор со старшей сестрой Мадж (уже проявившей себя как литератор), что и ей под силу создать что-либо достойное публикации. В результате появился роман «Таинственное происшествие в Стайлз». Только в седьмом по счету издательстве роман увидел свет тиражом 2000 экземпляров. Начинающий автор получил 25 фунтов стерлингов гонорара и сочувственный отклик в... медицинском журнале, отметившем труд коллеги, профессионально изобразившего атмосферу госпиталя.

Таким образом на арене детективной литературы в 1920-м году появились Агата Кристи и маленький усатый бельгиец Эркюль Пуаро, на шестьдесят четвертом году жизни оставивший службу в бельгийской полиции и переехавший в Англию.

Впрочем, Пуаро не сразу занял доминирующее положение в

мире Кристи. Во втором романе, вышедшем из-под ее пера, в качестве центральных фигур выступила парочка детективов-любителей — Таппенс и Томми Бересфорд, еще через год — полковник Рейс, вслед за ним — инспектор полиции Баттл, а спустя десять лет после «выхода на сцену» Пуаро состоялся дебют и шустрой старушки Джейн Марпл. Все перечисленные персонажи являются героями более или менее объемных сериалов, но в ряде романов и рассказов Кристи использует в качестве детективов случайные фигуры либо совмещает жертву и сыщика в одном лице.

В русских переводах лучше всего представлена серия с Эркюлем Пуаро. За полвека своего литературного существования Пуаро мало изменился. При первом знакомстве он предстает сложившимся мастером сыска. Конечно, в Англии ему приходится напоминать об этом (бельгийская слава не самая звонкая, что поделаться...), но Пуаро не смущается, а скорее раздражается на недостаточно осведомленных британцев. Существенную помощь в «рекламе» оказывают ему приятели — капитан Хастингс (фигура гораздо менее выразительная, чем его «аналог» доктор Уотсон у Дойла — недаром Кристи уже в третьем романе сериала отправила его в Аргентину; правда, спустя шесть лет («Загадка Эндхауза») он еще раз окажется рядом с Пуаро), инспектор Скотленд-Ярда Джэпп (он же — представитель властей в нескольких делах, которые расследовал Пуаро), «известный мастер детективных романов» Ариадна Оливер (легкая автопародия) и другие.

Если посмотреть на Пуаро со стороны — «яйцевидный череп, частично покрытый подозрительными темными волосами, гигантские усы, пара внимательных глаз»; но великий сыщик не страдает комплексами: «я не бываю смешон». Основные инструменты расследования — «метод, порядок и серые клеточки» (так он называет мозг), а также изучение психологии преступника. При всем этом Пуаро весьма стандартен как личность. Именно стандартность, или норма, и дает ему возможность безошибочно определять отклонения от нее, характерные для поведения преступника. Другое дело, что «норма» Пуаро — не то же самое, что «стандарты», по которым обычно действуют полиция или самостоятельные расследователи «при Пуаро» (речь не идет о центральных героях других романов). «Я буду задавать совсем не те вопросы, какие зада-

вала полиция», предупреждает он в романе «Смерть в облаках». Характерен в этом смысле и роман «Карты на стол», в котором представлены две группы лиц, приглашенных в гости эксцентричным мистером Шайтана. В первую входят расследователи: Пуаро, Ариадна Оливер, инспектор Баттл, полковник Рейс, в другую — тоже четыре человека, один из которых и совершил невероятно рискованное убийство хозяина дома. Расследователи — каждый по-своему — ведут свои линии; Пуаро, верный методу поиска аномалии в поведении преступника, изучает, как... протекала партия в бридж, участниками которой были подозреваемые.

Показательно, что в тех случаях, когда в поведении преступника доминирует — хотя бы на одном из этапов — элемент случайности, импровизации, Пуаро оказывается в трудном положении. Но выход он находит на том же пути. В экстремальной ситуации Пуаро идет даже на имитацию смерти одного из персонажей («Загадка Эндхауза», «Драма в трех актах») — и по реакции окружающих восстанавливает недостающее звено. С психологической точки зрения этот прием, конечно, любопытен, но читатель испытывает легкое разочарование от отсутствия «главного ключа».

Впрочем, Кристи не часто использует такой способ изобличения преступника. Учитывая интересы любителей соревноваться с сыщиком, она готова выложить все «ключи», досконально перечисляя факты, предметы, свидетельские показания, которые добыл Пуаро, и дает герою торжествующе заявить: «Я ничего от вас не скрываю. То, что известно мне, известно и вам. Можете делать свои собственные выводы. В этом и состоит искусство детектива» («Таинственное происшествие в Стайлз»); аналогичным образом о всех «ключях» заявлено в романах «Смерть в облаках», «Пять поросят» (в русском переводе известен также под названием «Шестнадцать лет спустя») и других. Распространен и «шерлок-холмсовский» вариант, при котором Пуаро предпочитает оставлять свои догадки при себе до эффектного финала («Я проведу вас тем путем, которым шел сам» — «Убийство Роджера Экройда»). Последний из названных романов примечателен и тем, что в нем Кристи решилась нарушить один из важнейших, строго соблюдавшихся в те годы законов построения детектива, за что была под-

вергнута обструкции собратьями по ремеслу. Другое нарушение «законов жанра» (преступник должен быть один) в знаменитом «Убийстве в Восточном экспрессе» — спокойно «сошло с рук» автору, так как уже к тридцатым годам само развитие детектива показало ограниченность известных «правил для пишущих детективы», созданных Р. Ноксом или С. С. ван Дэйном — сковывающих фантазию и возможности писателя. Безусловно, читателю не было ровно никакого дела до таких тонкостей, ибо Агата Кристи удовлетворяла самых привередливых любителей разгадывать детективные сюжеты-головоломки.

С Агатой Кристи на карте детектива появилась, все более расширяясь, «добрая старая Англия» — преимущественно провинциальная, сохраняющая традиции викторианской эпохи со своим неспешным образом жизни, отсутствием сколько-нибудь заметных изменений, стандартным набором персонажей (небогатые владельцы усадеб и замков, отставные военные, местная интеллигенция и т. п.), с не менее стандартными мотивами поведения, чреватого криминалом (борьба за получение наследства, ревность, жажда обогащения). Это, конечно, не единственная область интересов писательницы, но, пожалуй, самая характерная.

В творческом багаже Пуаро — расследования убийств в старинных поместьях и курортных отелях, в светских гостиных и студенческом общежитии, в поезде, самолете, на пароходе, в Англии, Франции, Египте... Соответственно меняются «условия игры», характер улик. Но на пари Пуаро может докопаться до истины и не покидая своего кабинета, во всяком случае предпочитает не суетиться, не упуская возможность поиронизировать над полицией: «По вашему хороший сыщик... должен быть полон жизни. Он должен метаться туда-сюда. Он должен валяться на животе в дорожной пыли и искать через крошечную лупу следы шин. Он должен собирать окурки и брошенные спички, да?.. А вот я, Эркюль Пуаро, заявляю вам, что это неверно! Единственное, что имеет цену, — это маленькие серые клеточки там, внутри. Тихо и незаметно они делают свое дело».

Таким образом Пуаро утверждает, что умение логически мыслить, анализировать доступные факты — альфа и омега деятельности детектива; блестящее подтверждение тому — в романе

«Пять поросят», где Пуаро восстанавливает справедливость, изучая показания пяти свидетелей происшедшего много лет назад события. «Люди так же восстанавливают старые убийства, как восстанавливают старые мелодии, старые пьесы... Эти письменные отчеты оказались чрезвычайно ценным материалом, так как в них я нашел то, что с точки зрения судебных органов не имело непосредственного отношения к делу. Это были реплики, личные мнения; я нашел также в этих отчетах факты, сознательно скрытые от суда и следствия. Таким образом, я получил возможность увидеть подлинную картину убийства».

В биографии Пуаро есть даже расследование «преступления, которое еще не совершено» (рассказ «Осиное гнездо»).

Изысканной логикой расследования Кристи, можно сказать, искупает два «невыразительных» компонента своих романов. Во-первых, ее не интересует изображение убийства. «Детектив был рассказом с моралью, — вспоминала она в автобиографии. — Как и все, кто писал и читал эти книги, я была против преступника и за невинную жертву... Никому в голову прийти не могло, что наступит время, когда детективы будут читаться из-за описываемых в них сцен насилия, ради получения садистского удовольствия от жестокости ради жестокости...»

Кристи только констатирует смерть — от пули, кинжала, яда (разнообразие способов применения последнего в ее произведениях — тема отдельного исследования).

Во-вторых, достаточно однообразна (за редким исключением) социальная обстановка, в которой развивается действие — «фон» романов. Кристи принадлежала к тому слою, который в Англии именуется «верхне-средним», хорошо знала его и, вполне естественно, именно его и изображала в своих произведениях. По степени разработанности деталей быта, нравов, вкусов этого, в довольно значительной степени приверженного традициям слоя, произведения Кристи можно рассматривать как многократно тиражированный бытовой, правоописательный роман. Даже когда ее герои плывут на туристском пароходе по Нилу («Смерть на Ниле»; в русском переводе — «Убийство на пароходе «Карнак»), по характеру конфликта и пароход мог с тем же успехом плыть по Темзе, и его пассажиры — быть гостями на какой-нибудь вилле в графстве Суссекс...

Преступления совершаются, как правило, в довольно замкнутой обстановке, и все причастные к нему обычно связаны друг с другом узами знакомства или родства. А если учесть, что в «тихом омуте» светского общества, куда ни глянь, — в каждом можно подозревать «черта» (Кристи весьма заботится об этом), то распутывание таких клубков под силу только таким психологам, как Пуаро или Марпл, прекрасно ориентирующимся в обстановке. Интересно отметить, что Кристи-бытописатель в поисках сюжетов умело использует даже сам интерес к детективу в том самом «верхне-среднем» слое, о котором пишет. И мисс Марпл («Объявлено убийство»), и Пуаро («Каприз») однажды оказываются в ситуации, когда скучающее общество организует «игру в детектив», пользуясь большим успехом. Другое дело, что злоумышленники, словно начитавшись романов Кристи, под прикрытием «игры» совершают реальные преступления, но тут уже в борьбу с ними вступают бесспорные мастера, а не праздные обыватели...

Атмосфера великосветских сплетен и интриг, пропитанная привкусом яда, интересна всем, что с блеском использовала писательница. Не чужды этой атмосфере и «главные сыщики» Кристи, напоминающие порой самих участников событий. Особенно это касается мисс Марпл — чрезвычайно любознательной старушки, живущей в своем сельском доме и известной полиции как «знаменитый детектив в масштабе деревни» («Труп в библиотеке»; в русском переводе — «Происшествие в старом замке»). Ее основной метод — аналогии с «мелкими деревенскими происшествиями». И тем не менее полиция чаще всего выступает в роли Уотсона, когда в действие вступает мисс Марпл. В произведениях с ее участием наиболее ярко проявилась приверженность Кристи бытописанию, и читателю, не знакомому с тем, о чем пишет Кристи, предоставляется хорошая возможность увидеть жизнь провинциальной Англии первой половины XX века. Одновременно романы с мисс Марпл предлагают особо утонченные детективные загадки, потрясающую изобретательность преступников. Это относится и к названному выше, и к романам «Объявлено убийство», «Отель "Бертрам"».

Пока на русский язык переведен один роман, в центре которого — деятельность супружеской пары детективов-любителей

Таппенс и Томми Бересфорд («М или Н?»). Он стоит несколько особняком в творчестве Кристи и по тематике (поиск шпиона на английском курорте во время второй мировой войны), и по «приключенческому» характеру сюжета, в котором герои, действуя по заданию контрразведки, попадают в трудные ситуации, рискуя жизнью, участвуют в погоне и даже становятся заложниками почти случайно обнаруженного диверсанта.

Из книг «вне серии» экспериментом для Кристи явился знаменитый роман «Десять негрятят», где инициатор событий, как мистер Шайтана в «Карты на стол», собирает вместе группу людей, имеющих в своем прошлом недоказанные преступления. Но Шайтана поплатился жизнью за свое оригинальное решение, а герою «Негрятят» изощренную кару для всех гостей своего дома удалось организовать на отрезанном от цивилизации острове — неотвратимую, неизвестно откуда исходящую месть по сценарию детской песенки, текст которой висит в столовой:

Десять негрятят отправились обедать,
Один поперхнулся, и осталось девять.
Девять негрятят, поев, клевали носом.
Один не проснулся, и осталось восемь...

Вся палитра человеческих чувств и отношений предстает перед глазами читателя, наблюдающего, как потенциальные жертвы мечутся в поисках выхода и, не найдя его, по очереди становятся жертвами реальными. Девять убийств и самоубийство — «норма», которую раньше Кристи выполняла за несколько лет, — итог этого романа, представляющего собой образец романа-загадки. Во внесерийных романах сыщики-профессионалы («Загадка Ситтафорда», «Убить легко») или любители («Почему не позвали Уилби?», «Место назначения неизвестно») явно слабее «основных» героев Кристи, но сюжет у нее всегда остается на высоком уровне.

Неизменно сильна Кристи в желании и умении передать образ места, обстановки, где происходит действие. У нее нет стремления к изысканности, наоборот, она подчеркивает обыденность, традиционность всего — от пейзажа до предметов сервировки стола. Важно отметить и такие редкие для детективов свойства, как выразительность языка, большая смысловая нагрузка диалогов.

В произведениях Кристи все рассчитано очень точно, недаром многие из них послужили основой для сценических постановок и кинофильмов. Кристи написала 17 пьес, две из них переведены на русский язык. Показательно, что в основе и «Мышеловки», и «Свидетеля обвинения» — рассказы, и автору не пришлось принципиально ничего менять для сценической интерпретации, настолько полны и содержательны оказались диалоги.

Рассказ как жанр Кристи ценила невысоко, считая, что в детективном рассказе невозможно как следует развернуть настоящую интригу. В ее исполнении это, скорее, логические загадки, и тем не менее только Эркюлю Пуаро посвящено несколько сборников («Пуаро расследует», 1924; «Подвиги Геракла», 1947), в которых, конечно, нет напряжения ее лучших романов, но и халтуры тоже нет. Перечисляя все достоинства Агаты Кристи, надо сказать, наконец, что ее всемирная популярность объяснима не только мастерством конструирования «головоломок» и детективного расследования, но и тем, что даже в самых ее «разоблачительных» произведениях не могут остаться незамеченными явная доброта и жалость к людям.

А эти чувства идут напрямую к сердцу — пока «серые клеточки» трудятся над очередной загадкой «старушки Агаты».

Сергей Бавин

АГАТА КРИСТИ

ТАЙНА
ТРЕТЬЕЙ ДЕВУШКИ

Глава 1

Эркую Пуаро завтракал. Справа дымилась чашка шоколада — он всегда любил сладкое. Шоколаду сопутствовала аппетитная булочка. Пуаро удовлетворенно кивнул головой. Он получал удовольствие. Покою желудку соответствовал покой в мыслях. Он недавно кончил дело жизни — анализ творчества великих детективных писателей. При этом Пуаро позволил себе пренебрежительную оценку Эдгара По, выразил сожаление по поводу отсутствия методичности и порядка в книгах Уилки Коллинза, чрезмерно превознес двух малоизвестных американских авторов. Он всячески хвалил там, где считал это уместным, но в других случаях безжалостно критиковал. Сейчас он держал корректуру своей работы и с удовлетворением перечитывал ее, хотя его раздражали многочисленные ошибки наборщика. Ему было приятно думать и об этом литературном достижении, и об обширном чтении, которое предшествовало ему. Он вспоминал минуты, когда, фыркнув от отвращения, бросал какую-нибудь книгу на пол, чтобы сразу же встать, поднять ее и заботливо поместить в корзине для бумаг; или, в редких случаях, склонял голову перед романом.

И что дальше? Сейчас — приятный перерыв — очень нужное расслабление после интеллектуального усилия. Но это не может длиться вечно, нужно взяться за что-нибудь новое. К сожалению, Пуаро не представлял, что бы это могло быть такое «что-нибудь новое». Другой литературный труд? Нет, наверное... Его жизненной аксиомой было: «Сделать что-либо как можно лучше и больше к этому не возвращаться». Все дело в том, что он устал, и это ему надоело. Он слишком перенапряг свой мозг.

Пуаро расстроено кивнул головой и сделал еще глоток шоколада.

Двери открылись. В комнату вошел его слуга Джордж. Он тихо кашлянул, прежде чем сказать приглушенным голосом:

— Какая-то... — он сделал паузу, — молодая леди хочет встретиться с вами, сэр.

— Я не принимаю посетителей в это время, — с укором ответил ему Пуаро.

— Я знаю, сэр.

Пуаро и слуга обменялись взглядами. Взаимопонимание между ними иногда возникало с трудом. Интонацией голоса, выражением лица, иногда соответствующим построением фразы Джордж давал понять, что ситуацию можно прояснить, если задать подходящий вопрос. Пуаро секунду подумал, какой вопрос подойдет в данном случае.

— Хорошенькая? — спросил он осторожно.

— По-моему, нет, сэр, но у каждого свой вкус.

Пуаро задумался над этим ответом. Он вспомнил паузу, которую Джордж сделал перед тем, как сказать «молодая леди». Джордж был особенно чувствителен к тонкостям социальной иерархии. По-видимому, у него были сложности с установлением социального статуса посетительницы, поэтому сомнительную ситуацию он разрешил в ее пользу.

— Ты считаешь, что это скорее молодая леди, чем, скажем, молодая особа?

— Так мне кажется, сэр. Хотя это не всегда можно с уверенностью определить в наши дни, — ответил Джордж с сомнением в голосе.

— Она сказала, в чем дело?

— Да, сэр, — неохотно ответил слуга, так, как будто бы ждал дальнейших расспросов. — Она сказала, что хотела бы проконсультироваться у вас по поводу убийства, которое она, по-видимому, совершила.

Пуаро поднял брови, широко открыв глаза.

— По-видимому? Она не уверена в этом?

— Так она выразилась, сэр.

— Странно, но, возможно, интересно, — сказал Пуаро.

— Может быть, это шутка, сэр? — с сомнением в голосе спросил Джордж.

— Все возможно, — согласился Пуаро, сделал еще один глоток шоколада. — Пригласи ее сюда через пять минут.

— Хорошо, сэр, — ответил Джордж и вышел.

Пуаро допил чашку, энергично поставил ее и встал с кресла. Он пошел в сторону камина; перед зеркалом, висящим над полкой, старательно поправил усы и, довольный собой, вернулся в кресло, чтобы ждать посетительницу. Ему было интересно, что последует дальше...

Он немножко надеялся, что девушка будет соответствовать его идеалам женской красоты. На ум ему пришел избитый оборот «красавица в беде», но вид посетительницы его разочаровал. Он с жалостью кивнул головой и тяжело вздохнул. Перед ним не было ни красавицы, ни заметных следов беды. Девушка была лишь в некотором замешательстве.

«Ах, эти девчонки! — подумал он с отвращением. — Даже не пытаются что-нибудь сделать с собой: с подходящим макияжем, эффектно одевшись, причесавшись у хорошего парикмахера, она выглядела бы весьма неплохо. Но сейчас!»

Девушке было лет двадцать. Большие зеленовато-голубые глаза смотрели мутно и неуверенно. Одежда соответствовала вкусам ее сверстников и состояла из высоких сапог из черной кожи, белых — сомнительной чистоты и плохой выделки — шерстяных чулок, короткой юбки и длинного грязного свитера из очень гру-

бой шерсти. Человек в возрасте Пуаро мог испытывать только одно желание: как можно скорее засунуть ее в ванну! Подобные чувства он часто испытывал на улицах, где можно встретить сотни подобных девиц. Все они выглядят грязными! И одновременно — хотя это противоречит предыдущему — она выглядела так, как будто ее недавно окунули в реку и вытащили оттуда. «Такие девушки, — размышлял он, — возможно, на самом деле и не грязны. Просто они очень стремятся выглядеть подобным образом».

Он встал с присущей ему вежливостью, подал ей руку и указал на кресло.

— Вы хотели видеть меня, мадемуазель? Садитесь, пожалуйста.

— Ох, — произнесла девушка, сдерживая дыхание. Она устала на него.

— Сядете? — спросил Пуаро.

Она колебалась.

— Лучше... Я лучше постою.

Ее большие глаза продолжали с сомнением всматриваться в него.

— Как хотите.

Пуаро вернулся в свое кресло и стал ждать, глядя на нее. Девушка переступала с ноги на ногу. Она опустила взгляд, но вскоре опять устала на Пуаро.

— Вы... вы Эркюль Пуаро?

— Несомненно. Чем могу служить?

— Понимаете... Это весьма трудно... Речь идет о...

Пуаро почувствовал, что ей, возможно, нужно немного помочь.

— Слуга сказал мне, — начал он мягко, — что вы хотели бы проконсультироваться у меня «по поводу убийства, которое, по видимому, совершили». Это так?

— Да... Это так. — Она живо кивнула головой.

— В подобной ситуации не может быть разговора о сомнениях. Я думаю, что вы должны спросить у себя, совершили вы убийство, или нет?

— Видите ли... Не знаю, с чего начать... Речь идет о...

— Прошу вас не волноваться, — доброжелательно обратился к ней Пуаро. — Садитесь, расслабьтесь и расскажите мне все...

— Я не думаю... Боже мой! Я не знаю как... Видите ли, это... Это очень сложное дело... Я передумала... Не хотелось бы быть невежливой, но... Лучше я пойду.

— Лучше расскажите. Смелее!

— Не могу. Я думала, что смогу прийти и спросить... Спросить, что мне делать... Но, видите ли... Не могу... Это все так отличается от...

— От чего?

— Мне очень жаль... Не хотелось бы быть невежливой, но... — она глубоко вздохнула, посмотрела на Пуаро, отвела взгляд и внезапно выпалила: — *Вы слишком старый!* Мне не сказали, что вы такой старый. Честное слово, мне не хотелось бы быть невежливой, но что делать. *Вы слишком старый!* Прощу меня простить.

Она повернулась и неуверенно, как ночная бабочка при свете лампы, выпорхнула из комнаты.

Пуаро стоял, широко открыв глаза и окаменев. Через минуту он услышал, как захлопнулась дверь на улицу.

Глава 2

I

Телефон звонил пронзительно и навязчиво, однако Эркюль Пуаро как будто не обращал на него внимания.

В комнату вошел Джордж и, не без удивления поглядывая на хозяина, направился к аппарату.

Пуаро остановил его движением руки.

— Не нужно, Джордж.

Слуга послушно вышел, а телефон звонил и звонил, чтобы неожиданно умолкнуть и через пару минут начать снова.

— Черт побери! — бросил Пуаро, разозленный настойчивым звонком. — Это женщина... Наверняка женщина!

Он вздохнул, поднялся с кресла и взял трубку.

— Алло! — рассерженно отозвался он.

— Это... Это мсье Пуаро?

— Собственной персоной.

— Это Ариадна Оливер... Ваш голос звучит непривычно. Я вас не сразу узнала.

— Bonjour¹, мадам... Я надеюсь, у вас все в порядке?

— О, да... Все в порядке.

Голос Ариадны Оливер — приятельницы Эркюля Пуаро, известной детективной писательницы — звучал со свойственной ей бодрой интонацией.

— Может быть звонить еще слишком рано, но у меня к вам большая просьба.

— Слушаю, мадам.

— Речь идет о ежегодном банкете в клубе детективной литературы. Не согласитесь ли вы быть в этом году нашим почетным гостем и выступить перед нами? Если да, это будет очень, очень любезно.

¹ Добрый день (фр.)

- Когда он состоится?
- Двадцать третьего следующего месяца.
- Увы! — Пуаро глубоко вздохнул. — Я слишком стар.
- Стары? Вы? Выдумки! Вы совсем не стары.
- Вы так считаете?
- Разумеется. Вы будете великолепны. Расскажите нам множество милых историй о подлинных преступлениях.
- А кто захочет слушать?
- Все! Они... мсье Пуаро, скажите, что-нибудь случилось? Что вас тревожит? У вас расстроенный голос.
- Да, я расстроен. Мои чувства... Впрочем, это не имеет значения.
- Тем не менее, расскажите мне обо всем.
- К чему жаловаться?
- А почему бы и нет? Лучше приходите ко мне и расскажите обо всем. Когда вы придете? Сегодня после полудня, хорошо? На чай?
- Я не пью чай в это время.
- Может быть, кофе?
- Кофе я тоже не пью в это время.
- А, знаю! Шоколад со взбитыми сливками! Хорошо? Или лимонад, оранжад? А, может быть, мне удастся достать кофе без кофеина и...
- Не нужно, это нечто отвратительное.
- А, знаю! Ликер. Вы наверняка любите ликер. У меня в буфете есть полбутылки ликера из черной смородины.
- Трудно не капитулировать перед вами! Сдаюсь. Ваша заботливость меня расстрогала. Охотно выпью сегодня после полудня чашку шоколада.
- Прекрасно! И тогда расскажете мне о том, что вас тревожит, — с этими словами она положила трубку.

II

Пуаро на секунду задумался, а потом набрал номер.

— Мистер Гоби? — спросил он. — Это Эркюль Пуаро. Вы очень заняты?

— Средне, — зажурчал в трубке голос мистера Гоби. — Средне. Я бы сказал, в разумных пределах. Но если у вас срочное дело, как это обычно бывает, мои ребята сразу же возьмутся за работу. Конечно, умелых сейчас не так легко найти, как раньше. Они слишком высокого мнения о себе. Считают, что уже все знают, даже еще не начав учиться. Но что делать. На молодых плечах не найти старых голов. В любом случае с удовольствием готов слу-

жить вам. Включу в дело пару лучших ребят. Речь идет, как обычно, о сборе информации?

Мистер Гоби умолк и стал внимательно слушать Пуаро, который подробно перечислял, что нужно сделать и на что он рассчитывает. Кончив разговор, Пуаро позвонил в Скотленд-Ярд и быстро связался с одним из своих друзей. Тот внимательно выслушал его и ответил:

— Небольшая просьба, не так ли? Какое-то убийство, неизвестно где совершенное. Время, место и жертва неизвестны. Помоему, старик, это поиски ветра в поле. Ну, и,— добавил он неодобрительно,— похоже, что ты сам ничего не знаешь.

III

В этот же день в четыре пятнадцать дня Пуаро сидел в гостинной миссис Оливер и с удовольствием пил шоколад со взбитыми сливками. Большая чашка этого нектара и тарелочка с печеньем, известным под названием «кошачьи язычки», стояли на столике рядом с ним.

— Мадам, вы очень любезны,— сказал Пуаро, довольный угощением, и не без удивления посмотрел на прическу хозяйки и новые обои, украшающие ее гостиную.

И то, и другое было сюрпризом для него. Когда он в последний раз видел миссис Оливер, она была причесана гладко и очень скромно. Сейчас на ее голове была масса локонов. Это изобилие не выглядело натуральным, поэтому Пуаро обдумывал: сколько накладок из волос могло бы обнаружиться на диване, если бы миссис Оливер сделала резкое движение, что случалось очень часто. А обои...

— Это вишни? — спросил Пуаро, описывая широкую дугу ложечкой.— Они недавно у вас, не так ли?

Он ощущал себя в вишневом саду.

— Их слишком много, как по вашему? — ответила хозяйка.— С обоями никогда заранее не ясно. Вы считаете, что старые были лучше?

Как сквозь туман Пуаро вспоминал множество разноцветных тропических птиц в буйно разросшихся джунглях. Ему хотелось сказать: «Чем больше перемен, тем меньше тут меняется», но он вовремя удержался.

— А теперь,— начала хозяйка, когда гость отодвинул чашку и блюдце, отер с усов капли сливок и с блаженным вздохом откинулся в кресле,— расскажите, что же произошло?

— Это не так просто. Сегодня утром пришла ко мне какая-то девушка. Вообще-то, она должна была вначале условиться о вре-

мени визита. Ведь вы знаете, у меня уже сложился определенный распорядок дня. Но она сообщила через слугу, что хочет проконсультироваться по поводу убийства, которое она, по-видимому, совершила.

— Невероятно. Неужели она этого точно не знала?

— Именно! Это очень странно. Я велел Джорджу тотчас впустить ее. Девушка вошла в комнату и остановилась. Сестра она отказалась, стояла и гладела на меня. Она смахивала на слабоумную. Я попытался придать ей смелости. Тогда она неожиданно выпалила, что передумала. Несколько раз повторила, что не хотела бы быть невежливой, но что... что я *слишком стар!*

— Да... Таковы теперь девушки,— сочувственно подхватила миссис Оливер.— Человек старше тридцати пяти для них почти покойник. Не забывайте, дорогой друг, что у них ветер в голове.

— Это поразило меня,— сказал Пуаро.

— На вашем месте я бы не принимала все так близко к сердцу... Хотя, естественно, это грубость — сказать такое.

— Не в этом дело, и речь идет не только о моей обиде. Я беспокоюсь, дорогая миссис Оливер. Очень беспокоюсь.

— На вашем месте я бы выбросила все это из головы,— участливо посоветовала Ариадна Оливер.

— Вы не поняли. Я беспокоюсь об этой девушке. Пришла ко мне за помощью. Потом решила, что я слишком стар. Слишком стар, чтобы быть ей полезным. Она, конечно, напрасно пришла, не договорившись заранее, а потом напрасно убежала, но она нуждается в помощи. Это я вам говорю — Эркуль Пуаро!

— Я в этом не была бы так уверена,— возразила хозяйка.— Девушки часто делают из мухи слона.

— Нет, вы ошибаетесь. Ей нужна помощь.

— Вы же не считаете, что она на самом деле совершила убийство?

— Почему бы и нет? Она сама сказала, что сделала это.

— Возможно, но...— миссис Оливер сделала паузу.— Сказала, что, по-видимому, совершила убийство. Но что она имела в виду?

— Справедливый вопрос! Потому что это бессмыслица!

— Кого она убила, или ей кажется, что убила?

Пуаро беспомощно развел руками.

— И почему она это сделала?

Детектив повторил этот жест.

— Конечно, могут быть разные объяснения.— Ариадна Оливер дала волю своему богатому воображению.— Ваша клиентка могла сбить кого-то машиной, дать газ и умчаться. Или на нее напал какой-нибудь мужчина... Над морем, среди скал... Она защищалась и столкнула его в пропасть. Или по ошибке дала кому-то не то

лекарство. Могла также участвовать в оргии наркоманов, во время которой произошла драка... Позже девушка пришла в себя и решила, что это она убила кого-то ножом. Или...

— Хватит, мадам, хватит, — прервал ее Пуаро, но миссис Оливер не могла остановиться.

— Или, например, она — медсестра в больнице... Во время операции могла ошибиться... Хотя бы в дозировке наркоза и... — миссис Оливер неожиданно остановилась, ощутив нехватку информации. — Как эта девушка выглядела?

— Как Офелия, лишенная привлекательности, — ответил детектив после минутного размышления.

— О... я почти представила ее после этих ваших слов. Странная девушка.

— Таким трудно в жизни. По крайней мере мне так кажется. Она не умеет встречать трудности лицом к лицу. Вовремя не замечает опасность, которая может ей грозить. Встречаясь с такими, люди говорят: «Нам нужна жертва. Эта в самый раз подойдет», — сказал Пуаро.

Но миссис Оливер не слушала его. Хорошо ему знакомым жестом она взялась обеими руками за свои буйные локоны.

— Подождите! Подождите! — вдруг закричала она.

Пуаро остановился. Не без удивления смотрел он на хозяйку дома.

— Вы не назвали имени этой девушки.

— Она тоже его не назвала. Очень жаль.

— Подождите! — воскликнула она все так же взволнованно.

Миссис Оливер опустила руки, и пышные волосы упали ей на плечи, а самая великолепная накладная отцепилась от прически и упала на пол. Пуаро поднял ее и деликатно положил на столик.

— А... Значит так... — Миссис Оливер неожиданно успокоилась, поправила несколько шпилек в волосах и несколько раз кивнула головой.

— Кто сообщил о вас этой девушке? — наконец спросила она.

— Никто, насколько мне известно. Она должна была знать обо мне. Это же очевидно!

Миссис Оливер подумала, что это не так уж очевидно, как это представляется Эркюлю Пуаро, который уверен, что каждый должен знать о нем. Сейчас многие, особенно среди молодежи, никак не отреагировали бы, услышав его имя. «Это очевидно, — продолжала она свои размышления, — но как дать ему понять, не обидев старика?»

— Мне кажется, что вы ошибаетесь, — тактично начала она. — Современные девушки... да и юноши мало что знают о детективах... Чаще всего ничего не слышали о них.

— Каждый слышал об Эркюле Пуаро! — надменно возразил ей Пуаро. В этом он ни капли не сомневался.

— Видите ли, у современной молодежи большие пробелы в образовании,— продолжала хозяйка.— По сути дела они знают только певцов, эстрадных музыкантов, популярных спортсменов и тому подобных. Если кому-нибудь из молодежи нужен специалист, например, детектив, дантист, врач, он обращается к знакомому с просьбой о совете. И что говорит подобный советчик? Он говорит: «Ах, моя дорогая, пойди к уникальному чудотворцу, который живет на Квин Эннз стрит. Трижды обовьет твои ноги вокруг твоей головы, и сразу вылечишься». Или: «У меня украли все бриллианты, а в полицию я не хотела обращаться, так как Генри вышел бы из себя. Но нашелся несравненный детектив, воплощенная деликатность. Он нашел бриллианты, и Генри вообще не узнал о краже». Так сейчас улаживают подобные дела. Кто-то должен был направить к вам эту девушку.

— Очень сомневаюсь.

— В подобных случаях человек, как правило, сомневается, пока не услышит правду. Сейчас вы ее услышите. Только что я вспомнила, что я рассказала о вас этой девушке.

— Вы? Почему вы сразу об этом не сказали?

— Потому что до меня не сразу дошло. Вы упомянули об Офелии... Скорее некрасивая, и длинные волосы, как будто мокрые,— так выглядит девушка, с которой я недавно познакомилась... совсем недавно. И мне неожиданно пришло в голову, кто мог к вам обратиться.

— И кто она?

— Вообще-то, я не знаю, как ее зовут, но это легко установить. Был разговор о частных детективах и о том, как без шума улаживать деликатные проблемы. Я, естественно, вспомнила о вас и ваших поразительных успехах.

— И вы дали ей мой адрес?

— Ничего подобного! Я не имела понятия, что ей нужен частный детектив или что у нее какие-нибудь проблемы. Это была обычная дружеская беседа. Но я несколько раз назвала ваше имя. Она могла взять потом телефонную книгу и без труда найти там ваш адрес.

— Шла ли речь о каком-нибудь убийстве?

— Не припоминаю. Я даже не помню, почему вообще зашел разговор на эту тему... Хотя... Хотя, кажется, именно она первой заговорила об этом...

— В таком случае прошу вас рассказать поподробнее. Даже если не знаете, как ее зовут, расскажите все, что вам о ней известно.

— Это случилось во время последнего уикэнда. Я была у Лор-

примеров. Они взяли меня к каким-то своим знакомым, которые уже давно приглашали их на вечеринку... Там было много людей, и я не очень-то развлекалась. Вы знаете, что спиртное я не люблю, поэтому хозяевам всегда приходится ломать голову — какими безалкогольными напитками меня угощать. Ну, и все всегда говорят мне одно и то же. Догадываетесь, что? Что очень любят мои книги и давно мечтают познакомиться со мной. Это меня... Это меня раздражает, наводит скуку, и я сама себе кажусь ужасно смешной. Но, как везде, я и там как-то выкручивалась... Да! Новые знакомые всегда мне говорят, что им очень нравится мой мерзкий детектив, Свен Герсон. Если бы они знали, как он мне противен! Но издатель говорит, что мне нельзя в этом признаваться. Случайно заговорили о повседневной жизни детективов. Я кое-что рассказывала о вас, а эта девушка стояла рядом и слушала. Сейчас, когда вы сказали о некрасивой Офелии, одно соединилось с другим. Я подумала: «Кого мне это напоминает?» — и сразу же ответила себе: — «Конечно! Девушку с последнего уикэнда». Возможно, это была дочь хозяйки, если, естественно, не путаю ее с кем-нибудь другим.

Пуаро тяжело вздохнул. Общение с миссис Оливер требовало немалого терпения.

— У кого именно вы были на вечеринке?

— Их фамилия Трефусис. А, может быть, Триэри. Что-то в этом роде. Бизнесмен. Богач. Сейчас он обделывает дела в Лондоне, но значительную часть жизни провел в Южной Африке.

— Женат?

— Да. Уже второй раз. Жена значительно моложе его, очень симпатичная. Такая, знаете, златоволосая красотка. Есть дочь от первого брака. В доме живет также дядя, очень старый и почти глухой — очень заслуженный человек: адмирал или маршал авиации, что-то в этом роде. Думаю, что также и астроном, так как своими глазами видела огромный телескоп, торчащий на крыше. Но, может быть, это только хобби старика. Познакомилась я также с молодой иностранкой, которая занимается его делами. Ездит с ним в Лондон и следит, чтобы он не попал под машину. Милая девушка.

Пуаро сортировал получаемую информацию и в какой-то степени ощущал себя живым компьютером.

— Итак, в доме проживает семья Трефусис...

— Не Трефусис! Я сейчас вспомнила. Рестарик!

— Гм... Эти фамилии непохожи.

— Почему? Обе корнуэльские.

— Итак, в доме проживает семья Рестарик, очень заслуженный дядюшка в преклонном возрасте... Его фамилия тоже Рестарик?

— Нет. Сэр Родерик и как-то дальше.

— Хорошо. Живет там также молодая иностранка, компаньонка, если можно так ее назвать, а также дочь... Еще есть дети?

— Не думаю, но точно не знаю. Между прочим, дочь там не живет. Приехала только на уикэнд. Думаю, что она не очень ладит с мачехой. Она где-то служит в Лондоне и имеет дружка, который ее родителям не по вкусу. Так мне, по крайней мере, кажется.

— Вы очень много знаете об этой семье.

— Что ж, приходится собирать разную информацию. Лорримеры — болтуны первого разряда. Они любят рассказывать о своих знакомых, приходится и от других слышать разные слухи. Много, правда, путается. Нечто подобное произошло со мной и на этот раз. Не могу вспомнить имя этой девушки... Что-то, связанное с песнями. Тора? «Скажи мне, Тора, скажи!» Тора... Тора... А, может быть, Мира? «Мира, единственная моя любовь...», что-то в этом роде... «Мне снилось, что я живу в мраморном дворце...» Норма? Или Маритана? Норма! Вспомнила! Норма Рестарик, — уверенно бросила миссис Оливер и добавила без видимой связи: — Она — третья.

— Третья? Насколько помню, вы говорили, что она — единственная.

— Да. Так мне, по крайней мере, кажется.

— Тогда почему третья?

— Бог мой! Вы не знаете, что значит «третья девушка»? Вы не читаете «Таймс»?

— Читаю рубрику рождений, смертей и свадеб и, иногда, какую-нибудь заинтересовавшую меня статью.

— Речь не об этом. Я говорю об объявлениях на первой странице. Секунду. Сейчас вам покажу.

Миссис Оливер схватила со столика номер «Таймс», раскрыла и продемонстрировала гостю.

— Вот! Посмотрите: «Ищем третью девушку в комфортабельную квартиру на Эрлз-Корт. Собственная комната. Центральное отопление». «Ищем третью девушку в дешевую квартиру. Плата — пять гиней в неделю. Отдельная комната». «Ищем четвертую девушку. Реджент парк. Предоставляется комната». Так сейчас устраиваются девушки. Им это больше нравится, чем пансион или комната в семье. Девушка нанимает меблированную квартиру и в качестве жилища берет другую, обычно подругу. Третью они находят по объявлению, если у них нет подходящей знакомой. Но, как вы сами видели, часто удается втиснуть в квартиру и четвертую. Первая занимает лучшую комнату, вторая, платит меньше, третья — еще меньше и, естественно, ей достается какая-нибудь клетушка. Они устанавливают очередь, и в определенные дни недели каждая имеет всю квартиру в полном распоряжении — и все в порядке.

— А где в Лондоне живет эта «третья девушка», которую, возможно, зовут Норма?

— Я же вам говорила, что ничего о ней не знаю.

— А сможете узнать?

— Смогу. Без особого труда.

— В тот день не было разговора... Хотя бы случайного упоминания о какой-нибудь неожиданной смерти?

— Вас интересует смерть в Лондоне или в доме Рестариков?

— Меня интересует и то, и другое.

— Кажется, нет... Ничего не припоминаю. Вы хотите, чтобы я попробовала еще что-нибудь узнать?

— Это было бы очень любезно, мадам.

Миссис Оливер ощущала себя в своей стихии. Глаза ее блестящие. Она решительно направилась к телефону.

— Позвоню Лорримерам. Сейчас удобное время. Нужно найти какой-нибудь предлог, может быть даже присочинить кое-что... — она неуверенно посмотрела на Пуаро.

— Это оправдано, и я уверен, что вам это не сложно, — ответил Пуаро. — Ведь у вас богатое воображение. Но пусть предлог не будет слишком фантастичен. Советую вам не забывать о чувстве меры.

Миссис Оливер многозначительно взглянула на гостя, набрала номер и, поворачивая голову, проговорила приглушенным голосом:

— У вас есть карандаш, бумага... блокнот? Нужно будет записывать имена, адреса...

У Пуаро уже была под рукой записная книжка, поэтому он ограничился кивком головы и, когда хозяйка все свое внимание сосредоточила на телефоне, стал старательно слушать беседу или, точнее, ту ее часть, которую можно было услышать в этой комнате.

— Алло... Могла бы я... О, это ты, Наоми. Говорит Ариадна Оливер... Да, ты права. Было несколько шумно... Ты говоришь об этом старике?.. Нет... Потому что, собственно говоря, ничего не знаю. Понимаю, почти слепой. Мне казалось, что он ездит в Лондон с этой молодой иностранкой... Временами с ним возникают сложности, но она хорошо заботится о нем... Знаешь, я звоню тебе, чтобы узнать адрес той девушки... Нет. Я имею в виду миссис Рестарик. Саут-Кенсингтон? А может быть Найтсбридж? Понимаешь, я обещала ей одну из моих книг и записала адрес, но, конечно, потеряла. Не помню даже имени. Тора или Норма?.. Норма. Так мне и казалось. Секунду. Возьму карандаш... Слушаю. Бороден Мэншинз, шестьдесят семь... Знаю. Это такой большой корпус, очень похожий на тюрьму Вормвуд Скрабз... Понимаю. Квартира со всеми удобствами, с центральным отоплением и всем, что нужно... А две девушки, которые живут вместе с ней? Знакомые?

Подруги? По объявлению? Клодия Рис-Холланд... Отец — депутат парламента, правда? А другая? Да. Считала, что ты можешь этого не знать... Мне интересно, что они все делают? Если я слышу о какой-нибудь работающей девушке, оказывается, что она секретарша. Так это чаще всего бывает, правда? О, эта девушка занимается оформлением помещений и связана с какой-то художественной галереей... О, нет, Наоми! Конечно, мне не нужна очень подробная информация. Просто мне интересно, чем, собственно говоря, занимаются современные девушки. Видишь ли, в своих книгах я должна идти в ногу со временем. Если я не ошибаюсь, ты говорила о каком-то парне... В таких случаях человек совсем беспомощен. Я имею в виду, что современные девушки поступают, как им заблагорассудится... Он очень плохо выглядит? Такой небритый, немывтый? Нет? Понятно. Другой тип. Парчовые жилеты, длинные каштановые локоны, опускающиеся на плечи. Иногда трудно сказать, девушка это или парень... Они иногда выглядят так, будто сошли с картин Ван Дейка, если, конечно, красивы... Что ты сказала? Эндрю Рестарик ненавидит этого парня? Это нередко случается с отцами... Мэри Рестарик? ... Да, почти у каждой падчерицы возникают недоразумения с мачехой. Я думаю, она была рада, когда девушка стала работать в Лондоне... Ничего не понимаю. О чем люди говорят?.. Почему не удалось выяснить причину болезни? Кто кое-что разболтал?.. Понятно, но что именно скрыли?.. О! Болтливая сиделка рассказала гувернантке Дженнеров... Немыслимо! Муж, ты сказала?.. А... понятно. Врачи не могли поставить диагноз... Нет, нет! Люди, как правило, любят позлорадствовать. Ты права. Такие слухи, как правило, беспочвенны... Расстройство желудка, да?.. Невероятная история! Говорили, что это... Как его зовут? Эндрю... Что будто бы сейчас легко при помощи средства против сорняков... Но почему? Не может быть и речи о том, чтобы он ее давно ненавидел. Ведь это вторая жена, значительно моложе его, очень красивая... Что ж, это представляется гораздо правдоподобней. Но чего тогда добивалась эта молодая иностранка?.. Мэри Рестарик могла сказать что-нибудь, что ее обидело?.. Не исключено. Она очень симпатичная девушка. Эндрю мог ухаживать за ней, Мэри сердилась на него за это и поэтому стала придирааться к девушке и постепенно...

Миссис Оливер заметила краем глаза, что Пуаро сделал ей знак рукой.

— Прошу прощения, моя дорогая, — прервала она телефонный разговор, — подожди минутку, у булочника какой-то вопрос ко мне.

У Пуаро удивленно вытянулось лицо.

Миссис Оливер отложила трубку, быстрыми шагами пересекла комнату и увела Пуаро в оконную нишу.

— В чем дело? — спросила она, чуть запыхавшись.

— Булочник! — разгневанно бросил Пуаро. — Я — булочник!

— Но ведь нужно было что-то придумать. Что вы хотите мне сказать? Вы поняли, что она...

— Потом расскажете, — обиженно прервал ее Пуаро. — Мне и так уже многое известно. А вы лучше придумайте, под каким предлогом я мог бы посетить Рестариков. Скажите, например, что ваш старый знакомый скоро будет в этой местности... Или намекайте...

— Предоставьте это мне. Что-нибудь придумаю. Вас назвать вымышленным именем?

— Ничего подобного! Сделаем все возможно проще.

Ариадна с пониманием кивнула и быстро вернулась к телефону.

— Наоми? Я забыла, на чем остановилась. Боже мой! Всегда кто-нибудь помешает, когда начинается интересная беседа. В эту минуту даже не помню, по какому поводу звонила тебе. А, да! Эта девушка, Тора... Прости, Норма... Я спросила ее адрес и получила его от тебя... Но есть еще кое-что... Я сейчас вспомнила! Речь идет о моем старом знакомом. Обаятельном человеке, надо сказать! Я рассказывала о нем, когда мы вместе были у Рестариков. Его зовут Эржюль Пуаро. Он собирается провести несколько дней по соседству с вами и очень хочет повидаться с сэром Родериком. Пуаро много о нем знает и очень уважает за военные подвиги или научные достижения, точно не знаю. Так или иначе, он жаждет, по его выражению, «нанести старику визит и выразить глубокое почтение». Как ты думаешь, это удобно?.. Ты не предупредишь их?.. Да, да! Пуаро, по-видимому, придет без предупреждения. Скажи Рестарикам, чтобы разговорили его. Он знает массу замечательных шпионских историй, поскольку был... Что такое? О! Пришли стричь газон. Естественно, что ты должна выйти из дома... Ну, пока, Наоми.

Миссис Оливер положила трубку и удобней расположилась в кресле.

— Боже мой! Но я утомилась. Хорошо все прошло?

— Неплохо, — похвалил Пуаро.

— Мне пришлось в голову, что лучше посетить старика. Вы поедете туда и многое увидите, а ведь вы хотели именно этого. Когда поедете, то придумайте что-нибудь более правдоподобное. Теперь хотите послушать, что я узнала от Наоми?

— Насколько я понял, были какие-то слухи по поводу состояния здоровья миссис Рестарик?

— Именно! У нее было странное расстройство желудка, и врачи не могли поставить диагноз. Поместили ее в больницу, где она почувствовала себя хорошо. Когда она вернулась домой, все началось сначала. Врачи не знали, что и сказать. Поползли слухи.

Кое-что разболтала сиделка. Люди стали говорить, что муж пытался отравить Мэри. Такое нередко случается, но здесь это не имело смысла. Потом стали говорить о компаньонке, хотя, на самом деле, это не компаньонка, в точном смысле этого слова, а нечто вроде секретарши старого ловеласа... Но зачем бы она стала кормить Мэри средством против сорняков?

— Одну из возможных причин вы назвали в беседе с подругой.

— Что ж, все может быть...

— Убийство задумано... — Пуаро сделал паузу, — но еще не совершено.

Глава 3

Миссис Оливер заехала во двор огромных современных корпусов, именуемых Бороден Мэншнз. Шесть машин заняли всю стоянку, но одна из них уехала, и миссис Оливер быстро заняла освободившееся место.

Она вышла из машины и огляделась. Строгое, без всяких украшений здание было построено сравнительно недавно, на месте руин, оставшихся после войны.

Рабочий день кончился и на дворе было довольно оживленно. Миссис Оливер посмотрела на часы. Без десяти семь — удобное время. В это время девушки возвращаются с работы домой, чтобы, переодевшись в экстравагантные, плотно облегающие тело брюки или что-нибудь другое, что им больше нравится, вновь выйти в город. Если же остаются дома, то берутся за домашние дела — уборку, стирку, готовку. Так или иначе, можно попробовать. Корпуса с восточной и западной сторон были абсолютно схожи. И в одном, и в другом посредине были большие входные двери. Ариадна Оливер пошла налево, совершив ошибку, так как оказалось, что здесь квартиры с сотого по двухсотый номер. Миссис Оливер повторно пересекла широкий двор.

Квартира под номером шестьдесят семь находилась на шестом этаже. Она вызвала лифт и, когда двери его отворились, быстро вошла внутрь. Современные лифты всегда пугали ее — конечно, не сильно, но все же иметь с ними дело было неприятно.

Двери с шумом закрылись, лифт двинулся и почти сразу же остановился, что также усилило тревожное ощущение миссис Оливер. Она выскочила в коридор, свернула вправо и почти сразу же оказалась перед дверью с металлическими цифрами шесть и семь. В этот момент семерка отвалилась, упала и ударила ее в ногу.

— Не очень-то здесь хорошо ко мне относятся, — сказала она, поморщившись от боли, осторожно подняла цифру и пристроила на старое место.

Нажимая кнопку звонка, она не очень-то рассчитывала, что кого-нибудь застанет. Но дверь сразу же открыла высокая девушка в хорошо сшитом темном костюме с очень короткой юбкой, белой шелковой блузке и элегантных туфлях. Она была слегка накрашена, темные волосы гладко зачесаны вверх. Почему-то она была несколько обеспокоена появлением миссис Оливер.

— О! — произнесла миссис Оливер, опасаясь сказать что-нибудь не то. — Мисс Рестарик дома?

— К сожалению, она вышла. Ей что-нибудь передать?

— О... — повторила миссис Оливер и вынула из сумочки книгу, не очень старательно завернутую в бумагу. — Я обещала ей одну из моих книг, которую она не читала. Надеюсь, что не ошиблась и принесла ту, что она хотела. Мисс Рестарик скоро вернется?

— К сожалению, не могу вам ответить. Я не знаю ее планов на сегодняшний вечер.

— Жаль. Вы мисс Рис-Холланд?

— Да... — девушка несколько удивилась.

— Я знакома с вашим отцом, — продолжила гостья. — Моя фамилия Оливер, я — писательница, — добавила она с некоторым смущением, как всегда, когда приходилось сообщать об этом.

— Может быть, войдете?

Миссис Оливер приняла приглашение, и Клодия Рис-Холланд провела ее в общую гостиную. В этих домах во всех комнатах были одинаковые обои под дерево, а жильцы могли украсить их современной живописью или чем-нибудь еще. Буфет, стеллажи, широкий диван и стол сдавались вместе с квартирой. Об индивидуальном вкусе квартиранток свидетельствовали громадный арлекин — на одной стене, и панно с изображением стаи обезьян, висящих на верхушке пальмы, — на другой.

— Норме наверняка понравится ваша книга. Выпьете что-нибудь? Джин? Шерри?

Энергичная, уверенная в себе девушка — идеальная секретарша.

Миссис Оливер поблагодарила ее.

— Замечательный отсюда вид, — сказала она, выглянув в окно.

— Да. Но он не так радует, когда лифт выходит из строя.

— Я и не подозревала, что даже такой лифт может испортиться. Он напоминает... напоминает робота.

— Он хоть и новый, но не очень надежный. Требуется очень осторожного обращения.

В этот момент в комнату вбежала другая девушка.

— Ты не знаешь, Клодия, где я положила... — Она внезапно умолкла, увидев гостью.

Клодия сразу же познакомила их:

— Фрэнсис Кэри — миссис Оливер. Миссис *Ариадна* Оливер.

— О, как замечательно, — сказала Фрэнсис.

Высокая, стройная, с длинными черными волосами, сильно накрашенным мертвенно белым лицом и подчеркнутыми тушью бровями и ресницами, в плотно облегающих тело вельветовых брюках и просторном грубом свитере она резко контрастировала с энергичной Клодией.

— Я принесла книгу, которую обещала Норме, — пояснила миссис Оливер.

— А! Жаль, что Норма еще не вернулась от родителей.

— До сих пор не вернулась? — спросила миссис Оливер, и ей показалось, что во время затянувшейся паузы девушки обменялись понимающими взглядами. — Я считала, что она работает в Лондоне, — продолжала она удивленным тоном.

— Конечно! — подхватила мисс Рис-Холланд. — Она служит в фирме по оформлению интерьеров. Время от времени выезжает за город с каким-нибудь новым проектом. — Она неуверенно усмехнулась. — Мы ведем независимую жизнь: уходим и возвращаемся, когда хотим, не информируя друг друга о своих планах. Так или иначе, я не забуду о книге и передам ее Норме, как только она появится.

Объяснение было очень простым и не вызывало ни малейших подозрений.

— Буду вам очень благодарна, — с этими словами миссис Оливер встала с кресла.

Клодия проводила ее в прихожую.

— Я расскажу отцу, что познакомилась с вами. Он очень любит читать детективы.

Она закрыла двери и вернулась в гостиную.

— Промахнулась, прости, — сказала ей Фрэнсис.

— Я сказала ей, что Норма вышла, — бросила мисс Рис-Холланд.

— Откуда я могла знать? — девушка пожала плечами. — Куда она девалась? Почему не вернулась в понедельник? Что с ней случилось?

— Не имею понятия.

— Уикэнд она проводила в семье. Может быть, осталась там?

— Нет. Я звонила, чтобы узнать.

— Я считаю, что нас это не касается... А Норма... странно она ведет себя, правда?

— Не более странно, чем другие, — неуверенно возразила Клодия.

— Более, гораздо более, — сказала Фрэнсис. — Временами я ее боюсь. Она производит впечатление ненормальной. — Неожиданно

Фрэнсис рассмеялась. — Она ненормальная. Она свихнулась, и ты понимаешь это, Клодия, но отказываешься признать. Наверно, не хочешь обижать своего хозяина.

Глава 4

Пуаро шел по главной улице Лонг Бейсинг, если можно так именовать единственную улицу городка. Лонг Бейсинг принадлежал к числу поселений, которые растут в длину, пренебрегая шириной. Здесь была великолепная церковь с высокой колокольной и древним тисом на кладбище. Был полный и разнообразный ассортимент провинциальных магазинов, даже два антикварных: в одном на складе хранились исключительно изготовленные из жженой сосны карнизы для развески над камином, второй переполняли уложенные в груды старые карты, выщербленный фарфор, источенные жучками дубовые сундуки, а также стекло и серебряные изделия. Были две омерзительные закусовые и очаровательная корзиночная мастерская, полная старомодных изделий из ивы. Были также почта, магазин готового платья и детской обуви, а также магазин канцтоваров, где можно было приобрести также табачные изделия, газеты, журналы и сладости. На роль аристократа здесь претендовал, несомненно, магазин, торгующий шерстяными изделиями и пряжей; две суровые седоволосые матроны стерегли там бесчисленные полки со всякого рода трикотажем и большими запасами портновских обрезков. Местный продовольственный магазин недавно стали называть «суперсам», он располагал сейчас грудями проволочных корзин и большим набором продовольственных и парфюмерных товаров, упакованных в сумки из разноцветной бумаги. Кроме того, был там небольшой магазин с небольшой витриной; за стеклом была выставлена экстравагантная блузка с этикеткой «последняя новинка», а также темно-синяя юбка и свитер в пурпурную полоску, а рядом картонка с надписью «продаются отдельно». Одежда эта лежала на витрине в беспорядке, как будто ее выбросила из глубины магазина чья-то беспечная рука.

Эркюль Пуаро без особого интереса осматривал все это, равно как и не слишком многочисленные старомодные домики, обращенные фасадом к улице. Некоторые были построены в чисто георгианском стиле, но большинство обнаруживали следы викторианских пристроек и дополнений, таких, как веранда или даже небольшая оранжерея. Два или три были совсем недавно оштукатурены, и возникало впечатление, что они кичатся своей поддельной новизной. На главной улице стояло также несколько прелестных домиков в сельском стиле, как будто бы перенесенных из прошлых вре-

мен; у части из них был такой вид, будто они лет на сто старше, чем в действительности, но некоторые и правда были очень старыми.

Пуаро не спеша прогуливался, обдумывая увиденное. Если бы его сопровождала нетерпеливая миссис Оливер, она бы спросила, почему он тратит время впустую, если место, которое ему нужно, находится в четверти мили от Лонг Бейсинг. Он бы ответил, что ему важно ощутить местную атмосферу, причем это иногда играет далеко не последнюю роль. Когда городок кончился, пейзаж сразу же изменился. По одной стороне шоссе тянулся ряд новых зданий, отделенных от проезжей части полосой зелени. За зданиями — широкие поля и ряды кустарников, а между ними тут и там находились домики, которые посредники по продаже и найму недвижимости называют «идеальной резиденцией». Наконец Пуаро разглядел строение, на крыше которого располагалась необычная куполообразная конструкция. Вскоре он остановился перед калиткой, украшенной металлической табличкой с названием — Кроссхедж. Пуаро окинул взглядом дом, построенный в начале века, к которому больше всего подходило определение «заурядный». Сад обнаруживал следы многолетней заботы и выглядел лучше, чем дом, но в последнее время и он начал приходить в упадок. Ровные зеленые газоны, многочисленные цветочные клумбы и группы декоративных кустов, посаженные с мыслью о колористических эффектах, — все это показывало, что хозяева пользуются услугами садовника. Но и... Пуаро задумался на минуту... Но и сами хозяева также несомненно интересуются садом. Об этом свидетельствовала фигура женщины, склонившейся над клумбой невдалеке от дома — стройной, но широкой в плечах, с золотистыми волосами. Пуаро отодвинул засов, толкнул калитку и пошел к дому. Женщина заметила его, выпрямилась и окинула испытующим взглядом.

Она стояла и ждала, пока он заговорит. В руке так и остался вырванный сорняк. Она — это хорошо запомнилось Пуаро — была немного обеспокоена, как будто смущена.

— Я вас слушаю, — бросила она наконец.

Пуаро вел себя как иностранец. Он снял шляпу и, описав ею широкую дугу, склонился в глубоком поклоне. Женщина не без удивления смотрела на его усы.

— Миссис Рестарик?

— Да. Я бы хотела...

— Я надеюсь, мадам, что не нарушаю ваш распорядок дня?

— Нет. Нисколько. — Она еле заметно усмехнулась. — Вы...

— Я осмелился нанести вам визит. Моя хорошая знакомая, миссис Ариадна Оливер...

— А, конечно! Теперь ясно, кто вы. Мистер Пуаре.

— Пуаро, — поправил он с ударением на последней гласной

своей фамилии. — Эркюль Пуаро, к вашим услугам. Я здесь проездом и позволил себе навестить вас в надежде, что меня не откажется принять сэр Родерик Хорсфилд, которому я хотел бы засвидетельствовать свое почтение.

— Да, да... Наоми Лорример говорила, что вы, возможно, навстите нас.

— Надеюсь, что не помешаю.

— Да что вы. Ариадна Оливер была тут на последний уикэнд. Приехала с Лорримерами. Захватывающие у нее книги, правда? Хотя вас они, наверно, меньше интересуют. Ведь вы детектив... Подлинный детектив?

— Наверно, подлиннейший из подлинных, — отпарировал Пуаро и заметил, что Мэри Рестарик сдержала усмешку.

Пуаро смерил ее взглядом. Симпатична, но все в ней кажется неестественным. Золотистые волосы старательно уложены, но выглядят ненатурально. Ему пришло в голову, что в глубине души эта женщина может быть вовсе не так уверена в себе, как кажется. Или она скрывает какую-нибудь тревогу? Или старательно играет роль английской леди, поглощенной своим садом?

— У вас прекрасный сад, — сказал он.

— Вы любите сады?

— Но не так, как вы, англичане. Сады имеют для вас совсем иной смысл, чем для нас.

— Для вас — французов?

— Я бельгиец, а не француз.

— Ах, да... Я припоминаю, что миссис Оливер говорила, что вы как-то сотрудничали с бельгийской полицией.

— Правильно. Перед вами — бельгийская полицейская ищейка. — Пуаро вежливо рассмеялся и сделал неопределенный жест рукой. — Но меня восхищают более близкие к природе английские сады. У латинских народов — строго распланированные дворцовые парки, Версаль в миниатюре. И, кроме того, они ввели *potager*¹ в саду. Здесь, в Англии, у вас есть *potager*, но вы заимствовали это во Франции и цветы любите гораздо больше. Я прав, не так ли?

— Думаю, что да, — признала Мэри. — Проходите, пожалуйста, в дом. Ведь вы пришли к дяде.

— Конечно, мадам. Я пришел выразить свое почтение сэру Родерику. Но я выражаю свое почтение и вам, мадам, как любой красавице, — ответил Пуаро, вновь делая глубокий поклон.

Женщина рассмеялась с некоторым смущением.

— Вы не должны делать мне столько комплиментов, — сказала она и через веранду ввела гостя в дом.

¹ Огород (фр.).

— В сорок четвертом году у меня было мимолетное знакомство с вашим дядей.

— Мне жаль его! В последнее время дядя сильно одряхлел. Сейчас он почти ничего не слышит.

— Давно это было, очень давно, — продолжал Пуаро. — Боюсь, что сэр Родерик может меня не помнить. Речь шла тогда об одном шпионском деле и об использовании новейших достижений науки в решении стратегических проблем. Мы были очень обязаны находчивости и энергии сэра Родерика. Я надеюсь, он не откажется меня принять.

— Это ему наверняка доставит удовольствие, — подхватила Мэри. — У него сейчас такая монотонная жизнь. Я должна часто бывать в Лондоне... Понимаете, мы ищем там подходящий дом, — она глубоко вздохнула. — Со стариками иногда бывает довольно трудно...

— Я знаю. Со мной временами тоже бывает трудно.

Она рассмеялась.

— О, нет, о чем вы говорите! Вы не должны считать себя старым!

— Но иногда мне говорят об этом, — сказал Пуаро и добавил с горечью, — молодые девушки.

— Но не очень вежливые девушки. Нечто подобное вполне могла бы ляпнуть наша дочь.

— У вас есть дочь?

— Да. Точнее, падчерица.

— Мне будет приятно познакомиться с этой молодой особой, — сказал Пуаро с присущей ему галантностью.

— Ее нет дома. Она сейчас в Лондоне, поскольку работает там.

— Сейчас почти все девушки где-нибудь работают.

— Да... Сейчас каждая из них хочет что-нибудь делать, — согласилась миссис Рестарик. — Даже замужние нередко возвращаются на работу или учебу.

— А вы не собираетесь вернуться к чему-либо? — спросил Пуаро.

— Нет. Я из Южной Африки. В Англию я приехала с мужем... совсем недавно. Еще и сейчас все тут представляется мне каким-то странным. — И она огляделась вокруг — без энтузиазма, как показалось Пуаро.

Комната была обставлена богато, но очень стандартно. Выделялись только два больших портрета. На одном — женщина с поджатыми губами, одетая в вечернее платье из серого бархата. С противоположной стены смотрел на нее мужчина лет тридцати, судя по виду — решительный и энергичный.

— Вашей дочери, наверно, скучно здесь? — возобновил разговор Пуаро.

— Да. Ей гораздо интереснее в Лондоне.— Миссис Рестарик сделала паузу и продолжила смущенным голосом, как бы с трудом подбирая слова.— Она меня не выносит.

— Не может быть! — воскликнул Пуаро с истинно французской галантностью.

— Может... Может. Подобное нередко случается. Думаю, что взрослой девушке вообще трудно примириться с существованием мачехи.

— А она очень любила свою мать?

— Думаю, что да. Это трудная девушка, как и большинство в наши дни.

— Родители сейчас меньше влияют на дочь, — со вздохом подхватил Пуаро.— Раньше было не так.

— Наверно, вы правы.

— Может быть это щекотливый вопрос, но, по моему мнению, мадам, современные девушки слишком беспечно выбирают... Как теперь выражаются?.. Ребят, с которыми ходят.

— Именно поэтому отец ссорится с Нормой. Однако что тут сетовать? Каждый имеет право экспериментировать на себе... Я проведу вас к дядюшке Родди. Его комнаты — на втором этаже.

Она пошла к двери. Пуаро огляделся. Мрачная невыразительная гостиная, за исключением портретов, довольно старых, судя по одежде женщины. Первая миссис Рестарик (если на портрете была она) совсем не понравилась Пуаро.

— Прекрасные портреты, мадам, — сказал он.

— Да, кисти Ландсбергера.

Это было имя знаменитого и чрезвычайно модного лет двадцать назад портретиста. Мода на его дотошный натурализм прошла и после смерти его быстро забыли. Иногда его персонажей язвительно называли портновскими манекенами, но Пуаро был о нем лучшего мнения. Он подозревал, что за точным воспроизведением оригинала, столь легко достигаемого этим художником, скрывалась едкая насмешка.

Поднимаясь по лестнице перед ним, Мэри Рестарик сказала:

— Их недавно сняли с чердака, протерли и... — она неожиданно остановилась.

Навстречу ей спускался некто, выглядевший здесь столь же странно, как если бы в дом вошел человек в маскарадном костюме.

Пуаро знал подобных типов. Он часто встречал их на лондонских улицах и даже иногда на приемах. На представителе современной молодежи были черный пиджак, нарядный бархатный жилет, брюки в обтяжку; густые каштановые локоны спадали ему на плечи. Он выглядел старомодно и, откровенно говоря, симпатично, а чтобы установить его пол, нужно было лишь внимательно посмотреть и подумать несколько секунд.

— Дэвид! — строго обратилась к нему Мэри Рестарик. — Что, собственно говоря, ты здесь делаешь?

Молодой человек ни капли не смутился.

— Испугалась, да? — спросил он. — Прости, Мэри.

— Что ты делаешь... в нашем доме? Приехал с Нормой?

— С Нормой? Нет. Я думал, что застану ее у вас.

— У нас? Что ты плетешь? Норма в Лондоне.

— Ничего подобного, дорогая. По крайней мере ее нет в квартире номер шестьдесят семь на Бороден Мэншнз.

— Нет? Как это?

— Поскольку она не вернулась с уикэнда, я подумал, что, возможно, она у вас. Я приехал проверить, так ли это.

— Норма уехала, как всегда, в воскресенье вечером, — сказала Мэри и злым голосом добавила, — почему ты не позвонил в дверь? Что ты бродишь по дому?

— Дорогая, ты, кажется, решила, что я ищу серебряные ложки или что-нибудь еще в этом роде? Что странного в том, чтобы войти днем в дом, где тебя хорошо знают?

— Видишь ли, мы придерживаемся старомодных обычаев и нам не нравятся подобные визиты.

— Ну, дорогая, зачем поднимать шум из-за ерунды. Если меня встречают так нелюбезно, и ты не знаешь, где обретается дочь; мне лучше испариться. Мне вывернуть карманы перед уходом?

— Не глупи, Дэвид.

— Тогда пока. — Молодой человек прошел мимо них, махнул на прощание рукой и вышел на улицу.

— Ужасное создание, — с ожесточением, чем несколько удивила Пуаро, сказала Мэри Рестарик. — Не могу его выносить. Почему современная Англия переполнена такими?

— Ничего страшного, мадам, ничего страшного. Вопрос моды. Всегда господствует та или иная мода. За городом это менее ощутимо, но в Лондоне подобным образом одетая молодежь встречается на каждом шагу.

— Он ужасен! Ужасен! Совершенно женоподобный!

— Но несколько похож на портрет Ван Дейка, вам не кажется, мадам? В позолоченной раме, с кружевным воротником, — вы не назвали бы тогда его женоподобным.

— Врывается сюда, как сегодня. Эндрю, если узнает, страшно разъярится. Его очень огорчает вся эта история... Современные дочери умеют создавать проблемы. Муж ведь почти не знает Норму. Он уехал, когда она была ребенком. Воспитание он полностью доверил жене, а теперь не знает, как с ней быть. Эта девушка для него — загадка... И для меня, нужно признаться; по моему она очень странная. Впрочем, сейчас у них нет авторитетов. Среди юношей они выбирают худших. Например, Норма без ума от

этого Дэвида Баркера, а мы ничего с этим не можем поделать. Эндрю запретил ему приходиться сюда — и что с этого? Вы сами видели. Приходит без всякого смущения... Я думаю, лучше не говорить об этом Эндрю. Не следует волновать его без нужды. Насколько я знаю, дочь таскается по Лондону с этим Дэвидом. И не только с ним! Попадают еще хуже. Никогда не моются, не бреются. Ходят в грязных лохмотьях, с длинными бородами.

— Не стоит принимать близко к сердцу, мадам, — подхватил Пуаро с улыбкой. — Подрстет — и остепенится.

— Да, я рассчитываю на это. Но Норма — исключительно трудная девушка. Иногда я думаю, что у нее не все дома. Она странно ведет себя. Иногда выглядит так, будто не в себе. А ее странные предубеждения...

— Предубеждения?

— Да. Ненавидит меня, хотя я этого вовсе не заслужила. Может быть, она была очень привязана к матери, но... Ведь это вполне естественно, что ее отец вторично женился?

— Она действительно вас ненавидит?

— Несомненно. У меня есть много свидетельств этого. Я с невыразимым облегчением приняла ее переселение в Лондон. Не хотелось бы создавать ей трудности... — Она неожиданно остановилась, как будто только сейчас осознала, что говорит с совершенно чужим человеком.

Эркюль Пуаро умел возбудить доверие. Иногда возникало впечатление, что беседующие с ним люди перестают замечать его присутствие.

Мэри засмеялась.

— Боже мой! Не знаю, зачем я вам все это рассказываю. Наверно, многие семьи сталкиваются с подобными проблемами. Мы, бедные мачехи, чаще всего терпим поражение. Ну, вот мы и пришли.

Она постучала в дверь.

— Входите, входите, — раздался громкий голос.

— Тут к вам гость, дядя, — сказала Мэри Рестарик, входя в комнату.

Широкоплечий старик с широким румяным лицом в раздражении мерял шагами комнату и, когда дверь отворилась, направился в их сторону. Молодая девушка, сидящая за столом, приводила в порядок письма и бумаги, низко наклонив над ними свою темноволосяную, гладко причесанную голову.

— Мистер Эркюль Пуаро, дядюшка, — сказала Мэри Рестарик.

Пуаро с присущим ему красноречием приступил к делу.

— Сколько лет, сэр Родерик, сколько лет минуло со времен, когда я имел удовольствие встретиться с вами. Нужно мысленно вернуться к дням войны. Последний раз мы виделись, по-види-

тому, в Нормандии. Да. Я точно вспомнил. Там были также полковник Рейс и генерал Аберкромби, и маршал авиации, сэр Эдмунд Коллингсби. Какие у нас были беседы! Какие принимались решения! Как трудно было хранить тайну! Теперь это уже не составляет секрета. Вы помните, сэр Родерик, как был разоблачен агент, долго вводивший всех в заблуждение? Его звали капитан Хендерсон.

— Да, да... Хендерсон. Свинья! Разоблачили его, а?

— Вы, может быть, меня не помните? Эркюль Пуаро.

— Почему же, помню, помню. Тонкая была работа, а? Тонкая. Вы представляли Францию. С вами был кто-то другой, а, может быть, и третий... К черту! Забыл имена. Садитесь.. Да, садитесь. Нет ничего более приятного, чем разговор о старых добрых временах.

— Боюсь, сэр Родерик, что вы забыли меня и моего тогдашнего коллегу, мсье Жиро.

— Нет, нет, я, конечно, помню вас обоих. Да, было время, было время!

Девушка встала из-за стола и любезно придвинула Пуаро кресло.

— Правильно, Соня, правильно,— сказал сэр Родерик.— Позвольте представить вам мою маленькую очаровательную секретаршу. Настоящее сокровище. Помогает мне, ведет всю переписку. Не знаю, как бы я обходился без нее.

Пуаро вежливо поклонился.

— Очень приятно, мадемуазель,— сказал он.

В ответ девушка пробормотала что-то неразборчивое. Миниатюрная брюнетка с короткой прической, она казалась робкой и застенчивой. Обычно ее темно-голубые глаза были опущены вниз, но сейчас она несмело улыбнулась своему хозяину. Старичок похлопал ее по плечу.

— Не знаю, как бы обходился без нее,— повторил он,— честное слово, не знаю.

— Да что вы, сэр Родерик,— запротестовала девушка.— Какая из меня секретарша? Я даже быстро печатать на машинке не умею.

— Меня эта скорость устраивает. Ты заменяешь мне память, слух, зрение, черт знает, что еще. А?

Девушка еще раз улыбнулась.

— Я вспоминаю,— продолжал Пуаро,— разные поразительные истории, которые рассказывали тогда. Не знаю только, что и в какой степени было преувеличено. Конечно, вспоминаю среди других приключение с украденной у вас машиной,— и начал свой длинный рассказ.

Старик был на седьмом небе.

— Ха! Ха! Ха! Да. Конечно, тут многое присочинено. Но в основе своей это соответствует истине. Замечательно, что вы по-

мните это, хотя прошло столько лет. Но я могу рассказать вам кое-что почище, — заявил сэр Родерик Хорсфилд и начал рассказывать другую историю.

Пуаро вежливо выслушал ее, поблагодарил и затем встал, взглянув на часы.

— Не смею больше задерживать вас. Вы заняты, как я вижу, важной работой. Я просто случайно оказался здесь поблизости и не мог отказать себе в удовольствии засвидетельствовать вам свое почтение. Годы идут, но у вас не убавилось энергии и жизнерадостности.

— Да, да, возможно, вы и правы. В любом случае, вы не должны так расхваливать меня — но вы, конечно, останетесь и выпьете чаю. Я думаю, Мэри угостит нас чаем. — Он посмотрел по сторонам. — Ох, она вышла. Прекрасная девушка.

— Да, действительно, и очень симпатичная. Думаю, она уже довольно давно опекает вас.

— Да что вы! Они совсем недавно поженились. Она — вторая жена моего племянника. Я буду с вами откровенен. Я никогда особенно не любил этого своего племянника. Эндрю — ненадежный парень. Я предпочитал его старшего брата Саймона. Правда, и его я знал не лучше. Что касается Эндрю, он плохо поступил со своей первой женой. Умотал, вы знаете, а ее оставил в трудной ситуации. Умотал с этой бабой. Все о ней всё знали. Но он потерял голову, дурак. Все кончилось через два года. Но девушка, на которой он потом женился, очень хороша. Я, по крайней мере, ничего плохого о ней сказать не могу. Саймон был надежный парень, хотя чертовски скучный. Я бы не сказал, что был рад, когда сестра вышла замуж за их отца. Вышла за торговца, понимаете. Богатого, конечно, но деньги — это не все. Женщины из нашей семьи обычно выходили за служащих — военных или гражданских. Среди них редко попадаются люди типа Рестариков.

— У них есть, насколько я знаю, дочь. Моя приятельница познакомилась с ней на прошлой неделе.

— А, Норма. Глупая девушка. Ходит в ужасной одежде и дружит с ужасным молодым человеком. Правда, сейчас все они такие. Длинноволосые битники, Битлсы, как еще таких теперь называют? Я в этом не очень разбираюсь. Говорят — будто на иностранном языке. Конечно, теперь никого не волнует стариковская критика, поэтому мы и пришли к этому. Даже Мэри — я всегда считал, что она принадлежит к числу хороших и разумных людей, но, по моим наблюдениям, она тоже по-своему истерична, прежде всего — в вопросах здоровья. Столько суеты — и все из-за того, что нужно лечь в больницу для наблюдения. Не хотите ли выпить? Виски? Нет? Вы, конечно, останетесь и выпьете чаю?

— Спасибо, но я остановился у друзей.

— Ладно, я должен сказать, что получил большое удовольствие от беседы с вами. Приятно вспомнить кое-что из случившегося в добрые старые дни. Соня, дорогая, может быть ты проводишь — простите, как ваше имя, я опять его забыл — ах, да, Пуаро. Проводишь вниз к Мэри, хорошо?

— Нет, нет, — поспешно отказался Пуаро. — Мне больше не хотелось бы беспокоить мадам. Я сам с успехом найду дорогу. Мне было очень приятно вновь повстречаться с вами.

Он вышел из комнаты.

— Интересно, что это за парень? — сказал сэр Родерик после ухода Пуаро.

— А вы не знаете, кто это? — спросила Соня, удивленно глядя на него.

— Откровенно говоря, я не помню половины людей, которые сейчас приходят и беседуют со мной. Я, конечно, не должен делать ошибок. Приходится лавировать и находить выход из трудной ситуации. Особенно сложно на приемах. Подходит парень и говорит: «Возможно, вы не помните меня. Я последний раз встречался с вами в тридцать девятом году». Я должен сказать: «Конечно, помню», хотя и не помню. Ситуацию осложняет то, что я почти не вижу и плохо слышу. В конце войны мы дружили со многими жабоедами. Половины из них я уже не помню. Ну, этот-то был там, нет сомнения. Немножко преувеличивает, конечно, но они всегда этим отличались. И я не думаю, что он заметил, что я не помню его. Неглупый парень, нужно признать. Но истинный жабоед, не так ли? Им бы только поболтать и потанцевать! Но на чем мы остановились?

Соня взяла письмо и подала ему. Она попыталась предложить очки, но он сразу же отказался:

— Не нужна мне эта чертова штука — я прекрасно вижу.

Он прищурился и уставился на письмо. Но вскоре сдался и вернул письмо обратно.

— Возможно, будет лучше, если ты прочтешь мне его.

Она начала читать письмо своим чистым мягким голосом.

Глава 5

I

Пуаро на секунду остановился на лестничной площадке. Голову он немножко наклонил вбок и прислушался. Снизу не доносились никаких звуков. Он подошел к окну и выглянул наружу. Мэри Рестарик была на газоне, завершая свою работу в саду. Пуаро с удовлетворением кивнул головой и тихо пошел по коридору. Он откры-

вал двери одну за другой. Ванная, кладовая для постельного белья, комната для гостей, спальня с широкой кроватью, явно женская, возможно — Мэри Рестарик. Следующая дверь вела в соседнюю комнату, которая принадлежала, как решил Пуаро, Эндрю Рестарику. Он вернулся на другую сторону лестничной площадки. За первой дверью оказалась спальня. Сейчас она не была занята, но складывалось впечатление, что тут живут на уикэнды. На туалетном столике лежали щетки. Он прислушался, вошел на цыпочках и открыл гардероб. Да, там висела кое-какая одежда — одежда для деревни.

В комнате стоял письменный стол, но на нем ничего не было. Он тихо выдвинул ящик стола. Там была всякая всячина, несколько писем, весьма банальных и написанных довольно давно. Он задвинул ящик. Потом Пуаро пошел вниз и, выйдя из дома, попрощался с хозяйкой. Он отказался от предложения выпить чаю, объяснив, что обещал скоро вернуться и поэтому должен успеть на ближайший поезд в Лондон.

— А не хотите ли поехать на такси? Я могу вызвать или сама отвезу вас.

— Нет, нет, мадам, вы слишком добры.

Пуаро вернулся в деревню и за церковью свернул в переулок. Он перешел небольшой мост над речушкой и скоро увидел свой автомобиль и водителя, сидящего под большим буком. Водитель открыл дверцу, Пуаро сел в машину и со вздохом облегчения сбросил туфли.

— Возвращаемся в Лондон, — сказал он.

Водитель закрыл дверь, вернулся на свое место, и машина бесшумно двинулась вперед. Молодой мужчина, стоящий у дороги и жестами просящий подвезти, — зрелище привычное. Глаза Пуаро почти случайно остановились на этом члене братства путешествующих автостопом, легко одетом юноше с длинными волосами. Таких ему попадалось много, но, когда машина проезжала мимо него, Пуаро неожиданно приподнялся и обратился к водителю:

— Остановите, пожалуйста. И немного подайте назад. Там кто-то просит подвезти. — Шофер через плечо бросил на него недоверчивый взгляд. Этого он меньше всего мог ожидать. Однако Пуаро утвердительно кивнул, поэтому он подчинился.

Молодой человек по имени Дэвид подошел к дверце.

— Думал, вы не остановитесь, — весело сказал он. — Большое спасибо.

Он забрался внутрь, снял с плеч небольшую сумку, поместил ее на полу и пригладил свои коричневые локоны.

— Значит, вы узнали меня, — сказал он.

— Вы довольно броско одеты.

— Вы так думаете? Я бы этого не сказал. Я только один из многих, кто так одет.

— В духе школы Ван Дейка. Очень изящно.

— О, я никогда об этом не задумывался. Да, в чем-то вы правы.

— Вам нужно носить еще широкополую шляпу, — сказал Пуаро, — и кружевной воротничок, если разрешите дать вам совет.

— О, я не думаю, что зайду настолько далеко. — Молодой человек засмеялся. — Миссис Рестарик очень не нравится мой вид. Впрочем, я отвечаю ей тем же. К Рестарику я тоже не питаю любви. Есть что-то чрезвычайно непривлекательное в разбогатевших дельцах, вам не кажется?

— Это зависит от точки зрения. Вы ведь уделяете внимание его дочери, насколько я понимаю?

— Какое замечательное выражение, — сказал Дэвид, — «уделяете внимание дочери». Я думаю, что это и так можно назвать. Но ведь тут все носит взаимный характер. Она, в свою очередь, «уделяет внимание мне».

— А где мадемуазель сейчас?

Дэвид резко повернулся к Пуаро:

— Почему вы спрашиваете об этом?

Пуаро пожал плечами.

— Мне хотелось бы встретиться с ней.

— Я думаю, что она не больше понравится вам, чем я. Норма в Лондоне.

— Но вы сказали ее мачехе...

— Не все нужно говорить мачехам.

— И где она в Лондоне?

— Она работает в фирме, занимающейся оформлением интерьера, на Кингз-Роуд, где-то в Челси. Я не помню точно имени владелицы фирмы. Кажется, Сьюзен Фелпс.

— Но я думаю, что живет она не там. У вас есть ее адрес?

— Разумеется. Она живет в таком большом здании. Но я не совсем понимаю, что вас интересует.

— Человека могут интересовать самые разные вещи.

— Что вы имеете в виду?

— Что привело вас сегодня в этот дом — если я правильно запомнил название — Кроссхедж? Что побудило вас пробраться в дом и подняться на верхний этаж?

— Признаться вам, я вошел с черного хода.

— А что вы искали?

— Это мое дело. Я не хотел бы быть слишком грубым, но не слишком ли вы любопытны?

— Да, я проявляю любознательность. Мне хотелось бы точно знать, где находится эта юная леди.

— Понятно. Дорогой Эндрю и дорогая Мэри — черт их побери — наняли вас, не так ли? Пытаются найти ее?

— Насколько я знаю, им до сих пор не известно, что она исчезла.

— Но кто-то должен был вас нанять?

— Вы слишком догадливы, — сказал Пуаро.

— Мне было интересно, что вы хотите выведать, — ответил ему Дэвид. — Вот почему я ждал вас. Я рассчитывал, что вы подберете меня и дадите мне кое-какие сведения. Она моя девушка. Вы знаете это, я надеюсь?

— Я допускаю, что это так. Но тогда вы должны знать, где она. Если не знаете, мистер, — простите, я не знаю вашей фамилии, я слышал только имя — Дэвид...

— Баркер.

— В этом случае вполне можно допустить, мистер Баркер, что вы поссорились.

— Нет, мы не поссорились. Почему вы так решили?

— Мисс Норма Рестарик уезжает из Кроссхеджа в воскресенье вечером или в понедельник утром?

— Как когда. Там есть ранний автобус, который приходит в Лондон сразу после десяти. Когда Норма едет на нем, она немного опаздывает на работу, но не сильно. Но обычно она возвращается в воскресенье вечером.

— Значит, она уехала отсюда воскресным вечером, но не появилась в Бороден Мэншнз.

— По-видимому, нет. По крайней мере, так утверждает Клодия.

— Эта мисс Рис-Холланд — так ее, кажется, зовут — была удивлена или обеспокоена?

— Бог мой, нет, с чего бы это? Они вовсе не следят друг за другом, эти девушки.

— Но вы считаете, что она собиралась вернуться туда?

— Она не появилась и на работе. И, могу сообщить вам, ею там уже сыты по горло.

— А вы беспокоитесь, мистер Баркер?

— Нет. Естественно — я имею в виду, ну, черт меня побери, если я знаю. Я не вижу никаких поводов для беспокойства, только время идет. Что сегодня — четверг?

— Она не ссорилась с вами?

— Нет. Мы не ссорились.

— Но вы беспокоитесь о ней, мистер Баркер?

— Разве вас это касается?

— Меня это не касается, но были, я слышал, неприятности у нее дома. Она не любит свою мачеху.

— У нее есть основания. Это настоящая сука, она тоже не любит Норму.

— Она болела, не так ли? Она была вынуждена лечь в больницу.

— О ком вы говорите? О Норме?

— Нет, я говорю не о мисс Рестарик, а о миссис Рестарик.

— Да, она лежала в одной лечебнице. Хотя причин для этого не было. Я бы сказал, что она здорова, как лошадь.

— И мисс Рестарик ненавидит свою мачеху.

— Иногда Норма несколько неуравновешена. Вы понимаете, лезет на стенку. Я уже вам говорил, что девушки всегда ненавидят своих мачех.

— И от этого мачехи всегда заболевают? Настолько, чтобы ложиться в больницу?

— К чему, черт побери, вы клоните?

— К садоводству, возможно, и к использованию средства против сорняков.

— Что вы имеете в виду, когда говорите о средстве против сорняков? Вы полагаете, что Норма, что она стремилась...

— Люди говорят об этом,— подхватил Пуаро.— Разные слухи ходят вокруг.

— Вы имеете в виду, что кто-то говорит, что Норма пыталась отравить свою мачеху? Это нелепо. Это абсолютно абсурдно.

— Это очень неправдоподобно, я согласен,— сказал Пуаро.— И, в сущности, люди не говорят этого.

— О, простите. Я вас не понял. Но тогда что вы имеете в виду?

— Дорогой юноша,— сказал Пуаро,— вы должны отдавать себе отчет в том, что циркулируют слухи, и слухи почти всегда касаются одного лица — мужа.

— Как, бедного старого Эндрю? Я бы сказал, что это совершенно неправдоподобно.

— Да, и мне это представляется совершенно неправдоподобным.

— Ну, тогда что вы там делали? Вы ведь детектив, не так ли?

— Да.

— Тогда что же?

— Мы говорим о разных вещах. Я ездил туда не для того, чтобы вести расследование по поводу подозрений в попытке отравления. Но, простите меня, на ваш вопрос я не могу ответить. Тут очень деликатное дело, вы понимаете.

— Что, черт побери, вы имеете в виду?

— Я ездил туда,— сказал Пуаро,— повидать сэра Родерика Хорсфилда.

— Как, этого старика? Ведь он почти впал в детство, разве не так?

— Он был осведомлен о многих секретных делах. Я не говорю, что он сейчас принимает участие в подобных делах, но он многое знает. Во время войны он играл важную роль, общался с разными людьми.

— Однако это было так давно.

— Да, да. Его роль давно уже сыграна. Но разве вы не понимаете, что кое-что может быть полезным и сейчас.

— Что конкретно?

— Лица, — ответил Пуаро. — Возможно, хорошо известные лица, которые сэр Родерик может узнать. Лицо или манеры, речь, жестикуляция. Люди многое могут вспомнить, вы меня понимаете. Старики. Они помнят не то, что произошло на прошлой неделе, в прошлом месяце или в прошлом году. Они помнят кое-что, что произошло, скажем, лет двадцать назад. Они могут помнить кого-то, кто хочет, чтобы его давно забыли. Они могут рассказать кое-что кое о ком. Я посетил его, чтобы получить нужную информацию.

— Информацию? У этого старика? И вы получили ее?

— Давайте выразимся так: я был полностью удовлетворен.

Дэвид продолжал пристально смотреть на него.

— Я в недоумении, — сказал он. — Вы хотели повидать старика или девушку? Может быть, вы хотите знать, что *она* делает в доме? Пару раз я пытался это выяснить. Вы думаете, она устроилась на это место, чтобы получить кое-какую информацию от старика?

— Я не думаю, — сказал Пуаро, — что это что-нибудь даст, если мы будем обсуждать подобные проблемы. Такое впечатление, что она очень преданный и внимательный — как ее правильно называть? — секретарь.

— Сочетание медсестры, секретаря и компаньонки — в помощь дяде. Для нее при желании можно подобрать много разных наименований. Он без ума от нее. Вы заметили это?

— В определенных обстоятельствах это вполне естественно, — осторожно возразил Пуаро.

— Я могу рассказать вам кое о ком, кто не любит ее, — это наша Мэри.

— А она в свою очередь тоже не любит миссис Рестарик?

— Вы так думаете? Что она не любит Мэри Рестарик? Возможно, вы даже решили, что это она могла искать средство для истребления сорняков? Но это смешно. Все в порядке. Спасибо, что подвезли. Я выйду здесь.

— Тут у вас какие-то дела? За семь миль от Лондона?

— Да. До свиданья.

— До свиданья.

Дэвид хлопнул дверью, а Пуаро удобнее устроился в своем кресле.

II

Миссис Оливер ходила из угла в угол по своей гостиной. Она была очень взволнована. Час назад она упаковала рукопись своей книги, правку которой закончила незадолго до этого. Она была готова послать ее своему издателю, который торопил и звонил каждые три-четыре дня.

— Получите! — произнесла миссис Оливер, обращаясь в пустоту и заклиная воображаемого издателя. — Получите и, я надеюсь, что это вам понравится! Мне — нет! Я думаю, что это дерьмо! Я считаю, что вы не разбираетесь — хорошо или плохо то, что я пишу. Так или иначе, я предупредила вас. Я сказала вам, что это ужасно. Вы ответили: «О! Нет, нет, я ни на секунду не поверю этому». Скоро вы убедитесь, что я была права, — мечтательно сказала миссис Оливер.

Она открыла дверь, позвала Эдит, свою служанку, вручила ей пакет и попросила отнести на почту.

— А чем же мне заняться сейчас? — спросила себя миссис Оливер.

Она возобновила хождение по комнате.

«Да, — подумала миссис Оливер, — нужно опять оклеить стены обоями с тропическими птицами и деревьями вместо этих idiotских вишен. Так хоть ощущаешь себя как бы в тропическом лесу. Кажется, что сейчас выпрыгнут лев, или тигр, или леопард, или гепард! Разве нечто подобное можно испытать в вишневом саду?» Она вновь огляделась.

— Петь, как птица, вот что я должна делать, — сказала она мрачно. — Есть вишни... Я думаю, это подходящее время года для вишен. Я люблю поесть немного вишен. Я не знаю сейчас...

Она пошла к телефону.

— Я проверю, мадам, — сказал Джордж в ответ на ее вопрос. Вскоре заговорил другой голос.

— Эркюль Пуаро, к вашим услугам, мадам, — произнес он.

— Где вы были? — спросила миссис Оливер. — Вы отсутствовали весь день. Я решила, что вы поехали к Рестарикам. Это так? Вы встретились с сэром Родериком? Что вы разузнали?

— Ничего, — ответил Пуаро.

— Как и можно было ожидать.

— Нет, я так не думаю. Наоборот, это удивительно, что я ничего не разузнал.

— Почему это удивительно? Не понимаю.

— Потому что это означает или что там нечего разузнавать, а подобный вывод, позвольте вам заявить, не соответствует фактам,

или что нечто скрыто очень умело. Это, как вы понимаете, может представлять интерес. Миссис Рестарик, кстати, не знает, что девушка исчезла.

— Вы имеете в виду, что она ничего не предпринимала в связи с исчезновением девушки?

— По-видимому, так. Я встретил там юношу.

— Вы говорите об этом неприятном юноше, который никому не нравится?

— Вы правы, речь идет о неприятном юноше.

— Вы считаете, что он неприятный?

— С чьей точки зрения?

— Конечно, не с точки зрения девушки.

— Я уверен, что девушке, которая приходила ко мне, доставляет удовольствие общение с ним.

— Разве он не ужасно выглядел?

— Он выглядел прекрасно.

— Прекрасно? — спросила миссис Оливер. — Я бы не сказала, что мне нравятся прекрасные юноши.

— А девушкам нравятся, — возразил Пуаро.

— Да, вы правы. Им нравятся «прекрасные юноши». Я имею в виду не симпатичных или хорошо одетых. Я имею в виду тех, которые или как будто только что пришли из комедии времен Реставрации, или же необычайно грязны, как будто только что скитались с бродягами.

— И такое впечатление, что он тоже не знает, где сейчас девушка...

— Или не хочет рассказывать об этом.

— Возможно. Он приехал туда. Почему? Он зашел так, чтобы его никто не видел. Почему? Он искал девушку или что-нибудь другое?

— А вы думаете, что он что-то искал?

— Он что-то искал в комнате девушки, — ответил Пуаро.

— Откуда вы знаете? Вы его там видели?

— Нет, я видел только, как он спустился по лестнице, но я обнаружил комок свежей грязи в комнате Нормы, который скорее всего отвалился от его туфель. Вполне возможно, что она сама попросила его привезти что-то из ее комнаты. В доме есть и другая девушка, причём симпатичная. Он мог приехать туда, чтобы встретиться с ней. Можно допустить и другие варианты.

— Что вы теперь намерены предпринять? — спросила миссис Оливер.

— Ничего, — ответил Пуаро.

— Так вы не продвинетесь вперед, — высказала свое неодобрение миссис Оливер.

— Возможно, я получу кое-какую информацию от тех, кого

специально нанял для этого, хотя, вполне вероятно, что я ничего не узнаю от них.

— Но вы собираетесь что-нибудь предпринять?

— Только в нужный момент.

— Хорошо, тогда этим займусь я, — сказала миссис Оливер.

— Прошу вас, очень прошу, будьте осторожны, — обратился к ней Пуаро.

— Какая ерунда! Что со мной может произойти?

— Там, где есть убийца, все может произойти. Это говорю вам я, Пуаро.

Глава 6

I

Мистер Гоби сидел на стуле. Это был маленький, высохший человек, настолько незаметный, как если бы он вообще не существовал.

Он внимательно разглядывал лапу с когтями на антикварном столике и ей же адресовал свои замечания. Он никогда ни к кому не обращался прямо.

— Очень рад, что вы предоставили мне имена, мистер Пуаро, — сказал он. — Иначе мы бы потеряли массу времени. В результате мне известны основные факты и множество слухов... Они бывают полезны. Если не возражаете, я начну с Бороден Мэншнз.

Пуаро кивнул.

— Там много швейцаров, — обратился мистер Гоби к часам на каминной доске. — С них я и начал, пустив в дело пару парней, а не одного. Так дороже, но быстрее. Мне использовать инициалы или можно имена?

— В этих стенах вы можете употреблять имена, — ответил Пуаро.

— Мисс Клодия Рис-Холланд характеризуют как очень приятную молодую леди. Отец — член парламента, человек честолюбивый. Он постоянно попадает в газеты. Она — его единственная дочь. Работает секретарем, серьезная девушка. Никаких сумасшедших вечеринок, никакой выпивки, никаких битников. Снимает квартиру с двумя другими. Номер два работает в галерее Уэддербери на Бонд-стрит. Претендует на хорошее знание искусства, устраивает в разных городах художественные выставки и экспозиции. Третья — ваша. Там она недавно. Все считают, что у нее «не все дома». Но ничего конкретного. Один из тамошних швейцаров очень любит посплетничать. Стоит поставить ему выпивку — и

чего он только не порасскажет! Кто пьет, кто употребляет наркотики, у кого проблемы с налогами, кто держит деньги за бачком в туалете. Конечно, не всему можно верить. Кстати, он рассказал и об одном ночном револьверном выстреле.

— Револьверном выстреле? Кто-нибудь пострадал?

— Вряд ли. Он рассказал, что когда однажды ночью услышал выстрел и вышел, то увидел девушку, вашу девушку, которая стояла с револьвером в руке. Она выглядела ошеломленной. А потом прибежали еще две девушки. И мисс Кэри сказала: «Норма, что ты натворила?» А мисс Рис-Холланд резко ее оборвала: «Не могла бы ты заткнуться, Фрэнсис. Не будь дурой!» и взяла револьвер у вашей девушки со словами: «Дай мне это». Она опустила его в свою сумочку, а потом заметила этого парня, Мики, подошла к нему и, улыбаясь, спросила: «Испугались, да?» Мики ответил, что его «взволновало», а она сказала: «Вы не должны беспокоиться. Мы просто дурачимся, и не знали, что эта штука заряжена». А потом добавила: «Во всяком случае, если будут спрашивать, скажите, что все в порядке» и еще: «Пойдем, Норма» и, взяв ее за руку, повела к лифту. Они поднялись к себе, но Мики, по его словам, стал сомневаться. Он пошел и осмотрел двор.

Мистер Гоби опустил глаза и процитировал по своей записной книжке: «И, скажу вам, я кое-что нашел! Я нашел несколько капель крови на земле. Я потрогал их пальцем. И, признаюсь вам, подумал, что, по-видимому, кто-то был ранен, когда убежал... Я поднялся и спросил, могу ли поговорить с мисс Холланд. Я сказал ей: «Я думаю, кто-то ранен, мисс. Там во дворе — капли крови». «Боже милостивый, — ответила она. — Это нелепо. Я полагаю, — сказала она, — что это, наверное, голубь». А потом сказала: «Мне очень жаль, что я доставила вам столько волнений. Забудьте об этом», — и протянула мне пять фунтов. Пять фунтов, не меньше! Ну, естественно, после этого я рта не раскрывал». А потом, после очередной порции виски, он еще кое-что рассказал: «Если хотите знать мое мнение, она выстрелила в того несчастного парня, который приходил к ней. Я думаю, они поссорились, и она пыталась застрелить его. Я так думаю. Но чем меньше говорить, тем лучше, поэтому другим я не повторю этого. Если кто-нибудь спросит, я скажу, что не понимаю, о чем он говорит». — Тут мистер Гоби замолчал.

— Интересно, — заметил Пуаро.

— Да, но это в равной степени может быть как правдой, так и пустой выдумкой. Кажется, никто больше об этом не знает. Ходит слух о шайке юных хулиганов, которые вторглись во двор ночью и устроили поножовщину.

— Понятно! — сказал Пуаро. — Другое возможное объяснение появления крови во дворе.

Может быть, девушка поссорилась со своим молодым человеком, угрожала убить его. А Мики случайно услышал и все перепутал, особенно, если в этот момент прозвучал выхлоп автомобильных газов.

Да, — кивнув, сказал Пуаро, — это прекрасно все объясняет.

Мистер Гоби перевернул еще несколько страниц своей записной книжки и выбрал собеседника. Им оказался электрический обогреватель.

Компания «Джошуа Рестарик» — семейная фирма. Существует свыше ста лет и пользуется хорошей репутацией. Владелец всегда очень осторожен, никогда не идет на рискованные сделки. Основана Джошуа Рестариком в 1850 году. После первой войны вышла на внешний рынок и вела дела в Южной и Западной Африке и Австралии. Саймон и Эндрю Рестарики — последние члены семьи. Саймон, старший брат, умер год назад, не оставив детей. Его жена умерла за несколько лет до этого. Эндрю Рестарик — человек импульсивный. Бизнесом он никогда не любил заниматься, хотя все считали, что у него большие способности к этому. В конце концов он сбежал с одной женщиной, оставив жену и пятилетнюю дочь. Жил в Южной Африке, Кении и других местах. Он так и не развелся, а жена умерла два года назад. Некоторое время она очень болела. Он много странствовал и, где бы ни оказался, везде с успехом делал деньги, главным образом — на концессиях полезных ископаемых.

После смерти брата он, по-видимому, решил остепениться — вновь женился, вернулся в Англию и занялся дочерью. В настоящий момент они живут с сэром Родериком Хорсфилдом — дядей первой жены Рестарика. Но это только временно. Сейчас они подыскивают дом в Лондоне, причем цена их не волнует — они буквально купаются в деньгах.

Пуаро кивнул.

— Я знаю, — сказал он. — Вы рассказали мне стандартную историю об успехе и обогащении. Ее персонажи — из хорошей семьи и очень уважаемы. Их родственники — известные люди. У них прекрасная репутация в деловом мире. И только одно облачко на ясном небе. Девушка, о которой говорят, что у нее «не все дома», девушка, у которой сомнительный приятель, не раз имевший дело с полицией. Девушка, которая, вполне возможно, пыталась отравить свою мачеху и либо страдает галлюцинациями, либо совершила преступление! Это не очень согласуется с той историей, которую вы мне рассказали.

Мистер Гоби печально покачал головой:

— В каждой семье есть паршивая овца.

— Миссис Рестарик очень молода. Я думаю, что это не та женщина, с которой он уехал?

— О, нет, там все быстро кончилось. Все, кто знал ее, говорят, что она была шлюха и пьяница. Он был идиотом, что связался с ней.— Мистер Гоби закрыл записную книжку и испытующе посмотрел на Пуаро.— Еще что-нибудь вы хотите узнать?

— Да, я хочу узнать подробности о покойной миссис Эндрю Рестарик. Она была больна и находилась в частной лечебнице. Что это за лечебница? Для душевнобольных?

— Я понял ваш вопрос, мистер Пуаро.

— И не было ли в семье каких-либо наследственных заболеваний?

— Я выясню, мистер Пуаро.

Мистер Гоби поднялся.

— Я покидаю вас, сэр. Спокойной ночи.

После ухода мистера Гоби Пуаро некоторое время сидел в задумчивости. Потом он позвонил миссис Оливер.

— Я вас уже предупреждал,— сказал он,— будьте осторожны! Я повторяю — будьте осторожны!

— Осторожна с кем? — спросила мисс Оливер.

— С собой. Я думаю, вам грозит опасность. Опасность для человека, который разнюхивает там, где не нужно. Скоро может появиться труп, и не хотелось бы, чтобы это был ваш.

— Получили ли вы сведения, о которых говорили?

— Да,— сказал Пуаро,— я получил кое-какие сведения. В основном — слухи и сплетни, но, кажется, что-то произошло в Бороден Мэншнз.

— Что именно?

— Обнаружена кровь во дворе,— сказал Пуаро.

— Правда? Это звучит как заголовок старомодной детективной истории. Например, «Кровавые пятна на лестнице». Сейчас подобный рассказ назвали бы, скажем, «Она просила о смерти».

— Может быть, крови во дворе и не было. Может быть, это только плод разыгравшегося воображения ирландца-швейцара.

— Возможно, это капнуло молоко из бутылки,— сказала миссис Оливер.— Он ведь не мог хорошо разглядеть ночью. Что произошло?

Пуаро не дал прямого ответа.

— Девушка думает, что она, «по-видимому, совершила убийство». Что за убийство она имела в виду?

— Вы думаете, что она действительно застрелила кого-нибудь?

— Можно предположить, что она стреляла в кого-то, но не попала. Несколько капель крови... Это все. Тела нет.

— Да, все очень запутано,— сказала мисс Оливер.— Ведь если кто-то смог убежать со двора, то вы не будете считать, что убили его, не так ли?

— Вы правы,— сказал Пуаро и повесил трубку.

II

— Я беспокоюсь, — сказала Клодия Рис-Холланд. Она налила себе еще кофе из кофейника. Фрэнсис Кэри широко зевнула. Обе девушки завтракали у себя в маленькой кухоньке. Клодия уже собралась и была готова идти на работу. Фрэнсис — еще в халате и пижаме. Ее черные волосы закрывали один глаз.

— Я беспокоюсь о Норме, — продолжала Клодия.

Фрэнсис зевнула.

— На твоём месте я бы не беспокоилась. Я думаю, рано или поздно она позвонит или объявится здесь.

— Ты думаешь? Знаешь, Фрэн, я не могу не волноваться...

— Не понимаю, почему, — сказала Фрэнсис, наливая себе еще кофе. Она потягивала его маленькими глотками. — Я имею в виду, что Норма — не наша забота, не так ли? Мы ведь не должны присматривать за ней. Она просто снимает с нами квартиру. К чему такая опека? Я, конечно, не буду беспокоиться о ней.

— Понятно, что не будешь. Ты никогда ни о чем не беспокоись. Но со мной все обстоит иначе, чем с тобой.

— Почему? Потому что квартира снята на твоё имя?

— Так или иначе, но я в трудном положении.

Фрэнсис опять широко зевнула.

— Я поздно пришла прошлой ночью, — сказала она. — Задержалась на вечере у Бэзила и чувствую себя ужасно. Надеюсь, чёрный кофе немного поможет. Налей себе, пока я не все выпила? Бэзил заставил нас попробовать какие-то новые таблетки — «Изумрудные грезы». Я думаю, больше не стоит глотать подобную гадость.

— Ты опоздаешь в галерею, — сказала Клодия.

— Да ладно, это не имеет значения. Никто и не заметит. Я видела Дэвида прошлым вечером, — добавила она. — Он был элегантно одет и изумительно выглядел.

— Только не говори, что и ты влюбилась в него, Фрэн. Он ужасен.

— О, я знаю, что ты так считаешь. Ты придаешь слишком большое значение условностям, Клодия.

— Вовсе нет. Но все же мне не нравится твоё богемное окружение. Принимаете наркотики и впадаете в транс.

Фрэнсис эта тирада только позабавила.

— Я не наркоманка, дорогая, я просто хочу знать, на что все это похоже. И многие из нашей компании в полном порядке. Знаешь, Дэвид вполне может писать картины, если захочет.

— Но он этого очень редко хочет, не так ли?

— Ты всегда была против него, Клодия. Ты так ненавидишь его, что готова чуть ли не зарезать. А что касается ножа...

— Ну? Что касается ножа?

— Я сомневаюсь,— медленно проговорила Фрэнсис,— сказать тебе или нет?

Клодия посмотрела на часы.

— Сейчас у меня нет времени,— сказала она.— Если ты что-то хочешь мне рассказать, сделай это вечером. Во всяком случае, у меня нет желания слушать это сейчас. О, Господи,— вздохнула она,— хотела бы я знать, что делать.

— С Нормой?

— Да. Я не знаю, сообщить ли ее родителям, что мы не знаем, где она...

— Поступить так было бы нечестно. Бедная Норма, почему бы ей не удрать, если захотелось?

— Ну, Норма не совсем...— Клодия остановилась.

— Не совсем в себе, ты хочешь сказать? Ты звонила ей на службу? Да, конечно, звонила. Я помню.

— Итак, где она? — вновь спросила Клодия.— Дэвид ничего не сказал вчера вечером?

— Дэвид, видимо, не знает. Но, Клодия, я думаю, что все это не имеет значения.

— Это имеет значение для меня,— сказала Клодия,— потому что мой хозяин — это ее отец. Если с ней что-то случится, они рано или поздно спросят меня, почему я не сообщила, что она не пришла домой.

— Да, думаю, они могут прицепиться к тебе. Но почему Норма должна каждый раз информировать нас, что ее не будет день-два. Или даже несколько дней? Я имею в виду, что она живет не в пансионе, а ты ей не нянька.

— Нет, но мистер Рестарик как-то упомянул, что он рад, что мы живем вместе с ней.

— И поэтому ты должна сообщать каждый раз, что ее нет дома? У нее, наверно, роман с кем-нибудь еще.

— У нее роман с Дэвидом,— сказала Клодия.— Ты уверена, что она не у него?

— Не думаю. Он ведь на самом деле ее не любит.

— Тебе хочется так думать,— сказала Клодия.— Ты ведь сама равнодушна к Дэвиду.

— Вовсе нет,— возразила Фрэнсис.— Ничего подобного.

— Дэвид ее действительно любит,— сказала Клодия.— Иначе почему в тот день он слонялся здесь в поисках ее?

— Ты быстро выставила его,— сказала Фрэнсис.— Я думаю,— добавила она,— что на самом деле он приходил ко мне.

— Ты — идиотка! Он приходил к Норме.

— Она сумасшедшая,— сказала Фрэнсис.

— Иногда я думаю, что это действительно так.

— Ну, а я знаю, что это так. Я хочу тебе кое-что сказать. Ты должна это знать. В тот день я сломала застежку лифчика и очень торопилась. Я знаю, что ты не любишь, когда копаются в твоих вещах...

— Конечно, не люблю,— сказала Клодия.

— ...но Норма не возражает или не замечает. Во всяком случае, я вошла в ее комнату, стала искать в ящике и... нашла кое-что. Нож!

— Нож! — с удивлением воскликнула Клодия. — Что за нож?

— Ты помнишь, у нас тут недавно был шум во дворе, когда компания подростков устроила поножовщину. Так вот, у Нормы в ящике лежал нож, такой, как у них. На нем было пятно, похожее на высохшую кровь.

— Фрэнсис! Это бред!

— Может быть. Но я в этом уверена. И чего ради он спрятан в шкафу Нормы, хотела бы я знать?

— Может быть, она подобрала его?

— Зачем? Как сувенир? И спрятала, не рассказав нам?

— Что ты с ним сделала?

— Я положила обратно,— медленно ответила Фрэнсис.— Я не знала, что еще можно сделать... и не могла решить, говорить тебе или нет. А вчера я опять полезла туда, но его уже не было. Исчез без следа.

— Ты думаешь, она послала Дэвида за ним?

— Ну, она могла... Хочу сказать тебе, Клодия, что теперь я буду на ночь запираеть свою дверь.

Глава 7

Миссис Оливер проснулась не в настроении. Впереди был длинный день, который нечем было занять. Рукопись романа она наконец-то отослала издателю. Теперь нужно было, как обычно, расслабиться, насладиться покоем и спокойно ждать, когда придет вдохновение. Она бесцельно слонялась по квартире, задевая мебель, роняя вещи, заглядывая в ящики стола и сознавая, что на множество скопившихся там писем нужно ответить, но, вместе с тем ощущая, что не в состоянии взяться за столь утомительное занятие. Ей хотелось делать что-нибудь *интересное*. Она хотела... Что она хотела?

Она подумала о разговоре с Эркюлем Пуаро и о его предупреждении. Глупости! Кроме того, почему бы ей не принять участие вместе с Пуаро в решении этой проблемы? Пусть Пуаро сидит дома, поигрывая кончиками пальцев и задав работу своим серым

клеткам, пока его тело удобно покоится в кресле. Это не подходит Ариадне Оливер. Она сказала себе, что нужно что-то делать. Необходимо узнать побольше об этой таинственной девушке. Где была Норма Рестарик? Что делала? Что и как может она, Ариадна Оливер, узнать о ней? Решить было нелегко. Пойти куда-нибудь и задавать вопросы? Может быть отправиться в Лонг Бейсинг? Но Пуаро уже был там и несомненно нашел то, что там можно было найти. А под каким предлогом может она вторгнуться в дом сэра Родерика Хорсфилда?

Может быть еще раз съездить в Бороден Мэншнз? Вдруг там удастся что-нибудь найти? Нужно только подыскать новый предлог для поездки туда. Она еще не придумала, какой именно предлог использовать, но решила тем не менее, что это единственное место, где можно получить информацию. Сколько времени? Десять часов утра. Есть возможность...

По дороге она придумала предлог, правда не очень оригинальный. Миссис Оливер предпочла бы сочинить что-нибудь более интригующее, но, может быть, решила она, столь же подойдет и что-нибудь привычное и обыденное. Она приблизилась к мрачной громаде Бороден Мэншнз и медленно обошла двор, рассматривая его.

Швейцар разговаривал с шофером мебельного фургона. Молочник, толкая свою тележку, присоединился к миссис Оливер у служебного лифта.

Он гремел бутылками и насвистывал, пока миссис Оливер, о чем-то думая, продолжала смотреть на мебельный фургон.

— Номер 76 уезжает, — объяснил молочник миссис Оливер, неверно истолковав ее взгляд. Он переставлял бутылки из тележки в лифт.

— В общем-то, можно сказать, что в некотором роде она уже уехала, — добавил он, снова появляясь из лифта.

Он поднял указательный палец.

— Выбросилась из окна на седьмом этаже — всего неделю назад. В пять утра.

— Почему?

— Почему она сделала это? Никто не знает. Говорят, потеряла душевное равновесие.

— Молодая?

— Нет! Совсем старуха. Не меньше пятидесяти.

Двое мужчин в фургоне пытались справиться с комодом. Он сопротивлялся, и два ящика из красного дерева выпали на землю, а листок бумаги оттуда полетел в сторону миссис Оливер, которая поймала его.

— Не переломай все, Чарли, — с нотой осуждения сказал молочник и вошел в лифт со своими бутылками. Перебранка

между грузчиками закончилась. Миссис Оливер попыталась отдать им листок бумаги, но они не взяли его.

Собравшись с мыслями, миссис Оливер вошла в здание и поднялась к номеру 67. Оттуда доносился шум, и, наконец, дверь открыла женщина средних лет со шваброй, по-видимому, уборщица.

— О,— сказала миссис Оливер, используя свое любимое междометие.— Доброе утро. Простите, есть кто-нибудь дома?

— Нет, боюсь, что нет, мадам. Все ушли на работу.

— Да, конечно... Дело в том, что в прошлый раз, когда я была здесь, я забыла маленькую записную книжку. Так обидно. Она должна быть где-то в гостиной.

— Простите, мне не подалось ничего похожего, мадам. Но, может быть, я просто не заметила. Не хотите ли войти? — Она гостеприимно открыла дверь, поставила швабру к стене и вместе с миссис Оливер пошла в гостиную.

— Да,— сказала миссис Оливер, пытаясь завязать дружеские отношения,— я вижу, вот лежит книга, которую я оставила для мисс Рестарик, мисс Нормы. Она уже вернулась?

— Не думаю, что сейчас она живет здесь. Ее постель нетронута. Может быть, она все еще с родственниками в деревне. Я знаю, что на уикэнд она уезжала туда.

— Да, думаю, что она там,— сказала миссис Оливер.— Вот книга, которую я принесла ей. Одна из написанных мною книг.

Книга миссис Оливер не вызвала интереса у уборщицы.

— Я сидела здесь,— продолжала миссис Оливер, указывая на кресло,— по крайней мере, мне так кажется. А потом я подошла к окну и, может быть, к дивану.

Она занялась поисками за подушками кресла. Уборщица услужливо проделала то же самое с диванными подушками.

— Вы не представляете, как раздражает, когда теряешь что-нибудь подобное,— продолжала болтать миссис Оливер.— Может быть, у меня назначена важная встреча. Я совершенно уверена, что должна сегодня встретиться с кем-то важным, но совсем не помню, с кем и где. Но, может быть, и завтра. О, Боже!

— Сочувствую вам, мадам,— сказала уборщица.

— Здесь такие милые квартиры,— заметила, посмотрев по сторонам, миссис Оливер.

— Очень высоко.

— Но, зато отсюда открывается прекрасный вид, не так ли?

— Да, но если окна выходят на восток, то зимой сильно продувает. Некоторые вставляют двойные рамы. Нет, мне не нравится, что квартира так расположена. По мне лучше квартира на нижнем этаже. Значительно удобнее, особенно, если у вас есть дети. Для

колясок и прочего, вы понимаете. Да, я за нижний этаж. А вдруг пожар?

— Да, это было бы ужасно,— сказала миссис Оливер.— Но, я полагаю, здесь есть пожарный выход?

— К нему не всегда подберешься. Я ужасно боюсь пожара. Всегда боялась. А кроме того; квартиры здесь такие дорогие. Вы не поверите, сколько за них просят! Вот почему мисс Холланд взяла еще двух девушек.

— О да, я встречала их. Мисс Кэри — художница, не правда ли?

— Она работает в художественной галерее. Но не переутомляется на работе. Она немножко рисует — деревья и коров, но никогда не поймешь, что это деревья и коровы. Очень неопрятная молодая леди. В каком состоянии ее комната — вы не поверите! Не то, что мисс Холланд, у той всегда все аккуратно. Она работает секретарем у очень богатого джентльмена, который недавно приехал из Южной Америки. Он — отец мисс Нормы, и это он попросил мисс Холланд взять ее квартиранткой, когда предыдущая юная леди вышла замуж, и мисс Холланд искала ей замену. Она ведь не могла отказать, поскольку он ее хозяин?

— А она хотела отказать?

Женщина презрительно фыркнула.

— Я полагаю, она бы захотела, если бы знала.

— Знала, что? — Вопрос был поставлен слишком прямо.

— Я не могу ничего сказать. Это не мое дело...

Миссис Оливер всем своим видом продолжала выражать усиленное внимание. Мисс Мон сдалась.

— Ничего плохого о ней я не скажу. Несколько неорганизованная, но теперь они почти все такие. Но я думаю, что ее должен посмотреть врач. Бывает, что она не осознает, где находится и что делает. Иногда из-за этого приходится поволноваться. Она выглядит совсем как племянник мужа после припадка (у него ужасные припадки — вы себе представить не можете!). Только я не слышала, чтобы у нее были припадки. Может быть, она употребляет наркотики — многие сейчас это делают.

— Мне кажется, что у нее есть молодой человек, которого не одобряет ее семья.

— Да, я слышала. Он заходил сюда один-два раза, но я его никогда не видела. Все говорят, что он — один из этих современных молодых людей. Мисс Холланд он не нравится, но что можно поделывать? Сейчас девушки всегда поступают по-своему.

— Современные девушки нередко приносят огорчения,— сказала миссис Оливер, пытаясь выглядеть удрученной.

— Плохо воспитаны, вот что бы я сказала.

— Боюсь, что нет. Нет, боюсь, что нет. Действительно,

девушке вроде Нормы Рестарик было бы полезнее жить дома, чем самостоятельно приехать в Лондон и зарабатывать на жизнь художником по интерьеру.

— Ей не нравится дома.

— В самом деле?

— У нее там мачеха. Девушки не любят мачех. Я слышала, что ее мачеха сделала все, чтобы остановить ее, быстро отвадить молодого человека от дома и все в таком роде. Она знает, что если девушка свяжется с неподходящим молодым человеком, то неприятностей не оберешься. Иногда, — выразительно сказала уборщица, — я благодарна, что у меня нет дочерей.

— У вас сыновья?

— У меня два мальчика. Один прекрасно учится в школе, а другой работает в типографии. Очень хорошие мальчики. Думаю, что с мальчиками тоже могут быть неприятности. Но с девушками сложнее. Всегда чувствуешь, что с ними нужно что-то сделать.

— Да, — задумчиво сказала миссис Оливер, — иногда чувствуешь.

Она заметила, что женщина хочет вернуться к уборке.

— Нехорошо получилось с записной книжкой, — сказала миссис Оливер. — Что ж, спасибо большое и, надеюсь, что я вас не очень задержала.

— Я уверена, что вы найдете ее, — вежливо сказала уборщица.

Миссис Оливер вышла из квартиры и задумалась, что делать дальше. Она не могла придумать, чем ей еще сегодня заняться, но план на завтра уже сложился в ее голове.

Придя домой, миссис Оливер достала записную книжку и бегло сделала несколько записей под заглавием «Факты, которые я узнала». В целом факты были незначительны, но миссис Оливер попыталась извлечь из них все, что можно. По-видимому, тот факт, что Клодия Рис-Холланд служила у отца Нормы, был самым значительным из всего, что она узнала. Раньше она об этом не была осведомлена и допускала, что Эркюль Пуаро не знает этого.

Вначале она собиралась позвонить ему и рассказать все, но потом решила отложить звонок из-за своих планов на завтра. Сейчас миссис Оливер ощущала себя не столько автором детективных романов, сколько собакой-ищейкой. Она шла по следу, опустив нос и принюхиваясь к запаху, а завтра утром... что ж, завтра утром посмотрим.

Верная своему плану, миссис Оливер встала рано, выпила две чашки чая, съела вареное яйцо и пустилась на поиски. Снова приехав к Бороден Мэншнз, она подумала, что скоро все ее тут будут знать, и поэтому не вошла во двор. Она осторожно подходила то к одному, то к другому выходу, пристально вглядываясь в людей, выходящих на мелкий дождик и торопящихся на работу. В основ-

ном это были девушки, которые выглядели почти одинаково. Как интересно рассматривать людей, выходящих из этих огромных зданий. «Совсем как муравейник», — подумала миссис Оливер. Несколько минут она походила по своему маршруту, но потом ей пришлось резко свернуть вбок.

Клодия Рис-Холланд вышла быстрой деловой походкой. Миссис Оливер отвернулась, чтобы не быть узнанной. Она позволила Клодии пройти немного вперед, а затем последовала за ней. Клодия дошла до конца улицы, а затем повернула направо. Она подошла к остановке автобуса. Миссис Оливер почувствовала легкое замешательство. А что, если Клодия обернется, увидит ее и узнает? Миссис Оливер даже задержала дыхание. Но Клодия Рис-Холланд была глубоко погружена в собственные мысли. Она не смотрела ни на кого на остановке. Миссис Оливер была третьей в очереди за ней. Наконец нужный автобус подъехал, и толпа ринулась вперед. Клодия вошла в автобус и сразу прошла наверх. Миссис Оливер удалось занять место у двери. Когда кондуктор подошел, чтобы взять плату за проезд, миссис Оливер на всякий случай дала ему шиллинг и шесть пенсов. Ведь она не знала, по какому маршруту идет автобус и как далеко находится место, которое уборщица описала как «одно из этих новых зданий у Сент-Пола». Когда, наконец, показалось величественное здание, она стала внимательно наблюдать за теми, кто спускался сверху. И вот показалась Клодия в своем роскошном костюме. Она сошла с автобуса, и миссис Оливер последовала за ней, соблюдая дистанцию.

«Очень интересно, — подумала миссис Оливер. — Я действительно слежу за кем-то! Совсем как в моих книгах. И это мне хорошо удается, ведь она ничего не подозревает».

Клодия Рис-Холланд действительно шла, полностью погружившись в свои мысли. «Очень способная девушка, — подумала миссис Оливер. — Если бы я захотела представить себе убийцу, талантливого убийцу, я бы выбрала кого-нибудь вроде нее». Пока, правда, к сожалению, никто не убит, хотя, конечно, Норма могла говорить правду, утверждая, что совершила убийство.

В этой части Лондона было много высотных зданий. Огромные небоскребы, похожие на гигантские спичечные коробки, — большую часть из них миссис Оливер находила отвратительными, вздымались в небо.

Клодия вошла в здание. «Теперь я все узнаю», — подумала миссис Оливер и пошла вслед за ней. Четыре лифта все время спускались и поднимались с бешеной скоростью. «Ситуация осложняется», — подумала миссис Оливер. Однако лифты оказались очень вместительными, и миссис Оливер, войдя в последний момент в лифт, вслед за Клодией, была не видна за группой высоких мужчин. Клодия вышла на четвертом этаже, пошла по кори-

дору, и миссис Оливер, укрывшись за двумя высокими мужчинами, заметила дверь, куда она вошла, — третью от конца коридора. Миссис Оливер подошла к этой двери и прочла надпись на ней: «Джошуа Рестарик».

Миссис Оливер почувствовала, что не совсем представляет, что делать дальше. Она нашла место, где располагался кабинет отца Нормы и где работала Клодия, но в этом не было ничего особо важного.

Она подождала несколько минут, прохаживаясь взад и вперед по коридору, и наблюдая, не войдет ли кто-нибудь из интересующих ее лиц в дверь «Рестарик Энтерпрайзис». Однако туда вошли только две или три девушки, не вызывающие никакого интереса. Миссис Оливер спустилась вниз и вышла из здания. Она не могла придумать, что делать дальше. Прогуливаясь по соседним улицам, она обдумывала, не пойти ли в Сент-Пол. Затем, внезапно ощутив необходимость позавтракать, она зашла в кафе. Народу здесь было немного. Миссис Оливер, оглядевшись в поисках подходящего столика, застыла в изумлении. За столиком у стены сидела Норма, напротив нее — молодой человек с густыми каштановыми волосами, спадающими на плечи, в красном бархатном жилете и модном пиджаке.

— Дэвид, — сказала про себя миссис Оливер, переводя дыхание. — Это, должно быть, Дэвид.

Он и Норма взволнованно беседовали. Миссис Оливер выработала план действий и, наклонив голову, подошла к двери с надписью «Дамская комната». Миссис Оливер не представляла, узнает ее Норма или нет, если заметит. Люди, которые производят впечатление рассеянных, не всегда рассеяны на самом деле. Сейчас Норма выглядела так, как будто никого не видит, кроме Дэвида, но можно ли быть в этом уверенной?

«Надеюсь, мне удастся что-нибудь с этим сделать», — подумала миссис Оливер. Она посмотрела в маленькое грязное зеркало, висевшее на стене, взглядываясь в главное в женщине — ее волосы. Никто не знал это лучше миссис Оливер, поскольку она бесчисленное число раз меняла прическу, и друзья при встрече не узнавали ее. Бросив оценивающий взгляд на свои волосы, миссис Оливер принялась за работу. Вынув шпильки, она сняла шиньон, вернула его в платок и положила в сумку; разделив волосы посередине, она гладко зачесала их назад и свернула в узел на затылке. Кроме того, она достала очки и водрузила их на нос. Теперь в ней действительно появилось что-то серьезное. «Настоящая интеллектуалка», — подумала миссис Оливер. Она по-другому накрашила губы и вернулась в кафе, передвигаясь очень осторожно, так как это были очки только для чтения, и в глазах все расплывалось. Она пересекла кафе и села за свободный столик рядом с Нормой и

Дэвидом. Она оказалась напротив Дэвида, Норма сидела к ней спиной и для того, чтобы увидеть миссис Оливер, должна была обернуться назад. Подошла официантка. Миссис Оливер заказала чашку кофе со сдобной булочкой.

Норма и Дэвид не обратили на нее внимания. Их оживленная беседа была в разгаре, и через минуту или две миссис Оливер вошла в курс дела.

— Но все это только твоя фантазия,— говорил Дэвид.— Ты придумала все это. Это полная, полная глупость, девочка моя.

— Не знаю. Не могу сказать,— безжизненным голосом ответила Норма.

Миссис Оливер слышала ее не так хорошо, как Дэвида, так как Норма сидела к ней спиной, но звук голоса Нормы неприятно поразил ее. Здесь что-то не так, подумала она.

Она вспомнила слова, которые Пуаро передал ей. «Она считает, что, по-видимому, совершила убийство». Так вот что происходит с девушкой! Галлюцинации? Действительно ли ее разум поражен болезнью или все это произошло на самом деле, и она страдает от шока?

— Я считаю, что все это пустяки. Мэри — очень глупая женщина и вообразила, что больна.

— Она *была* больна.

— Ну, ладно, была больна. Любая разумная женщина пригласила бы врача, чтобы он дал ей лекарство, а не выходила бы из себя без повода.

— Она думает, что это я сделала. Отец тоже так думает.

— Но, Норма, ты все это придумала.

— Ты это просто так говоришь, Дэвид, чтобы подбодрить меня. Предположим, что я действительно дала ей эту дрянь.

— Что ты имеешь в виду под «предположим»? Ты должна *знать*, сделала ты это или нет.

— Но, я *не знаю*.

— Ты постоянно повторяешь это: «Я не знаю», «я не знаю»!

— Ты не понимаешь. Ты совершенно не понимаешь, что такое ненависть. Я ненавижу ее с того момента, как увидела в первый раз.

— Я знаю. Ты мне говорила.

— В этом самое странное. Я *объясняла* тебе и однако даже не помню об этом. Понимаешь? Я нередко рассказываю людям о том, что я хотела бы сделать или о том, что сделала, или что собираюсь сделать. Но я даже не помню, что рассказывала им это. Похоже на то, что я обо всем этом думаю и иногда это выходит наружу, и я рассказываю это другим. Я тебе тоже говорила подобные вещи, не так ли?

— Ну, ты знаешь... послушай, давай больше к этому не возвращаться.

— Но я тебе говорила это? Не так ли?

— Ну, ладно, ладно! Любой говорит такие вещи: «Я ее ненавижу и убью ее. Я готова отравить ее!». Но это совершенно естественно. Дети часто так говорят. «Я его так ненавижу! Я отрежу ему голову!» Дети так говорят в школе об учителе, которого особенно не любят.

— Ты думаешь, что это так? Но тогда получается, что я еще не выросла.

— Да, в некотором роде. Если бы ты взяла себя в руки, то увидела бы, как это все глупо. Какое имеет значение, что ты ее ненавидишь? Ты уехала из дома и не будешь жить с ней вместе.

— Почему я не могу жить в собственном доме — с собственным отцом? — спросила Норма. — Это нечестно. Это нечестно. Сначала он уезжает и оставляет мою мать, а сейчас, вернувшись ко мне, сразу женится на Мэри. Конечно, я ненавижу ее, и она тоже ненавидит меня. Я думала о том, каким образом убить ее. Я получила удовольствие, обдумывая способы убийства, но потом... когда она на самом деле заболела...

Дэвид сказал с беспокойством:

— Ты ведь не думаешь, что ты ведьма или что-нибудь в этом роде, правда? Ты ведь не делаешь фигурок из воска и не протыкаешь их иглой?

— О, нет. Это было бы глупо. То, что я сделала — реально. Вполне реально.

— Слушай, Норма, что ты имеешь в виду, когда говоришь, что это было реально?

— В моем шкафу была бутылка. Да, я открыла шкаф и нашла ее.

— Какую бутылку?

— Со средством для истребления сорняков, так было написано на этикетке. Жидкость в темно-зеленой бутылке, из которой надо брызгать на сорняки. И еще на ней написано «Осторожно» и «Яд».

— Ты купила это? Или просто нашла?

— Я не знаю, где взяла ее, но она была там, в моем шкафу, и была наполовину пуста.

— И тогда ты... ты вспомнила...

— Да, — сказала Норма. — Да... — ее голос звучал глухо, почти сонно. — Да... Я думаю, тогда я и вспомнила все. Ты тоже так думаешь, правда, Дэвид?

— Я не знаю, что с тобой делать, Норма, действительно, не знаю. Я думаю, что ты это придумала, ты убеждаешь себя в этом. Но она легла в больницу на обследование. Потом они ска-

зали, что не могут найти никакого заболевания, и она вернулась домой, а затем снова заболела, и я испугалась. Отец стал странно посматривать на меня, а потом пришел врач, и они долго говорили вдвоем, запершись в папином кабинете. Я подошла к окну и попыталась подслушать. Я хотела знать, о чем они говорят. Они вместе планировали отправить меня в место, где я прошла бы «курс лечения». Они считают, понимаешь, что я сумасшедшая, и я испугалась... Потому... потому что я не была уверена в том, что я делала и чего не делала.

— И тогда ты убежала?

— Нет... это было позже...

— Расскажи мне.

— Я больше не хочу об этом говорить.

— Ты должна рано или поздно сообщить им, где ты...

— Вовсе не должна! Я их ненавижу. Я ненавижу отца так же, как Мэри. Я хотела бы, чтобы они умерли. Я хочу, чтобы они оба умерли. После этого... я думаю, после этого я опять буду счастлива.

— Не выходи из себя! Слушай, Норма, — он смущенно остановился, — я не собирался жениться... Я имею в виду, что не думал, что сделаю что-нибудь в этом роде... по крайней мере, в ближайшие годы. Никому не хочется связывать себя, но я думаю, что это лучшее, что мы можем сделать, понимаешь? Пожениться. Ты должна сказать только, что тебе больше двадцати одного года. Сделай прическу, надень очки, постарайся выглядеть постарше. Если мы поженимся, твой отец ничего не сможет сделать! Он не сможет послать тебя в это, как ты говоришь, «место». Он будет бессилён.

— Я ненавижу его.

— Кажется, ты всех ненавидишь.

— Только отца и Мэри.

— Но мужчины нередко женятся повторно.

— Посмотри, что он сделал с матерью.

— Это ведь было очень давно?

— Да. Я была ребенком, но хорошо помню. Он уехал и бросил нас. Он посылал мне подарки на Рождество, но никогда сам не приезжал. Я не узнала бы его, когда он вернулся, даже если бы встретила на улице. Он тогда ничего не значил для меня. Я думаю, что он заставил мать молчать. Она уехала, когда заболела. Не знаю, куда. Я не знаю, что с ней было. Иногда я думаю... Я думаю, Дэвид. Ты, наверное, знаешь, что у меня с головой что-то не в порядке и когда-нибудь из-за этого я на самом деле сделаю что-нибудь плохое. Как с ножом.

— С каким ножом?

— Неважно. Просто с ножом.

— Но послушай, объясни, о чем ты говоришь?

— Мне кажется, на нем были кровавые пятна — он был спрятан там... под моими чулками.

— Ты помнишь, как прятала там нож?

— Думаю, да. Но я не помню, что я делала с ним до этого. Я не помню, где была... Целый час выпал в тот вечер. Я была где-то и делала что-то.

— Тихо! — шепнул он, когда официантка появилась у их стола. — Все будет в порядке. Я пригляжу за тобой. Давай возьмем что-нибудь еще, — сказал он и обратился к официантке, показывая по меню: — Две порции печеных бобов на хлебе, пожалуйста.

Глава 8

I

Эркуль Пуаро диктовал своей секретарше, мисс Лемон.

— «И хотя я высоко ценю честь, которую Вы мне оказали, я должен с глубоким сожалением сообщить Вам, что...»

Зазвонил телефон. Мисс Лемон взяла трубку.

— Да? Кто говорит? — она прикрыла рукой трубку и сказала Пуаро: — Миссис Оливер.

— А... Миссис Оливер, — откликнулся Пуаро. Он не особенно хотел, чтобы его прерывали в эту минуту, но взял трубку у мисс Лемон.

— Алло, — сказал он, — говорит Эркуль Пуаро.

— О, мсье Пуаро, я так рада, что застала вас! Я нашла вам ее!

— Простите?

— Я нашла вам ее. Вашу девушку. Знаете, ту, которая совершила убийство, или думает, что совершила. Она слишком много говорит об этом. Я полагаю, что она свихнулась. Но это сейчас неважно. Не хотите ли прийти и забрать ее?

— Где вы находитесь, мадам?

— Где-то между Сент-Полом и театром Мермайд. Кэлторп-стрит, — сказала миссис Оливер, выглянув из телефонной будки. Как вы считаете, вы сможете быстро доехать? Они в кафе.

— Они?

— О, она и ее приятель. Что бы о нем не говорили, но он довольно мил и в восторге от нее. Не могу понять, почему. Люди такие странные. Ладно, не буду сейчас обсуждать это, потому что должна вернуться обратно. Я слежу за ними, понимаете? Я зашла в кафе и увидела их там.

— Правда? Вы, должно быть, очень сообразительны, мадам.

— Нет, совсем нет. Все произошло случайно. Я имею в виду, что зашла в маленькое кафе, а там была эта девушка.

— А, тогда вам просто везет.

— Я села за соседний столик, причем она сидела спиной ко мне. Поэтому я думаю, что она меня не узнала. На всякий случай я изменила прическу. Они говорили так, как если бы были одни в целом мире, и когда они заказали следующее блюдо — печеные бобы — а я не выношу печеные бобы и мне всегда казалось забавным, что люди их едят...

— Бог с ними, с этими печеными бобами. Продолжайте. Вы оставили их и вышли позвонить. Так?

— Да. А теперь я должна вернуться. Или могу ходить вокруг. Во всяком случае, постарайтесь приехать побыстрее.

— Как называется это кафе?

— «Веселый трилистник», но он не выглядит особо веселым. На самом деле он довольно убогий, но кофе очень неплохой.

— Не говорите больше ничего. Возвращайтесь туда. Я скоро приеду.

— Прекрасно,— ответила миссис Оливер и повесила трубку.

II

Мисс Лемон, всегда исключительно четкая и исполнительная, уже вышла на улицу и ждала такси. Она не задавала вопросов и не выражала удивления. Она никогда не говорила Пуаро, как проводит время, когда его нет. В этом не было необходимости. Она всегда знала, что должна сделать и всегда делала это правильно.

Вскоре Пуаро прибыл на угол Кэлторп-стрит. Он вышел, расплатился за такси и огляделся. Пуаро увидел «Веселый трилистник», но не заметил никого, кто напоминал бы миссис Оливер, как бы она не изменила внешность. Он дошел до конца улицы и вернулся обратно. Никаких следов миссис Оливер. Возможно, пара, которой они интересовались, покинула кафе, и миссис Оливер продолжала следовать за ними, или... Чтобы проверить это «возможно», он должен был войти в кафе. С улицы нельзя было рассмотреть, что происходит внутри, так как стекла запотели, поэтому он осторожно открыл дверь и вошел внутрь.

Он сразу увидел девушку, которая приходила к нему. В одиночестве она сидела за столиком у стены, курила сигарету и смотрела прямо перед собой.

Он осторожно пересек кафе и сел на стул напротив нее. Она взглянула на него, и он был благодарен уже за то, что она узнала его.

— Итак, мы снова встретились, мадемуазель,— доброжелательно заметил он.— Я вижу, вы узнали меня.

— Да, узнала.

— Всегда приятно быть узнанным молодой леди, которая общалась с вами лишь однажды, да и то очень недолго.

Она продолжала смотреть на него, не говоря ни слова.

— А как вы узнали меня, могу я спросить? Что позволило вам узнать меня?

— Ваши усы, — немедленно ответила Норма. — Таких больше ни у кого нет.

Он был благодарен за это наблюдение и тщеславно пригласил их.

— Да, вы правы. Мало у кого есть такие усы, как у меня. Они великолепны, правда?

— Да, да, я думаю, что это так.

— Вы, возможно, не разбираетесь в усах, но я скажу вам, мисс Рестарик — мисс Норма Рестарик, правильно? — что это совершенно замечательные усы.

Он сознательно сделал паузу перед ее именем. Сначала она выглядела такой безразличной ко всему, что он сомневался, заметит ли она, что он назвал ее имя. Она заметила и испугалась.

— Откуда вы знаете мое имя? — спросила она.

— Действительно, вы не сказали свое имя слуге, когда пришли ко мне утром.

— Как вы узнали его? Кто сказал вам?

В ее голосе он ощутил волнение и даже страх.

— Мне назвал его друг, — ответил он. — Друзья могут быть очень полезны.

— Кто это?

— Мадемуазель, вы предпочитаете таить от меня свои маленькие секреты. У меня тоже есть право хранить от вас мои маленькие секреты.

— Я не представляю, как вы узнали, кто я.

— Я — Эркюль Пуаро, — сказал Пуаро с присущей ему самоуверенностью. Затем он мягко улыбнулся и предоставил инициативу ей.

— Я, — начала она и остановилась. — Было бы... — и снова остановилась.

— Мы не очень далеко ушли этим утром, — сказал Эркюль Пуаро. — Вы только сказали мне, что, по-видимому, совершили убийство.

— Ах, это!

— Да, мадемуазель, это.

— Но, я не имела этого в виду. Я ничего подобного не хотела сказать. Это была просто шутка.

— Неужели? Вы пришли ко мне рано утром, во время завтрака. Вы сказали, что это необходимо. Необходимость была вы-

звана тем, что вы, возможно, совершили убийство. А теперь вы говорите, что шутите. Это, по вашему, шутка?

Официантка, которая вертелась рядом, пристально глядя на Пуаро, внезапно подошла к нему и подала нечто, что вначале показалось ему бумажным корабликом, который делают ребенку, чтобы играть в ванне.

Это для вас? — спросила она. — Мистер Поритт? Леди оставила это для вас.

А, да, — ответил Пуаро. — А как вы узнали, кто я?

Леди сказала, что я узнаю вас по усам. Сказала, что таких усов я никогда раньше не видела. И это чистая правда, — прибавила она, пристально глядя на них.

— Что ж, большое спасибо.

Пуаро взял у нее «кораблик», развернул и прочел несколько торопливо написанных карандашом слов: «Он только что ушел. Она осталась, поэтому предоставляю ее вам и следую за ним. Ариадна».

— Итак, — сказал Эркюль Пуаро, складывая бумажку и убирая ее в карман, — о чем мы говорили? О вашем чувстве юмора, мне кажется, мисс Рестарик.

— Вы знаете только мое имя или вы все обо мне знаете?

Я знаю о вас кое-что. Вы — мисс Норма Рестарик, живете в Лондоне, 67, Бороден Мэншнз. Ваш домашний адрес: Кроссхедж, Лонг Бейсинг. Вы живете там с отцом, мачехой, дядей отца и его секретаршей. Как видите, я неплохо информирован.

— Вы следили за мной?

— Нет, нет, — сказал Пуаро. — Совсем нет. Что касается этого, то даю вам слово чести.

— Но вы не из полиции, правда?

Нет, я не из полиции.

Ее подозрительность исчезла.

— Я не знаю, что делать, — сказала она.

— Я не настаиваю, чтобы вы наняли меня, — сказал Пуаро. — Так как вы сказали уже, что я слишком стар. Возможно, вы правы. Но, поскольку я знаю кое-что о вас, то не вижу причины, почему бы нам не обсудить в дружеской обстановке ваши неприятности. Старики, как вы знаете, хотя и не способны к действию, тем не менее имеют богатый опыт, на который можно положиться.

Норма продолжала смотреть на него с сомнением, тем же взглядом, который обеспокоил Пуаро утром. Но она попалась на удочку и хотела, или так казалось Пуаро, поговорить с ним. Пуаро всегда был человеком, с которым легко обсуждать свои проблемы.

— Они думают, что я сумасшедшая, — сказала она резко. — И я... я тоже начинаю думать, что я сумасшедшая.

— Это чрезвычайно интересно,— бодро сказал Пуаро.— Существует множество названий для таких вещей. Очень пышные названия. Названия, которые с удовольствием дают психиатры, психологи и другие. Но когда вы говорите «сумасшедший», это прекрасно описывает данное явление, как его понимают обычные люди. Ну, ладно, вы сумасшедшая, или выглядите сумасшедшей, или думаете, что вы сумасшедшая и, возможно, можете быть сумасшедшей. Но все равно. Нельзя сказать, что ваше состояние очень серьезно. Люди нередко страдают от этого, и болезнь легко устраняется надлежащим уходом. Такое состояние возникает, потому что люди переносят слишком много нервных перегрузок, беспокойств, усиленно готовятся к экзаменам, слишком отдаются религии, или у них есть веские основания ненавидеть своих отцов или матерей! Или, конечно, причина может быть совсем простой, например, неудачный роман.

— У меня есть мачеха. Я ненавижу ее и полагаю, что ненавижу и отца. Это немало, разве нет?

— Этого вполне достаточно,— ответил Пуаро.— Вы очень любили, я полагаю, вашу мать. Она развелась или умерла?

— Умерла. Она умерла два или три года назад.

— И вы очень любили ее?

— Да. Думаю, что любила. Действительно, любила. Вы знаете, она была инвалидом и долго находилась в частных лечебницах.

— А ваш отец?

— Отец уехал задолго до этого. Он уехал в Южную Африку, когда мне было пять или шесть лет. Я думаю, он хотел, чтобы мама развелась с ним, но она этого не сделала. Он писал мне на Рождество и посылал рождественские подарки. И это все. Поэтому он в действительности казался мне не совсем реальным. Он приехал домой около года назад, потому что должен был уладить дядины дела и другие финансовые вопросы. И когда он приехал домой, то привез с собой новую жену.

— И вы обиделись?

— Да, обиделась.

— Но ваша мать к тому времени умерла. Ничего необычного в том, что мужчина снова женится, нет. Особенно, когда он и его жена — давно чужие друг другу люди. Жена, которую он привез, эта та самая женщина, на которой он хотел жениться, когда просил у вашей матери развод?

— О, нет, эта очень молодая. Она хорошенькая и ведет себя так, как будто только что приобрела моего отца в полную собственность.

Она продолжала после паузы другим, почти детским голосом.

— Я думала, что, может быть, когда он вернется домой на этот

раз, то будет любить меня и... но она ему не позволила. Она против меня. Она вытеснила меня.

— Но это уже не имеет значения в вашем возрасте. Вам не нужно, чтобы кто-то приглядывал за вами. Вы можете твердо стоять на своих ногах, наслаждаться жизнью, выбирать себе друзей...

— Вы не говорили бы этого, если бы побывали у меня дома! Я имею в виду выбор друзей.

— Большинству девушек сейчас приходится выслушивать, как критикуют их друзей,— сказал Пуаро.

— Это совсем другое дело,— сказала Норма.— Отец совсем не такой, каким я его помню, когда мне было пять лет. Он играл со мной все время и был такой веселый. Сейчас он не веселый — беспокойный, довольно жестокий и, ну, совсем другой.

— Это было почти пятнадцать лет назад, я думаю. Люди меняются.

— Но разве люди должны меняться так сильно?

— Он изменился внешне?

— О, нет, нет, не это. О, нет! Если вы посмотрите на его портрет, который висит над креслом, хотя он был нарисован, когда отец был значительно моложе, то убедитесь, что он такой же. Но все равно я его помню не таким.

— Но, вы знаете, моя дорогая,— сказал мягко Пуаро,— люди никогда не бывают такими, какими мы их помним. Вы представляете их, по мере того как уходят годы, все больше и больше похожими на то, какими вы желали бы их видеть. Если вам хочется помнить их приятными, веселыми и привлекательными, вы наделяете их значительно большими совершенствами, чем это было на самом деле.

— Вы так думаете? Вы, действительно, так думаете? — Она замолчала, а потом внезапно сказала: — Но почему вы считаете, что я хочу убивать людей? — Вопрос прозвучал вполне естественно. Он все время стоял между ними. Они подошли к критическому моменту.

— Это очень интересный вопрос,— сказал Пуаро,— и может быть интересная причина. Человек, который, возможно, даст вам ответ на него — это врач. Тот врач, который разбирается в таких вещах.

Она отреагировала очень болезненно.

— Я не пойду к врачу. Я и близко не подойду к врачу. Они хотят послать меня к врачу, а потом я окажусь запертой в одном из этих сумасшедших домов, и они уже не выпустят меня обратно. Я не собираюсь делать ничего подобного.— Она пыталась встать.

— Я не буду посылать вас к врачу. Нет необходимости принуждать вас. Вы можете пойти к врачу по своей собственной воле,

если захотите. Вы можете пойти к нему и сказать ему то, что говорили мне, и вы можете спросить его почему, и он, возможно, укажет вам причину.

— Это то, что говорит Дэвид. Дэвид тоже говорит, чтобы я так сделала, но я не думаю... я не думаю, что он разбирается в этом. Я должна сказать врачу, что я... я, возможно, пыталась совершить...

— Почему вы думаете, что пытались?

— Потому что я не всегда помню, что я делала или где была. Я теряю час или два времени — и не помню. Однажды я была в коридоре... в коридоре за дверью, ее дверью. В моей руке что-то было — я не знаю, где я взяла это. Она направлялась ко мне. Но когда она подошла близко, ее лицо изменилось. Это была совсем не она. Она превратилась в кого-то другого.

— То, что вы вспоминаете, это, возможно, ночной кошмар. Только там люди превращаются в кого-то другого.

— Это не ночной кошмар. Я подняла револьвер, он лежал там у моих ног...

— В коридоре?

— Нет, во дворе. Она подошла и взяла его у меня.

— Кто?

— Клодия. Она отвела меня наверх и дала выпить какую-то ужасную дрянь.

— А где была тогда ваша мачеха?

— Она тоже была там, нет, не там. Она была в Кроссхедже. Или в больнице. Это там они определили, что ее отравили, и это сделала я.

— Это не обязательно вы, это мог быть кто-то другой.

— Кто другой мог сделать это?

— Может быть, ее муж.

— Отец? С какой стати отец захотел бы отравить Мэри? Он обожает ее. Он потерял голову от нее.

— В доме были и другие, разве нет?

— Старый дядя Родерик? Абсурдно!

— Никогда нельзя быть уверенным, — сказал Пуаро. — Возможно, он страдает душевным расстройством. Возможно, он считает, что его долг — отравить женщину, которая может оказаться обольстительной шпионкой. Или что-нибудь еще вроде этого.

— Это было бы очень интересно, — сказала Норма. — Дядя Родерик занимался разведкой в прошлую войну. Кто еще там был? Соня?

— Нет никаких оснований, почему бы она хотела отравить вашу мачеху. Полагаю, что есть еще слуги, садовники?

— Нет, они все проходящие. И у них нет никакого мотива для убийства.

— Она могла сделать это сама.
— Совершить самоубийство, вы это имеете в виду? Как другая?
— Да, есть и такая вероятность.
— Не могу представить себе, чтобы Мэри совершила самоубийство. Она слишком рассудительна для этого. И зачем бы ей делать это таким образом?

— Вы считаете, что если бы она захотела покончить с собой, то включила бы газ или удобно устроилась в постели и приняла очень большую дозу снотворного. Так?

— Ну, это было бы более естественно. В общем, вы понимаете, — серьезно сказала Норма, — что это должна была быть я.

— Да, — сказал Пуаро, — все это весьма любопытно. Складывается впечатление, что вы бы предпочли, чтобы это были вы. Вам нравится мысль, что это ваша рука налила смертельную дозу яда. Да, вам нравится эта мысль.

— Как вы можете говорить такое! Как вы можете!

— Потому что я думаю, что это правда, — ответил Пуаро. — Почему мысль, что вы могли совершить убийство, доставляет вам удовольствие?

— Это неправда.

— Сомневаюсь, — сказал Пуаро.

Она схватила свою сумочку и стала шарить в ней дрожащими пальцами.

— Я не собираюсь оставаться здесь и выслушивать все это. — Она сделала знак официантке, которая подошла, небрежно написала на листке бумаги счет, вырвала его и положила рядом с тарелкой Нормы.

— Разрешите мне, — сказал Эркюль Пуаро.

Он пододвинул листок бумаги к себе и начал доставать бумажник из кармана. Девушка вновь остановила его.

— Нет, я не могу разрешить вам платить за себя.

— Как хотите, — сказал Пуаро.

Он уже видел то, что ему было нужно. Счет был на двоих. Очевидно, Дэвид не возражал, чтобы счета оплачивала его девушка.

— Итак, вы пригласили друга на легкий завтрак?

— Откуда вы знаете, что я была не одна?

— Я сказал вам, что знаю довольно много.

Она положила монеты на стол и встала.

— Я ухожу, — сказала она, — и запрещаю вам следовать за мной.

— Сомневаюсь, чтобы я смог, даже если бы захотел, — сказал Пуаро. — Вы должны вспомнить о моих преклонных годах. Если вы побежите по улице, я, конечно, не смогу следовать за вами.

Она встала и направилась к двери.

Вы слышите, что я сказала? Не идите за мной.

— Вы разрешите мне, по крайней мере, открыть вам дверь? — Он проделал это с какой-то торжественностью. — Оревуар, мадемуазель.

Она бросила на него подозрительный взгляд и быстрым шагом пошла вдоль улицы, оборачиваясь время от времени. Пуаро стоял у двери, глядя на нее, но не делал попыток догнать или позвать. Когда она скрылась из виду, он вернулся в кафе.

— Черт побери, что все это значит? — спросил себя Пуаро. Пуаро вновь сел за стол и заказал чашку кофе.

— В этом есть нечто удивительное, — прошептал он себе. — Да, что-то совершенно удивительное.

Официантка поставила перед ним чашку бледно-бежевого напитка. Он выпил глоток и скривился.

Пуаро пытался угадать, где находится миссис Оливер в этот момент.

Глава 9

А миссис Оливер сидела в автобусе. Хотя она запыхалась, но это несколько не убавило у нее азарта погони. «Павлин», как она его назвала про себя, был отличным ходок. Миссис Оливер же быстро ходить не привыкла. Когда он вышел на набережную, она находилась от него метрах в двадцати. В районе Чаринг-Кросс он спустился в метро, миссис Оливер тоже. На Слоун-Сквер вылез, она за ним. Он сел в автобус, она тоже. У Уорлд-Энд сошел, она тоже. Павлин погрузился в круговорот улочек между Кингз-Роуд и рекой, а потом прошел на строительную площадку. Миссис Оливер стояла в сумерках парадного и наблюдала. Увидев, что он прошмыгнул между домами, она подождала немного и последовала туда же — но, увы, его и след простыл. Оглядевшись, миссис Оливер обнаружила, что находится в глухом месте. Пошла дальше, между домами было несколько проходов. Немного поколебавшись, выбрала один из них и неожиданно оказалась на строительной площадке. И вдруг сзади услышала голос: «Надеюсь, я шел не слишком быстро?»

Миссис Оливер резко обернулась — веселый азарт погони сменился у нее страхом, да, настоящим страхом. Хотя голос прозвучал вполне вежливо, но она поняла, что скрывается за этой интонацией. Невольно в ее голове промелькнул сюжет, хорошо знакомый любителям уголовной хроники: банда подростков, жаждущих крови, нападает на пожилую женщину. Голос несомненно принадлежал тому юноше, которого она преследовала. Он, конечно, понял, что она идет за ним, завел ее в лабиринт, сам без труда ускользнул, а потом неожиданно возник перед ней, преградив дорогу. Пустынное место выбрать ему было нетрудно — таких

немало в Лондоне; хотя рядом оживленные улицы, наверняка много народу бродит, да и в домах кто-то живет. А перед ней только этот человек, самоуверенный и сильный. Она была убеждена, что он сейчас раздумывает, как свою силу употребить... Павлин. Гордый павлин. Бархатный жилет, элегантные черные брюки в обтяжку, внешне спокойный, но чувствуется, что на самом деле он очень зол. Раза три миссис Оливер глубоко вздохнула. Когда к ней вернулось самообладание, она мгновенно разработала план защиты и решительно уселась на крышку мусорного ящика, стоявшего подле нее.

— Господи, как вы меня напугали, — сказала она. — Я и подумать не могла, что вы здесь. Надеюсь, вы не очень сердитесь?

— Так вы действительно за мной следили?

— Да, боюсь, что так. Наверное, вы очень на меня злитесь. Понимаете, я просто не могла упустить такую возможность. Представляю, как вы злитесь, но совершенно напрасно. Совершенно. Как бы вам объяснить... — миссис Оливер увереннее устроилась на мусорном ящике, — понимаете, я пишу книги. Детективы. И сегодня утром никак не могла собраться с мыслями. Я пошла в кафе, чтобы выпить чашечку кофе и хорошенько все обдумать. В книге я дошла до того места, где начинается слежка, то есть мой герой должен преследовать одного человека. И вдруг подумала: а ведь я плохо представляю, как это происходит в жизни. Конечно, подобную ситуацию я описывала не раз, и в чужих произведениях читала... но мне было интересно проверить, действительно ли это происходит так легко, как часто изображается в одних романах, или же невысказанно трудно, как подается в других. И я решила выступить в роли преследователя, чтобы точно описать его действия и психическое состояние. Осталось только выбрать объект преследования, и когда я увидела вас — вы сидели напротив меня за соседним столиком — то сразу поняла, что вы... что вы как раз тот самый человек, который мне нужен.

Он все еще холодно смотрел на нее, но уже чувствовалось, что напряжение спадает.

— Объясните, почему вы выбрали меня?

— Ну... вы так живописны, — пояснила миссис Оливер. — И одежда красивая — почти ампир, понимаете, и я решила: вы так хорошо выделяетесь в толпе, что вас будет легко преследовать. Как только вы вышли из кафе, я сразу же пошла за вами. Должна признаться, что дело это оказалось не из легких. — Она взглянула на него снизу вверх. — Скажите, а вы сразу меня заметили?

— Нет, не сразу.

— Это понятно... — задумчиво пробормотала миссис Оливер. — Конечно же, я не так выделяюсь, как вы. Меня не так легко заметить среди других пожилых женщин. Правда ведь?

— Какие вы написали книги? Возможно, я что-нибудь читал...

— Ну, не знаю. Может быть и читали. Я написала сорок три романа. Моя фамилия Оливер.

— Ариадна Оливер?

— Значит, вы меня знаете, — заключила миссис Оливер. — Что ж, это приятно, хотя не думаю, что мои книги могли вам понравиться. Вам они должны казаться старомодными — там совсем нет сцен насилия.

— А вы знали, кто я?

— Конечно, нет.

— А девушку, которая была со мной?

— Ту, с которой вы ели, кажется, печеные бобы в кафе? По-моему, нет. Правда, я видела ее только со спины. И она мне показалась... впрочем, все девушки сейчас похожи друг на друга.

— А она вас узнала, — неожиданно сообщил юноша. И голос его прозвучал жестко. — Она вспомнила, что где-то недавно вас встречала. Примерно неделю тому назад.

— Но где? Наверное, где-то в гостях. Я вполне могла ее видеть. А как ее зовут? Если вы скажете, возможно, я вспомню.

— Норма Рестарик.

— Норма Рестарик. Да, конечно же, это было на загородной вилле. По-моему, она называлась — постойте, постойте — Лонг Нортоц? У меня такая плохая память на названия. Меня туда привезли знакомые. Вряд ли я могла бы узнать девушку, хотя, кажется, она что-то говорила про мои книги. Я ей даже обещала подарить свой роман. Странно, право, я преследовала незнакомца, а оказалось, что у нас есть общие знакомые. Очень странно. В романе такое совпадение будет выглядеть надуманно, правда?

Миссис Оливер поднялась.

— Боже, на чем я сидела! Мусорный ящик! Подумать только! И к тому же не самый чистый. — Она фыркнула. — Интересно, куда это я попала?

Юношу звали Дэвид. Он смотрел на нее и улыбался, и улыбка его была очаровательной. Он слегка повернул голову, и каштановые кудри шевельнулись на его плечах.

«Какая дура, — огорчилась про себя миссис Оливер, — какая я была дура! Как я могла подумать, что от него может исходить угроза».

— Единственное, что я могу сейчас для вас сделать, — произнес он, — это показать, где вы находитесь, но для этого вам придется подняться со мной вон туда. — И он показал в сторону чердака, к которому вела ветхая лестница, закрепленная на внешней стороне здания.

— Так высоко? — в голосе миссис Оливер прозвучала неуве-

ренность. «А вдруг он хочет меня туда завлечь, чтобы стукнуть чем-нибудь тяжелым по голове,— подумала она.— Но, Ариадна, сказала она себе,— раз уж ты здесь оказалась, надо постараться узнать все до конца».

— Думаете, лестница выдержит? Выглядит не очень надежно.

— Да нет, она крепкая. Я пойду первым,— сказал он.— А вы за мной.

И они стали подниматься. Это было непросто. К тому же, в глубине души, миссис Оливер все еще боялась. Боялась не столько юношу, сколько того места, куда он ее вел. Взобравшись наверх, он толкнул дверь, и они вошли в комнату. Она была большая, почти без мебели и напоминала мастерскую художника. На полу валялось несколько матрасов, к стенам были прислонены холсты, стояла пара мольбертов. Пахло краской. В комнате было двое: девушка и бородатый молодой человек, который стоял у мольберта и рисовал.

— А, Дэвид, привет,— сказал молодой человек.— Привел к нам гостей?

Миссис Оливер была поражена его внешним видом. Грязные черные волосы кочьями свисали на глаза и падали на плечи. Лицо было небрито, на нем была засаленная кожаная куртка и высокие черные сапоги. Миссис Оливер перевела взгляд на девушку, которая, по всей вероятности, служила ему моделью. Она полулежала на деревянном стуле, голова была запрокинута, длинные темные волосы свисали до пола. Миссис Оливер без труда узнала ее. Это была «вторая девушка» из Бороден Мэншнз. Фамилию миссис Оливер припомнить не могла, но зато хорошо помнила имя. Она была красивая, хотя и выглядела изможденной, звали ее Фрэнсис.

— Познакомьтесь, это Питер,— сказал Дэвид, махнув рукой в сторону художника,— молодое дарование. А это Фрэнсис, она позирует, изображая отчаявшуюся девушку, которой нужен аборт.

— Заткнись, козел,— произнес Питер.

— А я, кажется, вас знаю,— бодро, но не совсем уверенно произнесла миссис Оливер.— Я просто убеждена, что мы с вами где-то встречались. И, причем, недавно.

— Ведь вы, кажется, миссис Оливер? — спросила Фрэнсис.

— По крайней мере, она так назвалась,— ответил Дэвид.— Так, значит, это правда?

— Где же мы с вами встречались? — продолжала миссис Оливер.— В гостях? Нет. Дайте-ка мне вспомнить... Знаю.. В Бороден Мэншнз.

Фрэнсис уже выпрямилась на стуле и говорила, хотя и утомленным, но приятным голосом. Питер издал громкий нечленораздельный звук.

— Почему ты изменила позу?! И зачем тебе понадобилось трепаться? Нельзя разве сидеть спокойно?

— Я все равно больше не могла находиться в такой ужасной позе. У меня страшно затекли плечи.

— Я решила попробовать себя в роли преследователя, — сказала миссис Оливер. — Но это оказалось гораздо сложнее, чем я думала. Это чья-то мастерская? — добавила она, с интересом осматриваясь вокруг.

— Да, сейчас многие мастерские вот так выглядят: какой-нибудь чердак, и хорошо, если пол не проваливается, — пояснил Питер.

— Но здесь все, что нужно, — добавил Дэвид. — Окна на север, просторно, и койка есть, сортир внизу, да еще и кухня. Есть и пара бутылок. — Тут он повернулся к миссис Оливер и вежливо предложил: — Не угодно ли рюмочку?

— Я не пью, — отказалась миссис Оливер.

— Дама не пьет! — воскликнул Дэвид. — Кто бы мог подумать!

— Вы не очень деликатны, но меня это не удивляет, — сказала миссис Оливер. — Часто приходится слышать: «А я-то думал, вы пьете, как свинья».

Она открыла сумочку, из нее вывалился шиньон. Дэвид поднял его.

— Благодарю вас. Сегодня утром я не успела как следует причесаться. Взяла ли с собой шпильки? — Она порылась в сумочке, нашла шпильки и приколотла шиньон.

— Клёво! — одобрил Питер, расхохотавшись.

«Поразительно, — подумала миссис Оливер, — как мне могла прийти в голову дурацкая мысль, что я в опасности. Опасность исходит от этих ребят? Как бы они внешне не выглядели, на самом деле они милые и симпатичные. Видно, правда, у меня слишком богатое воображение».

А вслух она сказала, что ей пора уходить. Дэвид с изысканной вежливостью проводил ее вниз по лестнице и дал подробнейшие инструкции, как самым коротким путем выбраться на Кингз-Роуд.

— А там, — сказал он, — вы можете сесть на автобус или такси, как вам будет угодно.

— Конечно, в такси, — сказала миссис Оливер. — У меня ноги просто отваливаются от усталости. Благодарю вас, — добавила она, — что вы не слишком рассердились за мою затею. Думаю, что я совершенно не похожа на частного детектива или сыщика...

— Очевидно, — серьезно произнес Дэвид. — Итак, налево, затем направо, снова налево и потом вперед, пока не покажется река. После нее резко направо и снова прямо.

Непонятно почему, но когда миссис Оливер шла через двор, сомнение вновь закралось в ее душу. И она вновь подумала о своем

слишком богатом воображении. Миссис Оливер оглянулась, посмотрела на лестницу и окно мастерской. Дэвид все еще стоял, глядя ей вслед. «Очень милые молодые люди все трое,— сказала она себе.— Симпатичные и очень добрые. Это их вызывающий вид сбивает с толку. Итак, сейчас направо. Или налево? По-моему, налево. Господи, бедные мои ноги. Да еще и дождь собирается». Ей казалось, что путешествие не будет конца. «Нет, не дойти до Кингз-Роуд,— подумала она.— Отсюда и движения-то не слышно. И где, черт возьми, Темза? Похоже, что я все-таки заблудилась. Ну, ничего,— решила миссис Оливер.— Рано или поздно я выйду... не к реке, так к Патни, или к Уондзуорту, или еще куда-нибудь!» Она встретила прохожего и спросила, как пройти к Кингз-Роуд, но он оказался иностранцем и не понял вопроса.

Миссис Оливер уныло повернула наугад, впереди заблестела вода. Она бросилась в какой-то узкий проход и тут услышала шаги за спиной. Хотела обернуться, но в этот момент ощутила сильный удар и потеряла сознание.

Глава 10

I

— Выпейте это.

Норма дрожала. Глаза ее были мутны. Она откинулась на спинку стула. Команда прозвучала еще раз.

— Выпейте это.

Она послушно выпила и поперхнулась.

— Это... это очень крепко,— она жадно ловила воздух губами.

— Оно вам поможет. Через минуту вам станет лучше. Сидите спокойно и ждите.

Тошнота и головокружение прошли, щеки слегка порозовели, дрожь прекратилась. Ее еще продолжали мучить страх и кошмары, но и они постепенно уходили. Впервые она осмотрелась, пытаясь понять, где находится. Это была небольшая комната, обставленная почти по-домашнему. Письменный стол, кушетка, кресло, стул и какой-то аппарат, очевидно, предназначенный для обследования. Затем она стала рассматривать человека, который дал ей пить.

Это был мужчина лет тридцати, рыжеволосый, с симпатичными, хотя и неправильными чертами лица.

— Начинаете приходить в себя?

— Да. По-моему, да. Я... что со мной случилось?

— А вы сами не помните?

— Улица, машина... Она едет прямо на меня...— Норма взглянула на мужчину.— Меня сбilo?

— Нет, нет, не сбило, — он покачал головой. — Я не дал. Вы стояли посреди улицы, прямо на вас мчалась машина, но мне удалось оттолкнуть вас с такой силой, что вы не попали под колеса. Интересно, о чем вы задумались, стоя на проезжей части оживленной улицы?

— Не помню. Я... Да, наверное, я о чем-то задумалась.

— «Ягуар» мчался вовсю, но машина, вероятно, не специально на вас ехала?

— О, нет, нет, конечно, нет. То есть, я...

— Понимаете, я просто подумал... Ведь это могло быть и преднамеренно.

— Что вы хотите сказать?

— Ну, просто я подумал, что вы сами намеревались попасть под машину. А?

— Я сама? Нет... Конечно же, нет!

— Это было бы очень глупо с вашей стороны. Ну-ка, попробуйте еще что-нибудь вспомнить.

Ее снова начала бить дрожь.

— Я думала... я думала, что лучше все разом кончить. Я думала...

— Итак, я вижу, вы все же собирались расстаться с жизнью. Но почему? Попробуйте рассказать. Возлюбленный? Надежда, что в случае вашей смерти он стал бы испытывать угрызения совести, могу сказать, пустая. Ведь многие стараются избегать подобных чувств и не считать себя виноватыми. Скорее всего он произнес бы: «Мне всегда казалось, что она не в себе. Так что все к лучшему». Советую вам вспомнить об этом, когда захотите еще раз броситься под «Ягуар». Так в чем дело? Вас оставил возлюбленный?

— Нет, — произнесла Норма. — Да нет же. Наоборот, он предлагал на мне жениться.

— Тогда вообще нет причин бросаться под машину.

— Есть. Потому что... — она запнулась.

— По-моему, лучше будет, если вы мне все расскажете.

— А как я сюда попала? — спросила Норма.

— Я привез вас на такси. Вы, кажется, не очень пострадали — лишь несколько ушибов, по-моему. Но, очевидно, были в шоке. Я спросил, где вы живете, но вы смотрели на меня, явно ничего не понимая. Когда стала собираться толпа, я остановил такси и привез вас сюда.

— А это... больница?

— Приемная врача, а я — врач. Меня зовут Стиллингфлит.

— Но мне не нужен врач! Я не хочу разговаривать с врачом!
Я не...

— Вы уже десять минут разговариваете с врачом. Ну, успокой-

тесь, успокойтесь. Вам не стоит волноваться. Кстати, чем вам не нравятся врачи?

— Я их боюсь. Я боюсь, что врач будет говорить...

— Но послушайте, дорогая моя, вы ведь попали ко мне не на прием. Считайте меня просто случайным прохожим, оказавшимся настолько любезным, чтобы спасти вас от смерти, или, что более вероятно, от серьезных переломов и травм, которые испортили бы вам всю оставшуюся жизнь. А могли возникнуть, кстати, и другие неприятности. Поскольку вы решили совершить самоубийство, то вас потащили бы в суд. Да и сейчас могут, если вы будете утверждать, что хотели покончить с собой. Так что, видите, я с вами вполне откровенен. И вы могли бы ответить откровенностью на откровенность и рассказать, почему вы так боитесь врачей. Что они вам сделали плохого?

— Ничего. Мне никто ничего плохого не сделал. Но я боюсь, что они могут...

— Что они могут?

— Упрятать меня в больницу.

Доктор Стиллингфлит удивленно поднял брови и посмотрел на нее.

— Ну, ну, — сказал он. — У вас довольно странное представление о врачах. Зачем, например, мне вас упрятывать? Не выпьете ли вы чаю? — добавил он. — Или вы предпочитаете более сильный стимулятор, а может быть, транквилизатор? Насколько мне известно, ваши сверстники этим не брезгуют. А вы?

Она покачала головой.

— Нет. В общем-то, нет.

— Не верю. Но в любом случае, откуда такое тревожное настроение? С головой у вас, вроде, все в порядке. Я, по крайней мере, не вижу никакой патологии. Врачи ведь не очень рвутся всех куда-нибудь упрятывать. Сумасшедшие дома и так переполнены. Честно говоря, врачи больше озабочены тем, как побольше людей выписать, и очень многих, к вашему сведению, выписывают, хотя их следовало бы держать в клинике. Вообще говоря, в этой стране слишком много народу. Итак, что вы предпочитаете — что-нибудь из моей аптечки или старый добрый английский чай?

— Мне бы хотелось чаю, — призналась Норма.

— Индийского или китайского? Кажется, так принято спрашивать? Имейте только в виду, что китайского чая у меня нет.

— Я предпочитаю индийский.

— Ну и отлично.

Он подошел к двери, распахнул ее и крикнул:

— Энни, принесите чай на двоих.

Он вернулся, сел и сказал:

— Ну вот, с этим мы разобрались. Как, кстати, вас зовут?

— Норма Рес... — она остановилась.

— Да?

— Норма Вест.

— Итак, мисс Вест, с этим мы разобрались. Я не собираюсь вас лечить, а вы не собираетесь ко мне обращаться. Вы — жертва дорожно-транспортного происшествия, остановимся на этом, ведь вы сами решили выступать в этом амплуа (не позавидуешь бедняге водителю «Ягуара»).

— Я сначала думала броситься с моста.

— Правда? Но это ведь очень трудно. Те, кто строят мосты, сейчас весьма предусмотрительны. Пришлось бы карабкаться на парапет, а это дело не из легких. За это время вас бы кто-нибудь наверняка остановил. Чтобы быть до конца откровенным, добавлю, что я вас привез сюда потому, что вы были не в состоянии сказать мне свой адрес. Какой он, кстати?

— У меня нет адреса. Я... я нигде не живу.

— Это любопытно, — сказал доктор Стиллингфлит. — Как говорят полицейские, без постоянного места жительства. Ну, а что вы делаете? Сидите ночи напролет на набережной?

Она подозрительно взглянула на него.

— Между прочим, ведь я мог сообщить об этом дорожно-транспортном происшествии в полицию. Но я предпочел счесть вас задумчивой девушкой, которая забыла посмотреть налево, прежде чем переходить улицу.

— Вы совсем не похожи на врача.

— Правда? Честно говоря, мне и самому не очень нравится быть здесь врачом. Я собираюсь расстаться с практикой в Англии и через пару недель махнуть в Австралию. Так что меня вы можете не бояться и совершенно спокойно рассказывать что угодно. Например, что на вас со стены наступают розовые слоны, что вам кажется, будто деревья своими ветками стараются вас поймать, что у вас мелькают чертики в глазах или еще что-нибудь в этом роде, я уже ничем не смогу вам помочь. На мой взгляд, вы вполне в своем уме.

— Мне самой так не кажется.

— Возможно, вы и правы, — добродушно согласился доктор Стиллингфлит, — послушаем, чем вы это сможете доказать.

— Я что-то делаю и потом об этом не помню. Я рассказываю другим о том, что я сделала, и забываю, что я им говорила...

— А, может быть, у вас ослабела память?

— Вы не понимаете. Это все... очень дурные вещи.

— Религиозная мания? Это очень интересно.

— Религия здесь ни при чем. Это просто... просто ненависть.

В дверь постучали и пожилая женщина внесла чайник. Она поставила его на письменный стол и вышла.

— С сахаром? — спросил доктор Стиллингфлит.

— Да, пожалуйста.

— Вы разумная девушка. В вашем состоянии вам очень нужен сахар. — Он налил две чашки чая, одну протянул ей и придвинул сахарницу. — Берите, пожалуйста. — И снова сел. — Так о чем, бишь, мы говорили? Да, ненависть.

— Можно так сильно ненавидеть, чтобы хотеть убить этого человека?

— Конечно же, — все так же добродушно согласился доктор Стиллингфлит. — Еще как можно. Собственно говоря, это вполне естественно. Но даже если вы серьезно этого хотите, вы далеко не всегда сможете заставить себя это сделать. У человека есть защитная система, которая в нужный момент срабатывает.

— По-вашему, желать смерти другому так обыкновенно, — сказала Норма. В ее голосе слышалось раздражение.

— Но это действительно вполне естественно. Дети — те вообще каждый день испытывают на себе что-нибудь подобное. Выходят из себя, говорят, например, матери: «Ты злая, я ненавижу тебя, хочу, чтобы ты умерла». Но матери по большей части — разумные существа, и не обращают на это внимания. Повзрослев, дети могут продолжать кого-то ненавидеть, но всерьез об убийстве уже не задумываются. А если все же задумываются, то дело может кончиться тюрьмой, в случае, если будет доведен до конца достаточно хлопотный и нелегкий замысел. А вы про себя все это не придумываете, а? — спросил он между прочим.

— Нет, конечно, — Норма выпрямилась. В глазах ее был неподдельный гнев. — Конечно, нет. Неужели вы думаете, что можно просто так наговаривать на себя такие страшные вещи?

— Хм, знаете, бывает, — заметил доктор Стиллингфлит. — Некоторые получают удовольствие, наговаривая на себя всякие страсти. — Он взял у нее пустую чашку. — Знаете что, — предложил он, — расскажите-ка мне все по порядку. Кого вы ненавидите, за что и что вы собираетесь сделать.

— От любви до ненависти один шаг.

— Звучит вполне мелодраматично. Но помните, что и от ненависти до любви недалеко. И так, и так бывает. Вы утверждаете, что возлюбленный здесь ни при чем. «Она его любила, а он ее забыл»... — так, кажется, бывает? — Ваша история из другой оперы?

— Да, да. Ничего похожего. Дело... в моей мачехе.

— Ага, мотив злой мачехи. Но это ерунда. В вашем возрасте вы спокойно можете от нее уехать. Что она вам сделала плохого, помимо того, что вышла замуж за вашего отца? А его вы тоже ненавидите, или, наоборот, настолько его любите, что не хотите делить с этой женщиной?

— Нет, это все не так. Совсем не так. Я его очень любила. Нежно любила. Он был... мне казалось, он был замечательным.

— Послушайте, — перебил ее доктор Стиллингфлит. — Я хочу вам кое-что предложить. Видите эту дверь?

Норма обернулась и удивленно посмотрела на дверь.

— Совершенно обычная дверь, правда? Не заперта. Открывается и закрывается самым обычным образом. Пойдите, убедитесь в этом сами. Вы видели, как моя экономка совершенно спокойно вошла — и вышла. Никакого обмана. Пойдите, посмотрите. Ну, ну, давайте, делайте, что я вам говорю.

Норма встала и, немного помешкав, подошла к двери и открыла ее. Стоя в дверном проеме, она вопросительно посмотрела на него.

— Правильно. Что вы видите? Совершенно обыкновенную прихожую, которая давно не ремонтировалась, но в свете моего предстоящего отъезда в Австралию делать ремонт бессмысленно. Через нее пройдите к парадному входу, откройте дверь — с ней тоже все в порядке. Затем вы должны выйти на улицу — это убедит вас, что вы совершенно свободны и никто не собирается вас куда-то упрячивать. И после того, как полностью освободитесь от подозрений, возвращайтесь, усаживайтесь поудобнее в кресле и начинайте рассказывать мне вашу историю. А я буду давать вам ценные советы. Вы, конечно, не обязаны принимать их к сведению, — спохватился он, — люди редко следуют советам посторонних, но, возможно, вы не из таких. Ну, что, договорились?

Норма неуверенной походкой вышла из комнаты, прошла, как описал врач, через совершенно обыкновенную прихожую, без труда открыла парадную дверь, спустилась по четырем ступенькам и оказалась на тротуаре незнакомой улицы, застроенной добротными, но малопривлекательными домами. Она застыла на месте, не подозревая о том, что доктор Стиллингфлит внимательно наблюдает за ней сквозь тюлевую занавеску. Постояв так пару минут, она повернулась и уже более решительно пошла назад.

— Ну как? — спросил доктор Стиллингфлит. — Убедились, что я ничего от вас не скрываю? Все честно.

Девушка кивнула.

— Ну и отлично. Садитесь. Устраивайтесь поудобнее. Вы курите?

— Вообще-то я...

— Небось, только марихуану или что-нибудь в этом роде? Ну, ну, об этом можете мне не рассказывать.

— Что вы? Конечно же, я ничего подобного не пробовала.

— Насчет «конечно же» я крепко сомневаюсь, но приходится верить тому, что говорит пациент. Ну, да ладно. Расскажите мне о себе.

— Я... я право не знаю. Рассказывать-то, собственно, нечего. Вы хотите подвергнуть меня психоанализу?

— Если вы имеете в виду сновидения и тому подобное, то речь не об этом. Но мне необходимо составить представление о вашей жизни. Понимаете? Жили ли вы в городе или за городом, были ли у вас братья и сестры, или же вы единственный ребенок в семье и так далее. Когда умерла ваша мать, вы сильно горевали?

— Конечно же, — в ее голосе послышалось возмущение.

— Мне кажется, мисс Вест, вы очень любите говорить «конечно же». Кстати, Вест — это ведь не настоящее ваше имя? Но ничего, мне достаточно и этого. Можете называть себя Вест, Ист, Норд или как вам еще угодно. Так что же происходило после смерти вашей матери?

— Перед смертью она все время болела. Подолгу лежала в больнице. А я оставалась с тетушкой, весьма преклонного возраста, в Девоншире. Она не была мне настоящей теткой, она — мамина двоюродная сестра. А уже после смерти матери, полгода назад, домой вернулся папа. И это... это было чудесно. — Лицо девушки неожиданно просветлело. Она не заметила, что врач исподтишка бросил на нее пронизательный взгляд. — Знаете, я ведь его почти не помнила. Он ушел от нас, когда мне было лет пять. Я и не думала, что когда-нибудь увижу его. Мама не любила о нем говорить. Думаю, что сначала она надеялась, что он бросит ту женщину и вернется к нам.

— Ту женщину?

— Да. Он ведь уехал не один. По словам мамы, это была очень дурная женщина. Она много гадостей говорила и про нее, и про папу, но мне казалось, что может быть... может быть папа был не так плох, как мама думала, и что виновата во всем та женщина.

— Они поженились?

— Нет. Мама стояла на своем и не давала развода. Она была очень набожна — ортодоксальна, как папа Римский, хотя сама была из англикан.

— Долго ли они жили вместе? И как звали эту женщину, или это тоже секрет?

— Фамилии ее я не помню, — Норма покачала головой. — Нет, по-моему, недолго, хотя я об этом почти ничего не знаю. Они вместе уехали в Южную Африку; но, кажется, начали ссориться и вскоре расстались, потому что я помню, что мама стала надеяться на возвращение папы. Но он не вернулся. Он нам даже не писал. Но присылал мне подарки к Рождеству. Всегда только подарки.

— Он любил вас?

— Не знаю. Откуда я могу это знать? О нем никто никогда и не говорил. Только дядюшка Саймон — это его брат, бизнесмен из Сити. Он был очень раздосадован папиным поведением, говорил,

что папа всегда был такой, никогда не мог ничем всерьез заняться. Но все же он считал папу славным парнем. Только слишком слабым. Но я редко виделась с дядюшкой Саймоном. Все время вокруг были только мамины подруги. Большею частью страшные зануды. И вся моя жизнь была страшно занудной. То, что папа может вернуться, казалось мне самым настоящим чудом. Я стала все время о нем думать, пыталась себе его представить. Вспоминала, что он мне говорил, во что со мной играл. Он всегда меня страшно смешил. Я пыталась разыскать его фотографии. Но, очевидно, все они были уничтожены. Наверное, это мама их порвала.

— А она так и не простила?

— Думаю, что она никак не могла простить Луизу.

— Луизу?

Он заметил, что лицо девушки напряглось.

— Я не помню... я ведь вам говорила... я очень плохо помню имена.

— Ничего страшного. Но вы имеете в виду женщину, с которой ваш отец уехал, так ведь?

— Да. Мама говорила, что она пьет, принимает наркотики и наверняка плохо кончит.

— А у вас не было возможности убедиться в этом самой?

— Я ничего не знаю об этом. — Видно было, что девушка начинает выходить из себя. — Я не хочу больше отвечать на ваши вопросы! Я ничего про нее не знаю! Я никогда больше про нее не слышала! Я бы и не вспомнила о ней никогда, если б вы об этом не заговорили. Говорю вам, ничего я не знаю.

— Ну, ладно, ладно, — успокаивал ее доктор Стиллингфлит, — не стоит так волноваться о том, что уже в прошлом. Давайте лучше подумаем о будущем. Что вы собираетесь делать дальше?

Норма глубоко вздохнула.

— Не знаю. Мне некуда идти. Я не могу... лучше было бы... Я уверена, что лучше было бы... все сразу кончить... вот только...

— Только вы не сможете попытаться второй раз — это вы хотели сказать? Должен вас уверить, дорогая моя девочка, что это действительно было бы очень глупо. Итак, вам некуда пойти, некому довериться. Ну, а деньги у вас есть?

— Да, у меня есть счет в банке, и каждый квартал папа переводит туда кучу денег, но я не знаю... Наверное, он меня сейчас разыскивает. А мне бы не хотелось, чтобы меня нашли.

— А этого можно избежать. Я бы мог все устроить. Есть одно местечко, называется Кенузэй Корт. Нечто вроде санатория, куда приезжают долечиваться. Там нет врачей, больничных коек, и могу вас уверить, что никто вас там не будет удерживать. В любой момент вы можете оттуда уйти. При этом там вы можете получать

завтрак в постель, целыми днями валяться, ничего не делая, и так далее. Там вы хорошенько отдохнете, а потом я приеду на денек, мы поговорим, и может быть вместе что-нибудь придумаем. Как вы к этому отнесетесь? Подходит?

Норма посмотрела на него ничего не выражающим взглядом, потом медленно кивнула.

II

Ближе к вечеру доктор Стилингфлит позвонил по телефону.

— Похищение удалось, — сообщил он. — Она в Кенуэй Кортэ. Кротка, как ягненок. Говорит пока немного. Совершенно одурманена наркотиками. Насколько я могу судить, это стимуляторы в сочетании со снотворным и, возможно, ЛСД. Видимо, она принимает их давно. Она, правда, это отрицает, но вряд ли можно верить ее словам.

Очевидно, его о чем-то попросили.

— Нет, не просите меня об этом. С ней надо быть очень осторожным. Она так легко заводится... Да, похоже, она чего-то опасается, или делает вид, что опасается... Не знаю пока. Ничего не могу сказать. Помните, наркоманы весьма изобретательны. Им нельзя доверять. Я пока не очень на нее давил, чтобы не отпугнуть... В детстве, по всей вероятности, страдала комплексом отца. Не думаю, чтобы она очень любила мать, та, похоже, была страшная зануда, да еще из тех, которые всегда правы и доставляют много мучений другим. Очевидно, отец был легкомысленным парнем и не мог вынести тоски семейной жизни... Не знаете, кто такая Луиза?.. Это к ней она впервые в жизни испытала сильную ненависть. Это к ней ушел отец, когда девочке было пять. В таком возрасте дети не очень хорошо разбираются в происходящем, но зато очень эмоционально реагируют на тех, кого считают виновными. С тех пор она не виделась с отцом вплоть до его возвращения домой несколько месяцев тому назад. Думаю, что мечтала о том, как прекрасно заживет вдвоем с папой. А он вернулся с женой, молодой, красивой, обаятельной. Ее ведь, кажется, зовут не Луиза?.. Нет, это я так спросил. Такова в общих чертах картина.

На другом конце провода голос резко переспросил:

— Что вы сказали? Повторите, пожалуйста.

— Я сказал, что такова в общих чертах картина.

Воцарилось молчание. Потом голос из трубки произнес:

— Кстати, есть еще одно обстоятельство, которое может вас заинтересовать. Девушка довольно глупо пыталась покончить жизнь самоубийством. Вас это не удивляет?

— О, нет... Она, видимо, не готовилась заранее... Да, конечно, она не стала принимать целую упаковку аспирина и не сунула голову в духовку. Она вышла на проезжую часть очень оживленной улицы прямо под колеса «Ягуара», шедшего с некоторым превышением скорости... я едва успел оттолкнуть ее. Да, это был мгновенный порыв... Она сама в этом призналась. Знаете, как они все говорят: «Хотелось сразу со всем покончить».

Выслушав словоизлияния на противоположном конце провода, он сказал:

— Не знаю. Пока я в этом не уверен... Но в целом картина ясна. Нервная девушка, напичканная наркотиками. Нет, точно не могу сказать какими. Сейчас очень много однотипных средств. Вполне естественно, что в таком состоянии она путается, что-то забывает, легко возбуждается, испытывает страх и вообще плохо понимает, что с ней происходит. Самое трудное — отличить ее настоящие чувства от чувств, вызванных наркотиками. Но, в любом случае, возможны два варианта. Либо она все искусно разыгрывает — нервозность, попытку самоубийства и так далее, либо все это всерьез. Конечно, под влиянием наркотиков она может сочинять о себе разные небылицы, тогда у нее это очень здорово получается, хотя в ее рассказах время от времени заметны несовпадения. Возможно, она очень умная и ловкая актриса. Или все же полусумасшедшая жертва суицидальной идеи. Допустимы оба варианта в равной степени... Что вы говорите?.. А, этот «Ягуар»!.. Да, он явно шел с превышением скорости. Думаете, что могло быть и не самоубийство, что «Ягуар» появился не случайно?

Он задумался на минуту, потом медленно ответил:

— Ничего не могу сказать. Конечно, вероятно. Да, это вполне вероятно, просто мне не пришло в голову. Понимаете, все возможно — вот в чем трудность. Но я рассчитываю еще кое-что выведать у нее. Условия нашей договоренности таковы, что она сама отчасти хотела бы мне довериться, если только я не буду очень давить и ничем не вызову у нее подозрений. Она может вскоре мне поверить и тогда многое расскажет. Если все это не розыгрыш, то она сама захочет выговориться до конца. А пока чего-то боится... Да, да, конечно, пока она уводит меня в сторону, и предстоит выяснить, зачем ей это надо. Сейчас она в Кенузэй Кортте, надеюсь, что там и останется. Надо бы дня на два приставить к ней какого-нибудь соглядатая, чтобы нам ее не потерять, если она все-таки решится уйти.

Эндрю Рестарик выписывал чек, и делал это с недовольной миной.

Его офис представлял собой просторную комнату, довольно типичную для большого бизнеса. Обустройством и обстановкой занимался еще Саймон Рестарик. Эндрю же такого рода вещами интересовался мало и ограничился тем, что снял пару картин, а на их место водрузил акварельный пейзаж и собственный портрет, который привез из загородного дома.

Эндрю Рестарик был уже немолод и начинал полнеть, но тем не менее мало изменился с того времени, когда был написан его портрет. А написан он был пятнадцать лет тому назад. Та же выдающаяся челюсть, плотно сжатые губы, немного удивленно приподнятые брови. Никаких особых примет — весьма распространенный тип. В то же время можно было заметить, что человек этот не очень счастлив.

В комнату Рестарика вошла секретарша, Клодия Рис-Холланд. Когда она подошла к его столу, он на нее вопросительно посмотрел.

— Пришел мсье Эркюль Пуаро. Он утверждает, что вы с ним договорились о встрече, но я не нахожу у себя никаких записей по этому поводу.

— Мсье Эркюль Пуаро? — Он покачал головой. — Что-то не помню такого, хотя, имя, кажется, слышал. Как он выглядит?

— Невысокого роста, похож на иностранца, скорее всего, на француза, и с огромными усами...

— А! Помню, Мэри мне о нем рассказывала. Он заходил проведать старика Родди. Но при чем здесь я?

— Он утверждает, что вы прислали ему письмо.

— Что-то не припоминаю, может быть и посылал. Может быть, Мэри... Ну, да ладно, пригласите, пусть заходит. Разберемся, в чем дело.

Вскоре Клодия Рис-Холланд вернулась в сопровождении низкорослого мужчины. Овальная форма головы, громадные усы и лакированные остроносые ботинки. Вид у него был весьма самодовольный, что вполне соответствовало описанию Мэри.

— Мсье Эркюль Пуаро, — доложила Клодия Рис-Холланд.

Она вышла, а Эркюль Пуаро подошел к письменному столу. Рестарик приподнялся.

— Мсье Рестарик, меня зовут Эркюль Пуаро. Я к вашим услугам.

— Да, да. Жена рассказывала, что вы заходили к нам, точнее к моему дядюшке. Чем могу быть полезен?

— Я пришел в ответ на ваше письмо.

— Какое письмо? Я вам не писал.

Пуаро удивленно на него посмотрел. Затем извлек из кармана письмо, развернул его и с поклоном протянул мистеру Рестарику.

— Можете убедиться сами.

Рестарик изумленно взглянул на письмо: оно было напечатано в его секретариате, внизу красовалась его подпись.

«Многоуважаемый мсье Пуаро!

Буду вам очень признателен, если вы сможете в самое ближайшее время зайти ко мне по вышеуказанному адресу. Насколько я могу судить по рассказам моей жены и по отзывам многих посторонних лиц, на вас можно полностью положиться в деле, требующем строгой конфиденциальности.

Искренне ваш,

Эндрю Рестарик».

Он спросил резким голосом:

— Когда вы его получили?

— Сегодня утром. Никаких срочных дел у меня не было, и я решил к вам зайти.

— Это просто поразительно, мсье Пуаро. Но я не писал этого письма.

— Не писали?

— Нет. Да и подпись у меня совершенно другая — вот, посмотрите сами.

Он сделал жест, как бы разыскивая на столе документ со своей подписью, и машинально взял чековую книжку, на которой только что расписался.

— Видите? У меня совсем другая подпись.

— Но это и впрямь поразительно, — согласился Пуаро. — Кто же мог написать это письмо?

— Мне тоже было бы интересно узнать.

— А не могла его написать, извините меня, ваша жена?

— Нет, нет. Мэри так никогда бы не сделала. Да и зачем ей писать от моего имени? Конечно, нет. Она бы предупредила меня заранее, чтобы ваш приход не был для меня неожиданным.

— А у вас нет никаких предположений на этот счет?

— Ни малейших.

— А нет ли у вас каких-либо предположений по поводу того, зачем я мог вам понадобиться?

— Абсолютно никаких.

— Прошу прощения, но вы не дочитали письмо до конца. Посмотрите, после вашей подписи, на следующей странице, есть небольшой постскриптум.

Рестарик перевернул письмо и прочел: «Дело касается моей дочери Нормы».

Он мгновенно переменялся в лице.

— Так вот оно что! Но кто мог... кто же мог вмешаться в это дело? Кто мог о нем узнать?

— Возможно, кто-то хотел свести вас со мной, какой-нибудь доброжелатель... Так у вас действительно нет никаких догадок?

— Ни малейших.

— И с дочерью вашей — ее зовут, кажется, Норма, — все в порядке?

Рестарик помолчал, потом медленно проговорил изменившимся голосом:

— Да, ее зовут Норма. Это моя единственная дочь.

— И с ней ничего не случилось?

— По крайней мере, мне об этом ничего не известно, — произнес он не совсем уверенно.

Пуаро слегка наклонился вперед.

— Мистер Рестарик, я думаю, что все же что-то случилось.

— Откуда вы можете знать? С вами кто-нибудь говорил об этом?

— Да нет, на эту мысль меня натолкнула ваша собственная реакция. Сейчас у многих, — добавил Пуаро, — неприятности с дочерьми. Юные леди обладают прямо-таки удивительной способностью попадать в неприятные истории. Не исключено, что и с вашей дочерью могло произойти что-нибудь подобное.

Рестарик молчал, постукивая пальцами по письменному столу.

— Да, — сказал он наконец, — судьба Нормы меня волнует. Она трудный человек: нервная, склонная к истерике... Хотя я, честно говоря, не очень хорошо ее знаю.

— И неприятности, конечно, из-за молодого человека?

— В общем, да, но не это сейчас меня беспокоит. Я думаю... — тут он оценивающим взглядом посмотрел на Пуаро. — Могу ли я считать вас благоразумным человеком?

— Хорошим бы я был профессионалом без этого!

— Дело в том, что мне необходимо разыскать мою дочь.

— Как вы сказали?

— На прошлый уикэнд она, как обычно, приехала к нам за город. А в воскресенье вечером отправилась в Лондон, где вместе с двумя другими девушками снимает квартиру. Но, насколько мне известно, там она так и не появлялась. Очевидно, она уехала куда-то.

— То есть, вы хотите сказать, что она исчезла.

— Да! И меня это волнует. Вполне возможно, что ее отсутствие не связано с неприятностями, но... понимаете, любой отец на

моем месте был бы взволнован. Она не позвонила даже девушкам, вместе с которыми живет.

— И они тоже волнуются?

— Нет, не сказал бы. Думаю, что... они ко всему относятся проще. Девушки теперь так независимы, чувствуют себя очень свободно.

— А что вы скажете про ее молодого человека? Она могла уехать куда-нибудь с ним?

— Надеюсь, что нет. Конечно, это возможно, но не думаю, и жена моя так не думает. Кстати, вы его видели, должно быть, в тот день, когда навещали моего дядюшку.

— О, да, теперь я представляю себе, о ком вы говорите. Довольно красивый молодой человек, но, на мой взгляд, не из тех, которые нравятся отцам молодых девушек. Да и жене вашей, как я заметил, он не очень нравится.

— Моя жена совершенно уверена, что в тот день он тайком пробрался в наш дом.

— Он, наверно, знает, что его там не очень ждут?

— Еще как знает,— угрюмо согласился Рестарик.

— Так вы полагаете, что ваша дочь вряд ли уехала с ним?

— Я уже вообще не знаю, что думать. Хотя поначалу не исключал такого варианта.

— А вы обращались в полицию?

— Нет.

— В случае розыска всегда лучше обратиться в полицию. Там тоже достаточно осторожны, а возможностей куда больше.

— Но я не хочу обращаться в полицию. Понимаете, ведь речь идет о моей собственной дочери. Дочери. Если она решила... захотела уехать на некоторое время, не поставив нас в известность, это, в общем-то, ее личное дело. У меня нет оснований считать, что она в опасности, что с ней что-то случилось. Я... я хочу знать, где она... для собственного спокойствия.

— Но, возможно, мистер Рестарик — надеюсь, что я не преступаю границ дозволенного — что вас что-то еще беспокоит в связи с вашей дочерью.

— Почему вы так думаете?

— Конечно, отсутствие девушки в течение нескольких дней в наши дни не может служить достаточным основанием для такого беспокойства. Но в совокупности с чем-нибудь еще оно уже может вызывать тревогу.

— Что ж, возможно, вы и правы. Дело в том... — он с сомнением посмотрел на Пуаро, — очень трудно говорить об этом с совершенно посторонним человеком.

— Ну, что вы, — подбодрил его Пуаро. — Это намного легче

чем с близкими друзьями и знакомыми. Надеюсь, вы со мной согласитесь?

— Может быть. Может быть. Я понимаю, что вы имеете в виду. Да, действительно, я очень беспокоюсь о дочери. Понимаете, она так... так не похожа на других девушек ее возраста. Но есть еще одна вполне конкретная вещь, которая меня очень беспокоит...

— Наверно, ваша дочь, — заметил Пуаро, — переживает такую сложную возрастную стадию, когда девушка совершенно не способна отвечать за свои поступки. Попробую догадаться, в чем дело. Наверное, вашей дочери не нравится мачеха?

— Да, к сожалению, вы правы. Хотя у нее нет никаких оснований быть ею недовольной. Ведь мы с женой разошлись очень давно... девочке было тогда всего пять лет... Попытаюсь быть с вами совершенно откровенным. К тому же, не секрет, что мы с моей первой женой жили раздельно. Причины, думаю, можно сейчас не называть. Потом я встретил другую женщину, страстно в нее влюбился. И с ней я уехал в Южную Африку. Моя жена крайне неодобрительно относилась к разводам. Я не настаивал. И жене, и дочери я все время оказывал финансовую поддержку.

Немного помолчав, он продолжал:

— Сейчас, вспоминая прошлое, могу определенно сказать, что тогда я переживал период неудовлетворенности жизнью. Даже подумать не мог о том, чтобы навсегда привязать себя к конторе и письменному столу. Брат неоднократно упрекал меня в том, что я не интересуюсь делами нашей семьи, говорил, что работаю не в полную силу... Но меня действительно тогда совершенно не интересовала деловая сторона жизни. Меня тянуло посмотреть мир, дикую природу... Я хотел жить интересно.

Внезапно он остановился.

— Впрочем, ведь вы не для того пришли, чтобы слушать рассказ о моей жизни. Итак, мы с Луизой уехали в Южную Африку. Но наша совместная жизнь не удалась. Это надо честно признать. Мы все время ссорились, ей там очень не понравилось. Она хотела вернуться в Лондон или перебраться в Париж... Через год мы расстались.

Он вздохнул.

— Может, тогда мне надо было возвратиться к спокойной жизни, но одна мысль об этом повергала меня в уныние. И я не вернулся. Я не был уверен, захочет ли моя жена снова соединиться со мной. Хотя, пожалуй, вполне могла бы согласиться — она была человеком долга и могла счесть своим долгом сохранение семьи.

От Пуаро не ускользнула скрытая в последней фразе горечь.

— Конечно, мне следовало больше заботиться о Норме. Но увы, что было, то было. Ребенок благополучно жил с матерью.

Финансово я их вполне обеспечивал, время от времени дочери слал подарки, но мне и в голову не приходило приехать в Англию, чтобы увидеться с ней. И не только моя была тут вина. К тому же, я ведь понимал, что вряд ли ребенку будет полезно иметь отца, который то приезжает, то уезжает, лишь бередя ему душу. В общем, мне казалось, что так лучше.

Рестарик говорил очень быстро. Казалось, что он рад случаю излить душу. Пуаро ждал такой реакции и был доволен, что не ошибся.

— А вам ни разу не захотелось вернуться домой по каким-либо собственным делам?

Рестарик решительно покачал головой.

— Нет. Понимаете, я жил так, как мне нравится, я чувствовал, что рожден для такой жизни. Из Южной я направился в Восточную Африку. Дела мои шли превосходно, за что бы я ни брался, все начинало приносить хороший доход, все мои замыслы осуществлялись, независимо от того, один ли я брался за дело или совместно с кем-то. Я много путешествовал, часто менял место жительства. Именно о такой жизни я всегда мечтал. У меня душа бродяги. Может быть именно поэтому меня так тяготила семейная жизнь. Нет, мне очень нравилась обретенная свобода. У меня не возникало ни малейшего желания возвратиться к рутинной столичной жизни.

— Но ведь вы все же вернулись?

Рестарик вздохнул.

— Да, действительно, я вернулся. Что ж, каждый человек рано или поздно начинает стареть. А тут еще у меня с одним приятелем выгорело очень выгодное дело. Мы приобрели концессию, которая могла дать нам большой доход. Переговоры по этому поводу должны были происходить в Лондоне. Я рассчитывал на посредничество брата, но он умер. Я ведь формально оставался его партнером, имел возможность вернуться и взять дело в свои руки. И впервые в жизни я задумался об этом всерьез. Я имею в виду, о возвращении в Сити.

— Наверное, и ваша жена... ваша вторая жена...

— Да, это, конечно, тоже сыграло свою роль. Когда умер брат, мы с Мэри уже месяца два как были женаты. Сама Мэри родилась в Южной Африке, но она несколько раз бывала в Англии и ей понравилось тут. Больше всего ей хотелось иметь настоящий английский сад! Ну, а я? Пожалуй, впервые за все это время я подумал, что мне тоже может здесь понравиться. Конечно, я думал и о Норме. Два года тому назад умерла ее мать. Мы с Мэри это обсуждали, и она была готова помочь мне устроить новый дом для дочери. Перспективы были самыми радужными, и так я... — тут он улыбнулся, — так я вернулся домой.

Пуаро взглянул на портрет, висевший прямо над головой Рестарика. Он здесь был освещен намного лучше, чем в загородном доме. На нем был изображен тот же самый человек, что сидел за письменным столом: те же четкие черты лица, выдающийся подбородок, приподнятые брови, наклон головы, но человек на портрете обладал одним качеством, которое оригинал утратил, — молодостью!

Еще одна мысль пришла в голову Пуаро. Зачем понадобилось Рестарику перевозить портрет в Лондон? Два портрета, его и жены, написанные почти одновременно одним и тем же прославленным портретистом, так хорошо смотрелись вместе! Гораздо естественнее было бы так и оставить их рядом, ведь для этого они и писались. Но Рестарик решил один портрет — свой собственный — привезти сюда, в офис. Был ли этот жест продиктован тщеславием — желанием представить себя человеком из Сити, важной шишкой? Но этот человек большую часть своей жизни провел вдали от цивилизации, сознательно избирал малоосвоенные места. Но, может, он сделал это для того, чтобы постоянно себе напоминать о том, что находится в Сити? Может, этот портрет служил ему поддержкой?

«Да нет, — подумал про себя Пуаро, — это, должно быть, просто тщеславие. Даже я, — сказал он сам себе в необычном для него приступе самокритики, — даже я бываю временами тщеславен».

В комнате воцарилась тишина, которая оказалась неожиданной для обоих собеседников. Первым заговорил Рестарик.

— Прошу прощения, мсье Пуаро. Я, должно быть, страшно наскучил вам этими своими историями.

— Вы совершенно напрасно просите прощения, уважаемый мистер Рестарик. Ведь вы рассказали мне историю своей жизни в той ее части, которая имеет непосредственное отношение к вашей дочери. Вас беспокоит ее судьба, но, на мой взгляд, вы так и не раскрыли мне истинную причину вашего беспокойства. Так вы говорите, что хотите ее найти?

— Да, я хочу, чтоб она нашлась.

— Да, но хотите ли вы, чтобы именно я ее нашел? А? Говорите прямо. *La politesse*¹ — необходимое в жизни качество, но в данном случае она неуместна. Послушайте. Вот что я вам скажу: если вы действительно хотите, чтобы ваша дочь нашлась, обратитесь в полицию. Я уже говорил, что тут ее возможности несравнимы с моими. И мне самому не раз приходилось убедиться, что полицейские умеют держать язык за зубами.

— Но мне бы не хотелось обращаться в полицию до тех пор, пока... пока я не отчаюсь в своих попытках разыскать ее.

¹ Вежливость (фр.).

— Но, тогда, может вам лучше обратиться к частному детективу?

— Да. Но, видите ли, я мало что знаю о частных детективах. Я не знаю... кто надежен, а кто нет. Я не знаю, кто...

— Но что вы знаете обо мне?

— Кое-что знаю. Знаю, например, что во время войны вы занимали ответственный пост в разведке, об этом свидетельствует мой собственный дядюшка. Это твердо установленный факт.

Рестарик не заметил промелькнувшую было на устах Пуаро усмешку. Этот установленный факт был — как это прекрасно знал Пуаро — полнейшей иллюзией, хотя Рестарику должно быть хорошо известно, как опасно полагаться на память и зрение сэра Родерика, проглотившего все, что ему нарассказывал о себе Пуаро, вместе с крючком, леской и грузилом. Но Пуаро не стал разубеждать собеседника. Это лишь еще одно подтверждение давно известного Пуаро правила, что никогда нельзя верить на слово. Подозревай всех — вот девиз его жизни.

— Тогда позвольте мне вас заверить в том, что успех всегда сопутствовал мне в работе, — сказал Пуаро. — В целом ряде дел я оказался непревзойденным.

После этого сообщения Рестарик засомневался в верности своего выбора. Поистине, у англичанина человек, который сам себя хвалит, вызывает, мягко говоря, опасение. Он сказал:

— А что вы сами думаете, мсье Пуаро? Вы сможете разыскать мою дочь?

— Да, хотя возможно, не так быстро, как полиция. Я ее найду.

— И... если вы ее найдете...

— Но если, мистер Рестарик, вы хотите, чтобы я ее действительно нашел, вы должны посвятить меня во все подробности.

— Но я вам все рассказал. Время, место, куда она должна была поехать. Могу дать вам список ее друзей...

Пуаро энергично покачал головой.

— Нет, нет, лучше расскажите мне правду...

— Вы считаете, что я говорю вам неправду?

— Нет, я считаю, что вы говорите не всю правду. Я просто уверен в этом. Чего вы боитесь? Расскажите мне то, что я еще не знаю, но что мне необходимо знать, чтобы добиться успеха. Ваша дочь невзлюбила мачеху. Это ясно. И в этом нет ничего странного. Это вполне естественно. Вы должны иметь в виду, что, вероятно, она вас в течение многих лет идеализировала. Это часто случается в семьях, где разлад ранит дочерние чувства. Да, да, это так, я знаю, о чем я говорю. Вы считаете, что у детей короткая память. Это верно лишь отчасти. Возможно, ваша дочь забыла вас в том смысле, что не узнала бы вас при случайной встрече на улице. Но она наверняка сохранила в своей душе ваш образ. Вы уехали. Она

хотела, чтобы вы вернулись. Безусловно, мать не поощряла разговоров про вас, но вследствие этого она, по всей вероятности, еще больше о вас думала. Вы значили для нее все больше и больше. А поскольку она не могла разговаривать про вас с собственной матерью, то отреагировала на это самым естественным образом — стала винить ее в вашем отсутствии. Она должна была рассуждать примерно так: «Меня папа любил. Это маму он не любил». И на этой почве и возникала идеализация — некая тайная связь между ней и вами. В том, что произошло, нет вины ее папы! Она в это никогда не поверит! Да, да, такое часто случается. Я немного знаком с психологией. И когда она узнала, что вы возвращаетесь, что она соединится с вами, к ней снова вернулись воспоминания детства и давным-давно передуманные мысли. Папа возвращается! Они вдвоем будут счастливы! Думаю, что до тех пор, пока она воочию не увидела мачеху, она о ней и не вспоминала. Но когда увидела, начала страстно ревновать вас к ней. И это тоже вполне естественно, уверяю вас. Она ревнует отчасти потому, что жена ваша хороша собой, умна, образована, воспитана — а девочки, особенно не слишком уверенные в себе, очень чутко реагируют на все эти качества. Возможно, она немного неуклюжа и страдает комплексом неполноценности. Так что, когда она увидела красивую и прекрасно владеющую собой мачеху, она, вероятно, сразу ее возненавидела, но возненавидела пока почти по-детски, что часто случается с подростками.

— Да... — задумчиво сказал Рестарик, — что-то в этом роде говорил нам и врач, к которому мы обращались.

— Вот, — сказал Пуаро, — так значит вы обращались к врачу? Но у вас должны были быть для этого какие-то основания.

— Ничего серьезного.

— Ну, уж Эркюлю Пуаро вы это можете не рассказывать. «Ничего серьезного» исключается. Основания должны были быть очень серьезными, и вам лучше рассказать мне о них, потому что я смогу что-то предпринять, только если буду очень хорошо знать, что у нее на уме.

Рестарик некоторое время молчал, потом все-таки решился.

— Но это строго между нами, мсье Пуаро? Гарантируете ли вы, что я полностью могу вам довериться?

— Конечно же. Так в чем же дело?

— К тому же я не вполне уверен...

— Ваша дочь предпринимала какие-либо действия против вашей жены? Очевидно, нечто большее, чем просто детская грубость или неосторожное слово. Что-то гораздо более серьезное. Может, она пыталась ее бить?

— Нет, это было не так — не то, что бы она прямо что-то с ней сделала, но... но ничего не доказано.

— Неважно, мне пока достаточно и ваших слов.

— Понимаете, жена моя как-то занемогла, — тут он снова заколебался.

— Так, так, — сказал Пуаро. — Кажется, понимаю... Ну и что это был за недуг? Гастроэнтерология? Какой-нибудь энторит?

— Вы очень догадливы, мсье Пуаро. Вы очень, очень догадливы. Да, гастроэнтерология. Жалобы моей жены были тем более удивительны, что у нее отменное здоровье. Кончилось тем, что ей предложили лечь в больницу «на обследование», как они выразились, чтобы лучше разобраться.

— И каковы результаты?

— Похоже, врачи не были удовлетворены результатами обследования. Там она чувствовала себя хорошо, и ее выписали домой. Но болезнь вернулась. Тогда мы стали очень внимательно следить за тем, что она ест. Похоже, что это было какое-то кишечное отравление, источник которого обнаружить не удавалось. Тогда мы стали делать анализ тех блюд, которые она ела. И когда мы стали брать на пробу каждое блюдо, то выяснилось, что во многие из них добавлено какое-то вещество.

— Иными словами, кто-то систематически подсовывал ей мышьяк. Я угадал?

— Совершенно верно. Малыми дозами, которые, в конце концов, давали кумулятивный эффект.

— И вы заподозрили дочь?

— Нет.

— Думаю, что заподозрили. Кто еще мог это сделать? Вы заподозрили вашу дочь.

Рестарик глубоко вздохнул.

— Честно говоря, да.

II

Когда Пуаро добрался до дома, его уже поджидал Джордж.

— Вам звонила какая-то женщина, она назвалась Эдит, сэр...

— Эдит? — Пуаро нахмурился.

— Насколько я понял, это кто-то из прислуги миссис Оливер. Она попросила меня сообщить вам, что миссис Оливер находится в больнице Святого Дэнайлза.

— Что с ней стряслось?

— Насколько я понял... э-э... огрели чем-то по голове. — Джордж не стал передавать заключительную часть телефонограммы, которая звучала так: «...и скажите ему, что это он во всем виноват».

Пуаро прищелкнул языком.

Я ведь ее предупреждал. Вчера вечером, когда я ей позволил, и никто не подошел, я заподозрил неладное. *Les femmes!*¹

Глава 12

— Давайте купим павлина, — неожиданно сказала миссис Оливер.

Она проговорила это, не открывая глаз, а голос ее звучал слабо, хотя в нем слышалось искреннее возмущение.

И в ту же секунду все трое присутствующих устремили на нее свои взгляды. Тут она сделала еще одно сообщение.

— Ударил по голове.

Наконец, она открыла глаза и туманным взглядом обвела комнату, пытаясь понять, где находится.

Первым она увидела лицо совершенно незнакомого ей молодого человека, который что-то записывал в своем блокноте. В руках у него был отточенный карандаш.

— Полицейский, — решительно сказала миссис Оливер.

— Прошу прощения, что вы сказали, мадам?

— Я сказала, что вы полицейский, — пояснила миссис Оливер. — Я не ошиблась?

— Вы совершенно правы, мадам.

— Разбойное нападение, — констатировала миссис Оливер и с удовлетворением вновь закрыла глаза. Когда она их снова открыла, то уже немного лучше осознавала происходящее. Она лежала в постели. Это была высокая больничная койка — из тех, что можно поднимать, опускать и вертеть в разные стороны. Она огляделась, чтобы понять, где находится.

— Больница, или частный санаторий, — проговорила она.

У двери с важным видом стояла медицинская сестра, а рядом с кроватью — нянечка. Узнала она и четвертого из присутствующих.

— Эти усы никогда не спутаешь. А вы, мсье Пуаро, что здесь делаете?

Эркюль Пуаро подошел к кровати.

— Говорил же я вам, мадам, будьте осторожны, — сказал он.

— Но любой может заблудиться, — оправдывалась миссис Оливер несколько рассеянно, и добавила: — Ах, как болит голова.

— На это есть серьезные основания. Как вы верно заметили, вас ударили по голове.

— Да. Это Павлин.

Полицейский удивился и спросил:

¹ О эти женщины! (фр.)

— Извините, мадам, вы говорите, что на вас напал павлин?

— Конечно. Я с самого начала почувствовала что-то неладное — такая там, знаете, была атмосфера. — Миссис Оливер пыталась сделать соответствующий жест, характеризующий эту атмосферу, и поморщилась от боли. — О-ох, — простонала она. — Больше не буду.

— Пациента нельзя волновать, — недобрительно проговорила медсестра.

— Можете ли вы сказать, где именно на вас напали?

— Понятия не имею. Я заблудилась, возвращаясь из какой-то студии. Очень запущенной и грязной. Молодой человек невесть сколько дней не брит. Засаленный кожаный пиджак.

— Это он напал на вас?

— Нет, другой.

— Если бы вы могли нам рассказать...

— А я и рассказываю. Понимаете, я следила за ним всю дорогу от кафе, только у меня это не очень хорошо получилось. Я ведь в первый раз. Оказалось, что это намного труднее, чем я думала.

Тут ее взгляд остановился на полицейском.

— Надеюсь, вы-то это умеете. Вас, наверное, специально обучают следить за людьми? Ну, ладно, это не важно. Так вот, — и она неожиданно стала говорить очень быстро: — все очень просто. Я вышла у Уорлд-Энд и, естественно, решила, что он остался там или пошел другой дорогой. А он вдруг оказался позади меня.

Кто он?

Павлин, — пояснила миссис Оливер, — и это меня обескуражило, понимаете. Еще бы, ведь все шло не так, как я ожидала. Оказалось, что он преследовал меня, и у меня зародилось подозрение. Честно говоря, я испугалась. Сама не знаю, почему. Хотя он был очень обходителен, все же я испугалась. И он сказал: «Поднимитесь наверх и посмотрите мастерскую», — и я поднялась по очень шаткой лестнице. И там был еще один молодой человек — очень грязный — он писал картину, а девушка позировала. Она была чистая и довольно симпатичная. И все было хорошо, они были очень любезны и вежливы, и когда я сказала, что мне пора домой, объяснили, как добраться до Кингз-Роуд. Но, наверно, они указали неверный путь. Хотя я и сама могла заблудиться. Знаете, когда вам говорят, что надо свернуть сперва во второй переулок налево, а потом в третий направо, то нетрудно все перепутать. Я, во всяком случае, всегда путаюсь, но в конце концов я выбралась какими-то закоулками к реке. Страх прошел, я расслабилась, и тут-то Павлин меня и настиг.

По всей вероятности, бред, — пояснила нянечка.

— Вовсе не бред, — сказала миссис Оливер. — Я знаю, что говорю.

Няечка снова открыла было рот, но, заметив предостерегающий жест медсестры, послушно закрыла его.

— Бархат, шелк и длинные кудри, — пояснила миссис Оливер.

— Павлин в шелку? Настоящий павлин? В Челси неподалеку от набережной вам повстречался павлин?

— Настоящий павлин? — переспросила миссис Оливер. — Конечно же, нет. Что мог делать павлин на набережной в Челси?

Присутствующие затруднились с ответом.

— Он рисуется, — пояснила миссис Оливер, — вот я и прозвала его Павлином. Страшно воображает, понимаете. Думаю, что очень самодоволен. Гордится своей внешностью. Тряпок, небось, полный гардероб. — Она посмотрела на Пуаро. — Дэвид какой-то. Вы понимаете, кого я имею в виду.

— Так вы утверждаете, что некий молодой человек по имени Дэвид напал на вас и ударил по голове?

— Вот именно.

— А вы его видели? — спросил Пуаро.

— Нет, не видела, — ответила миссис Оливер. — Я и не подозревала ничего. Мне показалось, что сзади кто-то идет, но прежде, чем я смогла обернуться, все и произошло! Будто тонна кирпичей свалилась мне на голову. А сейчас я, пожалуй, попробую поспать, — добавила она.

Она слегка повернула голову, скорчилась от боли и погрузилась в сон.

Глава 13

Пуаро редко открывал ключом входную дверь. Обычно он звонил, а потом ждал, пока его впустит незаменимый Джордж. На этот раз, когда он возвращался из больницы, дверь открыла мисс Лемон.

— У вас двое посетителей, — сообщила мисс Лемон. — Это мистер Гоби и пожилой джентльмен, по имени сэр Родерик Хорсфилд. Кого вы примете первым?

— Сэра Родерика Хорсфилда, — решил Пуаро. При этом он склонил голову набок и стал необыкновенно походить на воробья. В этот самый момент, как всегда неожиданно, из маленькой комнатки, где обычно печатала мисс Лемон, показался мистер Гоби: очевидно, мисс Лемон спрятала его там.

Пуаро тем временем снял пальто. Мисс Лемон повесила его на вешалку, а мистер Гоби, верный своим привычкам, обратился к ее затылку:

— Я пока попою на кухне с Джорджем чай. Не беспокойтесь, я не буду скучать.

И он покорно направился в кухню. А Пуаро прошел в гостиную, где его, шагая взад и вперед по комнате, в явном нетерпении поджидал сэр Родерик.

— Я быстро нашел вас,— сообщил он жизнерадостно.— Отличная штука — телефон.

— Вы запомнили мое имя? Я польщен.

— Нет, имя-то я как раз и не запомнил,— сказал сэр Родерик.— Имена, знаете, всегда были моим слабым местом. А вот лица я никогда не забываю,— похвалился он.— Нет, я позвонил в Скотленд-Ярд.

— О! — Пуаро даже вздрогнул от неожиданности, хотя и понимал, что от сэра Родерика вполне можно ожидать что-нибудь подобное.

— Меня спросили, с кем я хочу говорить. Я попросил соединить меня с начальником. Это самое важное в жизни, друг мой. Никогда не имей дело с заместителем. Ничего не выйдет. Иди прямо к начальнику, вот мое правило. Я, конечно, представился, уж будьте уверены. Сказал, что хочу разговаривать с начальником и в конце концов добился этого. Оказалось, что он — очень обходительный малый. Сказал ему, что мне нужен адрес одного парня, который служил в союзнической разведке и который был со мной во Франции в таком-то месте и в такой-то день. Парень не сразу понял, и я пояснил, кого имею в виду. «Это француз,— сказал я ему,— или же бельгиец». Вы ведь, кажется, бельгиец? «Сам такой низенький,— говорю,— а усищи огромные». Уж тут он, кажется, понял и сказал, что вас, наверное, можно найти по телефонному справочнику. Я ответил, что это-то верно, но вряд ли вы там значитесь под именем Эркюль, так ведь? А фамилии я припомнить не могу. И тогда только он мне все сообщил. Очень обходительный парень. Очень обходительный, не могу пожаловаться.

— Я очень рад вас видеть,— сказал Пуаро, решив заранее не думать о том, что ему еще предстоит услышать от нового телефонного знакомого сэра Родерика. Судя по всему, это был все-таки не «начальник» — и то слава Богу! Скорее всего это был кто-то из знакомых Пуаро, в чьи обязанности входило иметь дело с разного рода шишками прошедших дней.

— Как бы то ни было,— завершил свое повествование сэр Родерик,— я здесь.

— Я чрезвычайно рад. Не хотите ли чаю, или гранатового сока, или виски с содовой...

— Бог мой, да ни в коем случае,— перебил сэр Родерик, не на шутку встревоженный упоминанием гранатового сока.— Предпо-

читаю виски. Хотя мне его и нельзя, — добавил он. — Но все врачи, как мы с вами знаем, идиоты. Они всегда мечтают запретить что-нибудь приятное.

Пуаро позвонил Джорджу и снабдил необходимыми инструкциями. Бутылка виски и сифон тут же появились на столе подле сэра Родерика, и Джордж удалился.

— Итак, — начал Пуаро, — чем могу быть вам полезен?

— Есть работа, друг мой.

За это время он, казалось, еще больше уверился в своей тесной дружбе с Пуаро в прошлом.

— Бумаги, — понизив голос, произнес сэр Родерик. — Потерял кое-какие бумаги и хочу их найти, ясно? И я подумал, что с моим зрением и с моей памятью лучше мне обратиться к кому-нибудь, кто может сделать это быстрее, чем я. Ясно? И вы явились тогда как раз вовремя, так как я собирался извлечь их на свет божий, понимаете?

— Очень интересно, — сказал Пуаро. — А могу ли я полюбопытствовать, каков характер этих бумаг?

— Ну, конечно, раз вы собираетесь их искать, вы должны знать, что вы ищете. Имейте в виду, они строго секретные. Сверхсекретные — так они назывались. И, похоже, таковыми они являются и сейчас. Письма — вот о чем идет речь. Поначалу в них не было ничего особенного — по крайней мере, так считалось. Но потом политика изменилась, понимаете. Так всегда бывает. Люди меняются, и все смотрится по-другому. Помните, как было в начале войны. Никто из нас не знал, что к чему. В первую войну мы дружили с итальянцами, во вторую — мы враги. Не знаю, что хуже. В первую войну японцы — наши союзники, в следующую — бомбят Пирл-Харбор! Кто мог этого ожидать! И с русскими тоже — то так, то сяк. Говорю вам, Пуаро, самый трудный вопрос сегодня — вопрос союзников. Они теперь каждый день меняются.

— Так вы потеряли какие-то бумаги, — уточнил Пуаро, пытаясь напомнить старику о цели его визита.

— Да. У меня куча разных бумаг, и я как раз занялся их разборкой. Они были надежно упрятаны. В банке, понимаете, и тут недавно я их оттуда извлек, потому что задумал писать мемуары. Сейчас только очень ленивый их не пишет. Уже всю печатаются Монтоммери, и Аланбрук, и Ошинлек, рассказывая большей частью о других генералах. Есть даже старик Моран, вполне достойный врач, который начал распинаться про своих именитых пациентов. Не знаю уж, что появится еще! Вот так обстоят дела, и я решил, что неплохо бы и мне кое-что кое про кого рассказать. А я ведь знал многих известных людей! Чем же я хуже других? Ничуть не хуже!

— Я уверен, что ваши воспоминания имели бы большой общественный резонанс.

— Вот, вот, еще бы! Знал уйму всяких людей. Перед ними все на задних лапках ходили и не подозревали, что они круглые дураки, а я знал! Вы даже представить себе не можете, какие ошибки делали эти прославленные герои. Так вот, я достал бумаги и посадил девчущку их разбирать. Славная девчущка, и очень умненькая. Английский, правда, слабо знает, но очень умненькая и хорошая помощница. Я ведь много разного припрятал, но все в страшном беспорядке. Так вот в чем собственно дело: нужных мне бумаг нет.

— Нет?

— Нет. Сначала мы решили, что пропустили их и начали смотреть все сначала. И я могу точно сказать вам, Пуаро,— сперли довольно много. Много всякой чепухи. Честно говоря, то, что я искал, тоже не Бог весть как важно,— точнее, никто не знал, что в них что-то есть, иначе кто бы мне их отдал в свое время. Но все же бумаг нет.

— Не хочу показаться вам навязчивым,— сказал Пуаро,— но все же не могли бы вы точнее охарактеризовать письма?

— Это трудно; друг мой. Могу только сказать, что там речь идет кое о ком из тех, кто сегодня слишком много треплет языком о своих быдых подвигах. При этом весьма привирает, и эти письма как раз и показывают, насколько он врет. При этом я вовсе не собирался их публиковать. Послал бы ему копию, и добавил бы от себя, что именно так все и было, и что все сохранилось. И я бы не удивился, если... в общем ему бы пришлось попридержать язык. Ясно? Впрочем, вы и так все понимаете. Вы ведь сами тоже кое-что знаете.

— Конечно, сэр Родерик. Я прекрасно понял, о чем идет речь. Но вы ведь понимаете, что довольно трудно разыскать неизвестно что, не имея ни малейшего представления о том, где оно может быть.

— Первое: я хочу знать, кто их спер, вы и сами понимаете, что это довольно важно. В моем собрании есть и более важные вещи, и я хочу знать, кто сует туда нос.

— Ну, а сами вы кого-нибудь подозреваете?

— А что я должен подозревать?

— Ну, наиболее вероятным было бы...

— Знаю. Вы хотите, чтобы я сказал, что это моя девчущка. Нет, не думаю. Она говорит, что ничего не брала, и я ей верю. Понимаете?

— Да,— сказал Пуаро.— Понимаю.

— Во-первых, она совсем молоденькая. Она и знать не может, что это важно. Это ведь все было до ее рождения.

— Но ей могли объяснить,— заметил Пуаро.

— Да, да, конечно. Но все же очевидно, что это не она.

Пуаро вздохнул. Он понимал, что разубеждать сэра Родерика бесполезно.

— Кто еще имел к ним доступ?

— Конечно же, Эндрю и Мэри, но не думаю, чтобы Эндрю все-ррез мог всем этим интересоваться. К тому же он всегда был чест-ным парнем. Всегда. Я, правда, мало его знал. Он приезжал пару раз с братом на каникулы — и все. Конечно, он бросил жену, и уехал с какой-то красоткой в Южную Африку, но это с каждым может случиться, особенно если жена такая, как Грейс. Но, как бы то ни было, такой парень, как Эндрю, не может быть шпионом. Да и Мэри, кажется, тоже в полном порядке. Видит не дальше розового куста. Есть еще садовник, но ему восемьдесят три года, и всю свою жизнь он прожил в деревне. Есть еще пара женщин, которые снуют по дому и шумят пылесосами, но они тоже не похожи на шпионок. Так что совершенно очевидно, что это кто-то со стороны. Мэри, правда, носит парик,— несколько непо-следовательно продолжил сэр Родерик,— я хочу сказать, что можно подозревать в шпионаже женщину, которая носит парик, но тут совсем другой случай. Она облысела в восемнадцать лет после какой-то тяжелой болезни. Не повезло бедной женщине. Я и не подозревал, что она ходит в парике, пока однажды она не зацепилась им за розовый куст. Да, не повезло бедной женщине.

— А мне сразу показалось, что у нее какая-то странная при-ческа,— заметил Пуаро.

— Кстати, хорошие агенты никогда не ходят в парике,— сооб-щил ему сэр Родерик.— Беднягам приходится делать пластические операции, чтобы изменить лицо. Но все же кто-то совал нос в мои бумаги.

— А вы не думаете, что могли нечаянно положить в какое-то другое место — в другой ящик стола или в другую стопку? Когда вы их в последний раз видели?

— Я их перебирал около года назад. Помню, я еще подумал, что с них нужно сделать копии, и отметил эти письма. И они исчезли. Определенно, их кто-то взял.

— Значит, вы не подозреваете Эндрю, его жену и прислугу. А как насчет их дочери?

— Норму? Ну, знаете, вообще-то у Нормы мозги немного набе-крень, прямо вам скажу. Конечно, возможно, что в припадке клеп-томании она может что-то взять, а потом об этом не помнить, но я не думаю, чтобы она рылась в моих бумагах.

— Так что же тогда остается?

— Вы же были в доме. Видели, что это за дом. Кто угодно в

любое время дня может войти туда. Мы не запираем двери. И никогда не запирали.

— А вы запираете дверь своей комнаты, когда, например, уезжаете в Лондон?

— Мне это никогда в голову не приходило. Сейчас-то я, конечно, запираю. Но что толку? Слишком поздно. В любом случае, ключ самый обыкновенный, он к любой двери подойдет. Очевидно, кто-то вошел с улицы. Сейчас везде столько воровства. Среди бела дня забираются в дом, поднимаются по лестнице, заходят в любую комнату, берут шкатулку с драгоценностями и спокойно выходят на улицу — никто их не видит, или никого не интересуется, кто это. Они все похожи на рокеров, битников или как там их еще называют — с длинными волосами и грязными ногтями. Мне приходилось видеть этих типчиков — они всюду теперь снуют. Не спросишь же такого: «Это кто еще, черт возьми?» К тому же очень раздражает, что не всегда сразу можно определить, какого он пола. Они и наш дом заволокли. Друзья Нормы, наверное. В мое время таких бы на порог не пустили. А выгонишь — и потом выяснится, что это виконт Эндерслей или леди Шарлотта Марджори-бэнкс. Сейчас ничего не поймешь. — Он немного помолчал. — Если кто и может в этом деле разобраться, так это вы, Пуаро. — Он допил виски и поднялся.

— Ну, вот и все. Все, что могу сказать. Ну, что, возьметесь вы за это дельце, а?

— Приложу все усилия, — уверил его Пуаро.

У парадного зазвонили.

— Это моя девчужка, — сказал сэр Родерик. — Как всегда пунктуальна. Здорово, правда? Без нее я бы по Лондону не смог пройти. Зрение плохое, совсем не ориентируюсь.

— А почему вы не носите очки?

— У меня есть какие-то очки, но они вечно падают, или я их теряю. И вообще я не люблю очки. До шестидесяти пяти лет я спокойно читал без них — и все было прекрасно.

— Что ж, — заметил Пуаро, — ничто не вечно.

Джордж привел в комнату Соню. Она была очень хороша. Пуаро заметил про себя, что робость ей к лицу. Галльская учтивость заставила его броситься ей навстречу.

— *En chanté*¹, мадемуазель, — сказал он, склонившись к ее руке.

— Сэр Родерик, я не опоздала? — сказала она, не глядя на Пуаро. — Надеюсь, я не заставила вас ждать?

— Ты точна, как всегда, моя девочка, — заверил ее сэр Родерик. — Хорошо перекусила? — продолжал он. — Я советовал тебе

¹ Я восхищен (фр.).

купить разных булочек и эклеров и взять чашечку хорошего чая. Ведь так теперь развлекаются юные леди, а? Надеюсь, ты последовала моему совету?

— Не совсем. Вместо этого я купила себе новые туфли. Нравятся? — и она вытянула вперед ножку.

Ножка была очень хорошенькая. При виде ее сэр Родерик прямо-таки засиял от удовольствия.

— Ну, нам пора, а то мы пропустим нужный поезд, — сказал он. — Может быть, я старомоден, но я предпочитаю поезд. — Во время отхода, вовремя приходят, должны приходиться, по крайней мере. А с этими машинами — застрянешь где-нибудь в пробке и ждешь час-полтора. Автомобиль! Фу!

— Я могу попросить Джорджа взять вам такси, — предложил Эркюль Пуаро. — Это никого не затруднит, уверяю вас.

— Такси уже ждет, — сказала Соня.

— Подумать только, — воскликнул сэр Родерик, — вы видите, она обо всем позаботилась. — И он потрепал ее по плечу. Эркюль Пуаро сумел по достоинству оценить взгляд, которым она одарила его в ответ.

Пуаро проводил их в прихожую и вежливо попрощался. Мистер Гоби успел уже выйти из кухни и ждал в холле, умело изображая зашедшего на минутку газовщика.

Как только они исчезли в лифте, Джордж закрыл входную дверь и, обернувшись, встретился взглядом с Пуаро.

— Ну, Джордж, могу ли я полюбопытствовать, как тебе понравилась юная леди? — спросил Пуаро.

Он любил задавать Джорджу подобные вопросы и очень прислушивался к его мнению.

— Сэр, — сказал Джордж, — с вашего разрешения я бы выразился так: его дело плохо. Старик втюрился по уши.

— По-моему, ты прав.

— Что нередко случается с джентльменами его возраста. Припоминаю лорда Маунтбрайена. Опытный человек и, можно сказать, видал виды. И что бы вы подумали? Молоденькая девочка, которая делала ему массаж. Как вы думаете, что он ей подарил? Вечернее платье и премиленький браслет. Бирюза с бриллиантами. Стоит, конечно, не состояние, но все же обошелся ему в копейку. Затем — меховая накидка, не норка, но русский горностаи и крошечная вечерняя сумочка. Потом ее брат попал в неприятную историю, долг или что-то в этом роде, — хотя лично я сомневаюсь, был ли у нее когда-нибудь брат. Лорд Маунтбрайен дал ей денег, чтобы выволить его, ведь она, бедняжка, так убивалась! И, заметьте, отношения у них были совершенно платонические. Похоже, что старики в этом возрасте просто выживают из ума. Причем нравятся им обычно сопливые девчонки, а не самостоятельные женщины.

— Ты, как всегда, прав, Джордж, — признал Пуаро. — Но все же ты не до конца ответил на мой вопрос. Я спросил, как тебе поправилась юная леди?

— А, юная леди... Знаете, сэр, боюсь сказать наверняка, но все же она вполне определенного типа. Про таких ничего плохого не скажешь, но сразу видно, что они себе на уме.

Пуаро направился в гостиную, жестом пригласив вслед за собой мистера Гоби, который уселся в своей обычной манере на прямой стул — колени вместе, носки ног внутрь, затем извлек из кармана довольно потертый блокнотик, аккуратно раскрыл его и строгим взором уставился на сифон.

— Что касается сведений, которые вы меня просили собрать. Семья Рестарик имеет хорошую репутацию в обществе. Никаких скандалов. Говорят, что отец, Джеймс Патрик Рестарик, был очень ловким дельцом. Вот уже три поколения занимаются бизнесом. Основал дело дедушка, отец расширил, Саймон Рестарик просто поддерживал дела на том же уровне. Два года назад он заболел — что-то с сосудами. Около года назад умер от тромбоза. Младший брат, Эндрю, стал заниматься делами сразу же после окончания Оксфорда и женился на мисс Грейс Болдуин. Их единственная дочь — Норма. Он ушел от жены и уехал в Южную Африку с некой мисс Бирелл. Развода не было. Миссис Эндрю Рестарик скончалась два с половиной года назад, после долгой болезни. Мисс Норма Рестарик училась в закрытой школе для девочек в Медоуфилде. Никаких порочащих сведений.

Внимательно следя за реакцией Пуаро, мистер Гоби обобщил:

— Собственно говоря, похоже, что в семье все в порядке.

— Ни одной паршивой овцы, никаких психических расстройств?

— Да вроде нет.

— Жаль, — сказал Пуаро.

Мистер Гоби оставил эту реплику без ответа. Он прочистил горло, поспешил палец и перевернул страницу в своем блокнотике.

— Дэвид Бейкер. Репутация — так себе. Дважды был осужден и взят на поруки. Фигурировал в нескольких сомнительных делах; полагают, что замешан в крупных махинациях с произведениями искусства, но вина не доказана. Один из тех, кто нынче занимается живописью. Никаких постоянных источников дохода, но деньги имеет. Предпочитает девочек с деньгами. Не возражает против того, чтобы жить за их счет. Не отказывается принимать денежные суммы от их папаш. Если хотите знать мое мнение, то с определенными преступными наклонностями, но достаточно умен, чтобы не ввязываться в неприятности.

Мистер Гоби внимательно взглянул на Пуаро.

— Вы его видели?

— Да,— подтвердил Пуаро.

— Ну, и каково ваше мнение?

— Аналогичное вашему,— сказал Пуаро.— Скользкий тип,— задумчиво добавил он.

— Нравится женщинам,— продолжал мистер Гоби.— Жаль, но сейчас они совершенно не обращают внимания на старательных и трудолюбивых парней. Предпочитают подонков, негодяев разного рода. И говорят при этом: «Бедняжка, ему так не везет в жизни!»

— И ходит, выпятив грудь, как павлин,— заметил Пуаро.

— Ну, допустим,— с некоторым сомнением согласился мистер Гоби.

— А мог ли он огреть кого-нибудь по голове?

Мистер Гоби задумался, затем медленно покачал головой.

— Пока ничего такого в его биографии не было. Я, конечно, не берусь утверждать, что это исключено, но все же не в его стиле. Скорее всего он на мокрое дело не пойдет.

— Да,— сказал Пуаро,— пожалуй, я с вами согласен. А похож ли он на человека, от которого можно откупиться? Каково ваше мнение?

— Любую девчонку бросит, как горящую головешку, если сумма будет достаточно высока.

Пуаро кивнул. Он припомнил кое-что: Эндрю Рестарик показывал ему только что подписанный им чек. Пуаро удалось прочесть не только подпись, но и имя лица, которому он предназначался. Чек на весьма значительную сумму был выписан на имя Дэвида Бейкера. Сможет ли Бейкер от него отказаться? Пуаро поразмыслил и решил, что это маловероятно. Мистер Гоби явно был того же мнения. От нежелательных молодых людей всегда как-нибудь откупаются, равно как и от нежелательных девушек. Сыновья ругаются, дочери рыдают, но деньги есть деньги. Дэвид предлагал Норме женитьбу. Насколько это серьезно? Действительно ли он ее любит? Если так, то легко от него не откупишься. Говорил он вполне искренне. И Норма, без сомнения, ему поверила. Но Эндрю Рестарик, мистер Гоби и Эркуль Пуаро придерживались иного мнения. Похоже, что они-то как раз и были правы.

Мистер Гоби прочистил горло и продолжал.

— Мисс Клодия Рис-Холланд. С ней все в порядке. Ничего подозрительного. Отец — член парламента, хорошо обеспечен. Никаких скандалов. Не то, что другие парламентарии. Работала секретаршей: сначала у врача с Харли-Стрит, затем отправилась в Коул-Борд. Первоклассная секретарша. Последние два месяца служит у мистера Рестарика. Никаких серьезных романов, хотя есть какие-то мальчики. Что довольно удобно, если она хочет куда-то

выйти. Ничто не свидетельствует о том, что между ней и Рестариком что-то есть. Да и мне самому это кажется маловероятным. Вот уже три года снимает квартиру в Бороден Мэншинз. Цены там немалые. И она снимает квартиру вместе с двумя другими девушками. Они часто меняются. Сейчас с ней проживает некая Фрэнсис Кэри. Она одно время училась в Королевской академии драматического искусства, потом ушла в художественное училище при университете. Сейчас работает в галерее Уэддерберн — это известное место на Бонд-Стрит. Организует выставки в Манчестере, Бирмингеме, иногда за границей. Ездит в Швейцарию и Португалию. У нее много друзей среди богемных художников и актеров.

Он немного помолчал, прочистил горло и снова посмотрел свои записи в блокноте.

— Из Южной Африки пока сведений мало. Думаю, что там ничего интересного не будет. Рестарик много ездил. Кения, Уганда, Золотой Берег, Южная Африка. Все время переезжал с места на место. Беспокойный парень. Похоже, никто его близко не знал. Денег было много, и он мог себе позволить ездить, куда ему вздумается. Дела его шли успешно, доходы были очень приличными, и он любил забираться в глубинку. Все, кому доводилось иметь с ним дело, отзывались о нем очень хорошо. Похоже, что он прирожденный непоседа. Ни с кем подолгу не имел дела. Трижды, по-моему, сообщали о его смерти, — то есть, он куда-то уезжал и не возвращался, но всякий раз через несколько месяцев он возникал в другом месте. А в прошлом году в Лондоне скоропостижно скончался его брат. Было очень трудно разыскать Эндрю Рестарика, чтобы сообщить печальную весть. Смерть брата, судя по всему, потрясла его. Неизвестно, то ли он уже нагулялся, то ли, наконец, встретил подходящую женщину. Она очень порядочная, моложе его, учительница по образованию. Как бы то ни было, он решил вернуться и обосноваться в Англии. Имеет свое приличное состояние, да еще является наследником брата.

— Он так удачлив, а дочь — такая несчастливая, — сказал Пуаро. — Как бы мне хотелось узнать что-нибудь про нее. Вы мне сообщили все необходимые сведения. Теперь ясно, кто ее ближайшие родственники и друзья, кто мог на нее влиять и так далее. Мне нужно было знать все про ее отца, мачеху, молодого человека, соседей в Лондоне. А вы уверены, что в ее окружении не было ни одной смерти? Это очень важно.

— И намека нет... — ответил мистер Гоби. — Она работала в фирме под названием «Хоумбердз», которая на грани банкротства, поэтому платили ей немного. Мачеха недавно лежала в больнице на обследовании — где-то за городом. Вокруг этого много сплетен, но, на мой взгляд, ничего серьезного.

— Но она не умерла, — пояснил Пуаро и добавил в обычной своей кровожадной манере: — А мне нужна именно смерть.

Мистер Гоби, ответив на это, что он очень сожалеет, собрался уходить.

— Нужно ли вам еще что-нибудь от меня?

— Нет, информации у меня теперь вполне достаточно.

— Прекрасно, сэр. — И, отправляя свой блокнот обратно в карман, мистер Гоби добавил: — И если вы не возражаете, сэр, то я хотел вам сказать кое-что, не относящееся к этому делу. Эта юная леди, которая только что ушла...

— Да, что вы про нее знаете?

— Это, правда... вряд ли это имеет прямое отношение к делу, но все же я должен вам сказать, сэр...

— Давайте скорее. Насколько я понимаю, вы ее уже где-то видели?

— Да, пару месяцев назад.

— Где?

— В ботаническом саду, в Кью-Гарденз.

— В Кью-Гарденз? — Пуаро, судя по всему, очень удивился.

— Следил я не за ней, а за человеком, с которым она там встречалась.

— Кто же это был?

— Это был один из младших атташе посольства Герцеговины.

Пуаро удивленно поднял брови.

— Интересно. Да, да, очень интересно. Кью-Гарденз, — мечтательно произнес он. — Приятное место для свидания. Очень приятное.

— Мне тоже там понравилось.

— И что, они разговаривали?

— Нет, сэр, я бы даже не стал утверждать, что они знакомы. Юная леди пришла с книгой. Села на скамеечку. Некоторое время читала книгу, а потом положила ее рядом с собой. Затем явился мой подопечный и сел рядом. Они даже не разговаривали. А потом юная леди вдруг встала и ушла. Он еще посидел немного, а потом тоже встал и ушел. И взял с собой книгу, оставленную юной леди. Вот и все, сэр.

— Да-а, — протянул Пуаро. — Это действительно интересно.

Мистер Гоби взглянул на книжный шкаф и, пожелав ему доброй ночи, ушел.

Пуаро сокрушенно вздохнул.

— Ну вот, — сказал он. — Это уж слишком. Шпионаж и контршпионаж, а нужно всего-навсего одно тихое и мирное убийство. Я уже и сам начинаю думать, что это убийство имело место лишь в возбужденном наркотиками воображении.

Глава 14

— Очень рад, — Пуаро картинно поклонился и вручил миссис Оливер весьма изысканный букет.

— Ах, мсье Пуаро! Как вы любезны. А у меня все цветы всегда выглядят ужасно, — и она, кинув взгляд на вазу с довольно растрепанными хризантемами, перевела его снова на букет из розовых бутонов. — И как это мило, что вы пришли меня навестить.

— Я явился, мадам, принести свои поздравления по случаю вашего выздоровления.

— Да, — подтвердила миссис Оливер. — Похоже, что я действительно пришла в себя. — Она осторожно потрясла головой. — Но меня еще мучают головные боли. Страшные головные боли.

— Напоминаю вам, мадам, что я вас предостерегал против таких неосторожных шагов.

— Помню, помню, не высовываться. А я именно это и сделала. — Она добавила: — Я просто чувствовала присутствие зла. Стало страшно, но я убеждала себя, что я идиотка и что бояться совершенно нечего. Что я в Лондоне и кругом люди. И действительно — чего было бояться? Не в темном лесу, все-таки.

Пуаро задумчиво посмотрел на нее. «Интересно, — думал он, — действительно ли у нее возникло ощущение опасности и присутствия зла или это она себе внушила?» Он знал, что так часто случается. Много раз его клиенты произносили те самые слова, которые он только что услышал от миссис Оливер. «Я знал, что что-то не так. Я чувствовал присутствие зла. Я знал, что что-то должно случиться». В действительности же они ничего такого не чувствовали. А миссис Оливер?

Он задумчиво посмотрел на нее. Сама миссис Оливер гордилась своей интуицией. Одно предчувствие сменялось у нее другим с поразительной быстротой, и впоследствии она обычно выбирала то из них, которое оказалось верным.

И все-таки многие люди обладают чутьем, подобным тому, которое заставляет братьев наших меньших — кошек и собак — волноваться перед грозой, обладают умением ощущать, что что-то не так, хотя и не всегда могут заранее определить, что именно.

— А когда вы впервые почувствовали этот страх?

— Когда свернула с основной дороги, — сказала миссис Оливер. — До того все было совершенно обыкновенно и даже очень занятно, — я развлекалась от души, хотя уже поняла, что следить — дело не из легких.

Она помолчала, подумав.

— Это было как в игре. И вдруг игра кончилась. Начались кри-

вые закоулки и какие-то трущобы, бараки, расчищенные строительные площадки, и не могу даже объяснить, что еще. Тут же возникло совершенно другое чувство. Как во сне. Вы ведь знаете, как бывает во сне. Начинается с того, например, что вы на какой-нибудь вечеринке и вдруг почему-то оказываетесь в джунглях или еще в каком-нибудь странном месте, и сразу возникает такое зловещее чувство.

— В джунглях? — переспросил Пуаро. — У вас странные ассоциации. Значит, вы чувствовали себя как в джунглях и боялись Павлина?

— Не могу сказать, что я боялась лично его. В конце концов, не такое уж это страшное животное — павлин. Я прозвала его про себя павлином из-за необыкновенной живописности его туалета. Ведь павлины очень живописны, правда? И этот паренек тоже очень живописен.

— А перед тем, как вас ударили, вам не казалось, что кто-то идет за вами?

— Нет, нет. Мне это и в голову не приходило — и все же я думаю, он специально указал неверный путь.

Пуаро задумчиво кивнул.

— Наверняка, это Павлин меня тюкнул, — сказала миссис Оливер. — А кто еще? Этот грязный юноша в засаленной одежде? От него разило на всю комнату, но он совсем не злой. И очень маловероятно, чтобы это была томная красотка — Фрэнсис; она лежала, распростертая на каком-то ящике, с рассыпанными во все стороны волосами. Она скорее похожа на актрису.

— Вы говорите, что она позировала?

— Да, но только не для Павлина. А для того, грязного. Не помню, а вы ее когда-нибудь видели?

— Нет, не имел еще этого удовольствия — если это удовольствие.

— Вообще-то она довольно хорошенькая, хотя тоже рѣсхристанная, как и все эти художники. Очень много макияжа. Лицо все белое, глаза покрашенные, распущенные волосы спадают на лицо. Работает где-то в картинной галерее, так что вполне естественно, что водится с этими битниками и служит им натурщицей. Эти девчонки теперь на все способны! Думаю, что она влюблена в Павлина. А может, в того, грязного. Все равно, не могу себе представить, что это она меня огрела.

— Я о другом думаю, мадам. Кто-то мог заметить, что вы идете за Дэвидом, и пошел в свою очередь за вами.

— Кто-то заметил, что я выслеживаю Дэвида и стал выслеживать *меня*?

— Или кто-то мог уже находиться где-нибудь в бараках или во дворах и следить за теми же самыми людьми, что и вы.

— Это, конечно, возможно, — согласилась миссис Оливер. — Но вот только кто это мог быть?

Пуаро сокрушенно вздохнул.

— В этом-то все и дело. Очень сложно, очень. Слишком много людей замешано, слишком много деталей. И нет цельной картины. Все началось с девушки, которая сказала, что она, возможно, совершила убийство. Мне только и надо было выяснить, что она имела в виду, и вот, полюбуйтесь, сколько возникает сложностей.

— Какие, например?

— Сосредоточьтесь, — сказал ей Пуаро.

Это-то как раз и было слабым местом миссис Оливер.

— Вечно вы меня сбиваете, — пожаловалась она.

— Я говорил об убийстве, но о каком именно убийстве?

— Может быть, убийстве мачехи?

— Но она не убита. Она жива.

— Вы ужасный человек, — рассердилась миссис Оливер.

Пуаро выпрямился. Он сложил пальцы вместе и приготовился, как решила миссис Оливер, развлекаться.

— Вы отказываетесь думать, — сказал он. — Но чтобы сдвинуться с места, нам надо сосредоточиться.

— Не хочу я ни на чем сосредотачиваться. Лучше скажите, что вы сами подделывали, пока я лежала в больнице. Наверняка вы чем-то занимались. Чем же?

Пуаро не обратил внимания на этот вопрос.

— Начнем сначала. Однажды вы мне позвонили. Я был в плохом настроении. Да, действительно, я был в очень плохом настроении. Потому что меня очень обидели. Вы же, мадам, были сама доброта и участие. Вы утешили и подбодрили меня. Вы угостили меня чашкой шоколада. Более того, вы не только предложили мне помощь, но и помогли мне. Вы помогли отыскать девушку, сказавшую, что она, по-видимому, совершила убийство! Давайте спросим себя, мадам, что же это за убийство? Кого убили? Где убили? Почему убили?

— Умоляю, остановитесь, от ваших вопросов у меня голова снова начинает болеть.

Пуаро оставил просьбу миссис Оливер без внимания.

— А было ли вообще это убийство? Вы говорите — мачеха, а я отвечу, что мачеха жива. Такое впечатление, что убийство еще не произошло. Но оно должно было произойти. Итак, во-первых, я хотел бы знать, кто убит? Некто приходит ко мне и говорит об убийстве. Убийстве, которое совершено в неизвестном месте и неизвестным способом. Но я не могу обнаружить никакого убийства. Вы, конечно, снова скажете, что речь идет о попытке устранения Мэри Рестарик, но Эркюля Пуаро эта версия никак не может удовлетворить.

— Я действительно не могу понять, что вам еще нужно.

— Мне нужно убийство.

— Как вы кровожадны, мсье Пуаро!

— Я хочу обнаружить убийство, но не могу. И это меня страшно злит, поэтому я и прошу вас поразмышлять вместе со мной.

— Есть блестящая идея,— вскричала миссис Оливер.— Предположим, что Эндрю Рестарик убил свою первую жену перед своим поспешным отъездом в Африку. Думали вы о такой возможности?

— Разумеется, ни о чем подобном я не думал,— возмущенно ответил Пуаро.

— А я вот подумала. Получается очень интересно. У него был роман с другой женщиной. Он хотел разделаться с первой и убил ее, причем никто ничего не заподозрил.

Раздраженный Пуаро тяжело вздохнул.

— Но его первая жена умерла лишь через одиннадцать или двенадцать лет после того, как он отправился в Южную Африку, а его дочь не могла в пять лет от роду иметь касательство к убийству своей маменьки.

— Она могла дать матери какое-нибудь не то лекарство. Или, может быть, Рестарик лишь говорит, что она умерла. В конце концов мы ведь не знаем, точно ли она умерла.

— Я знаю точно. Я наводил справки. Первая жена Рестарика умерла четырнадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят третьего года.

— Как вы смогли это выяснить?

— Я нанял кое-кого для проверки некоторых фактов. Я очень прошу вас, мадам, воздержаться от поспешных и фантастических версий.

— А мне эта идея показалась очень неглупой,— упрямо гнула свою линию миссис Оливер.— Если бы это было в моей книге, я бы именно так обставила этот эпизод. У меня бы все сделала именно девочка. Не нарочно, конечно, а по указанию отца.

Пуаро нетерпеливо чертыхнулся.

— Ну, ладно,— сказала миссис Оливер.— А какова ваша версия?

— Увы, мне нечего сказать. Мне нужно убийство, а его никак не удастся обнаружить.

— Даже если мы вспомним, как Мэри Рестарик заболела, попала в больницу, выздоровела и, вернувшись домой, заболела снова? Если поискать, можно было бы, вероятно, найти мышьяк или что-нибудь подобное, сирьтанное Нормой.

— Именно это и было найдено.

— В таком случае, мсье Пуаро, что же вам еще надо?

— Мне нужно, чтобы вы обратили внимание на смысл произнесенных слов. Эта девушка повторила мне то же самое, что сказала моему слуге Джорджу. Она не сказала «я пыталась убить человека» или «я пыталась убить мою мачеху». Оба раза она говорила о деле, которое уже сделано, о чем-то уже вполне свершившемся.

— Я сдаюсь, — согласилась миссис Оливер. — Вас невозможно убедить, что Норма пыталась убить свою мачеху.

— Нет, по-моему, вполне возможно, что Норма могла совершить эту попытку. Думаю, что именно так и было — это вполне соответствовало бы нынешнему состоянию ее психики. Но это не доказано. Надо помнить, что мышьяк в вещи Нормы мог подбросить кто угодно. Например, его мог подбросить сам Рестарик.

— Вы, кажется, всегда были склонны полагать, что жен убивают именно мужа, — заметила миссис Оливер.

— Мужья обычно бывают наиболее вероятными кандидатами на роль убийцы, поэтому с них следует начинать. Хотя это могла быть и Норма, и кто-нибудь из слуг, и одна из подруг Нормы, и старый мистер Рестарик. И, наконец, это могла быть и сама миссис Рестарик.

— Ерунда. Зачем?

— У нее могли быть свои причины. Причины не вполне очевидные, но тем не менее этот вариант нельзя сразу отбрасывать.

— Но ведь не можете же вы, мсье Пуаро, подозревать каждого?

— Напротив, именно это я и должен делать.

— А какие мотивы могли быть у секретарши сэра Родерика?

— Это зависит от того, что она делает в доме, зачем приехала в Англию и от многого другого.

— Вы настоящий сумасшедший.

— Или это мог быть Дэвид, Павлин, как вы его называете.

— Ну, это уж слишком надуманно. Дэвида здесь не было. Он никогда и близко к дому не подходил.

— Еще как подходил. Он бродил там по коридорам как раз в тот день, когда я приехал туда.

— Бродил, но не прятал яд в комнате Нормы.

— Откуда вы знаете, что не прятал?

— Но у нее ведь роман с этим ужасным малым.

— Похоже, что так.

— Вам всегда хочется все усложнить, — пожаловалась миссис Оливер.

— Не все. Сложности порождены обстоятельствами дела. Мне нужна информация, и есть только один человек, который может мне ее предоставить. И этот человек исчез.

— Вы имеете в виду Норму?

— Да, я имею в виду Норму.

— Но она никуда не исчезла. Мы ведь с вами нашли ее, вы и я.

— Она вышла из кафе и снова исчезла.

— И вы дали ей уйти? — голос миссис Оливер дрожал от возмущения.

— Увы!

— Вы дали ей уйти? И даже не пытались отыскать ее снова?

— Я не сказал, что не пытался.

— Но вы, тем не менее, ничего не добились. Мсье Пуаро, я разочарована в вас.

— Понимаете, существует определенная схема преступления, — сказал Эркюль Пуаро, явно не слушая собеседницу. — Но в данном случае она не приложима потому, что важнейший компонент отсутствует. Это вы, надеюсь, понимаете?

— Нет! — отрезала миссис Оливер. Голова ее раскалывалась от боли.

Пуаро продолжал рассуждать, не слишком заботясь о слушательнице.

Миссис Оливер была искренне возмущена Пуаро. Она подумала, что, очевидно, Норма Рестарик права: Пуаро действительно слишком постарел! Подумать только, она нашла исчезнувшую Норму, сумела позвонить ему и взяла на себя Дэвида. Она оставила девушку Пуаро, и что же он наделал — потерял ее! Она вообще не могла понять, что собственно Пуаро сумел за все это время сделать, и была в нем разочарована. Как только он замолчит, она обязательно опять скажет ему об этом. А Пуаро тем временем спокойно и методично излагал свою схему.

— Здесь столько всего переплелось. Вот именно, переплелось; и именно поэтому все так сложно. Одно связано с другим и вдруг выясняется, что оно связано еще и с третьим, которое вроде бы не имеет никакого отношения к нашей схеме. Но мы-то знаем, что на самом деле имеет. Так в круг подозреваемых вовлекаются все новые и новые люди. Но в чем мы их подозреваем? Этого мы тоже не знаем. Началось все с девушки, и, несмотря на многообразие противоречащих друг другу схем, мне все-таки необходим ответ на самый насущный из вопросов. Кто эта девушка — может, она жертва и находится в опасности? Или же — ловкая авантюристка? Не разыгрывает ли она все это ради одной ей известной цели? Возможны оба варианта. Не хватает звена. Всего одного, но оно, наверняка, где-то существует. Я абсолютно уверен, что оно существует.

Миссис Оливер рылась в своей сумочке.

— Почему-то всегда, когда мне нужен аспирин, его не найдешь, — обеспокоенно сказала она.

— У нас есть набор сложно переплетенных отношений. Отец, дочь, мачеха. Здесь все взаимосвязано. У нас есть престарелый дядюшка, не совсем в себе, вместе с которым они живут. У нас есть Соня. Она связана с дядюшкой. Она на него работает. У нее приятные манеры, ласковое обращение. Дядюшка от нее в восхищении. Он, я бы сказал, к ней равнодушен. Но какова ее роль в доме?

— Считается, что она совершенствует свой английский язык.

— И вот в Кью-Гарденз она встречается с сотрудником посольства Герцеговины. Встречается, но не говорит ему ни слова. Только оставляет на скамейке книгу, которую он потом забирает...

— А это еще что такое?

— Имеет ли это отношение к нашему сюжету? Мы пока не знаем. Вроде бы не имеет, но может и иметь. Вдруг Мэри Рестарик случайно наткнулась на что-нибудь, что может представлять для этой девицы опасность?

— Только не убеждайте меня, что все это связано со шпионажем или чем-нибудь подобным.

— Я вас не убеждаю, просто задаю себе вопрос.

— Вы сами сказали, что старый сэр Родерик не в своем уме.

— Это не имеет значения, в своем или не в своем. Он был важной птицей перед войной. Через его руки прошло немало секретных документов. Видные деятели писали ему. И их письма он хранит у себя с тех пор, как они утратили секретность.

— Вы говорите о войне, а она была так давно.

— Правда, но от прошлого не так легко отделаться, как вам кажется. Заключаются новые союзы. Произносятся публичные речи, в них одно разоблачается, другое отрицается, а кое-что и вовсе перевертывается. А если сохранились документы, представляющие известное лицо в совершенно ином свете? Я вовсе не утверждаю этого, я лишь выдвигаю некоторые предположения — предположения, базирующиеся на известных прецедентах. Кому-то, может быть, совершенно необходимо уничтожить определенные письма или документы или, наоборот, передать их некоему иностранному правительству. И кто может исполнить это щекотливое поручение лучше, чем прелестная юная леди, помогающая престарелому орлу былых времен подбирать документы для собственных мемуаров? Сейчас ведь все, кому не лень, пишут мемуары. И унять их невозможно. А теперь предположим, что в пищу мачехе добавляется отравка как раз в тот день, когда готовят ее эта незаменимая секретарша вместе с нашей «третьей девушкой». И предположим, что именно наша предприимчивая юная леди делает все возможное, чтобы подозрение пало на Норму.

— Поражаюсь вашему уму, — сказала миссис Оливер. — В нем

совершенно отсутствует чувство реальности. Ведь все это просто не могло произойти так, как вы описываете.

— А почему нет? Существуют самые разнообразные схемы, и мы с вами не знаем, какая применима к нашему случаю. Норма уезжает из родительского дома и направляется в Лондон. Там она, как вы мне любезно указали, снимает квартиру совместно с двумя другими девушками. Тут возможна иная схема. На первый взгляд, две остальные девушки для нее совершенно чужие люди. Но что вдруг выясняется? Клодия Рис-Холланд — личный секретарь отца Нормы Рестарик. Вот еще одна связь, возможность применения еще одной схемы. Вторая девушка, как вы выяснили, является натурщицей и близко знакома с молодым человеком, которого вы прозвали «Павлином» и в которого влюблена Норма. Снова связь. Связей все больше и больше. А причем здесь вообще Дэвид — наш Павлин? Влюблен ли он в Норму? Похоже, что так. Но ее родителям он очень не нравится, что вполне понятно.

— Все-таки очень странно, что Клодия Рис-Холланд — секретарша Рестарика, — задумчиво сказала миссис Оливер. — На мой взгляд, эта девица могла бы достичь успеха в любом роде деятельности. Не удивлюсь, если это она вытолкнула женщину из окна седьмого этажа.

Пуаро медленно повернул голову в ее сторону.

— О чем это вы? — требовательно спросил он. — Что вы такое говорите?

— Какая-то женщина, жившая в этом доме — я даже не знаю ее имени — упала или выбросилась из окна седьмого этажа и разбилась насмерть.

Голос Пуаро звучал очень жестко.

— И вы мне об этом ничего не сказали! — возмутился он.

Миссис Оливер удивленно на него посмотрела.

— Не понимаю, о чем вы?

— Что значит, «о чем»? Я все время прошу, чтобы вы припомнили какую-нибудь смерть. Понимаете: смерть. А вы говорите, что никто не умирал, и все время твердите про попытку отравления. А тут смерть в... как, бишь, называется это место?

— Бороден Мэншнз.

— Вот, вот. И когда это случилось?

— Это самоубийство? Или что бы то ни было? По-моему... да, по-моему, за неделю до моего появления там.

— Потрясающе! А как вы об этом узнали?

— Мне сказал молочник.

— Молочник, bon Dieu!¹

¹ Боже милостивый! (фр.)

— Он со мной разговаривался, — сказала миссис Оливер, — и рассказал эту грустную историю. Это произошло, кажется, ранним утром.

— А как ее звали?

— Понятия не имею. По-моему, он мне не сказал.

— Молода, среднего возраста, старуха?

Миссис Оливер задумалась.

— Точно он не сказал. Вроде бы, за пятьдесят, по его словам.

— Просто поразительно. И кто-нибудь из наших девиц ее знал?

— Откуда мне знать? Об этом не было речи.

— Как вы могли ничего мне об этом не рассказать?

— Но, послушайте, мсье Пуаро, я просто не понимаю, какое это может иметь отношение к нашей истории. Можно было, конечно, предположить, что имеет, но никто об этом не говорил, и я и подумать не могла...

— Но ведь есть же связь. Есть девушка, Норма, которая живет в этих квартирах, и вдруг кто-то совершает самоубийство (насколько я понимаю, все решили именно так). То есть, кто-то выбрасывается из окна седьмого этажа и разбивается насмерть. И что потом? Через несколько дней Норма, услышав ваш рассказ где-то в гостях, приходит ко мне и говорит о том, что она, по-видимому, совершила убийство. Неужели вы не понимаете? Смерть — и через несколько дней выясняется, что кто-то думает, что, по-видимому, совершил убийство. Да, это вполне могло быть убийство.

Миссис Оливер хотела было сказать «ерунда», но не осмелилась. Однако подумала она именно так.

— Это, наверное, то самое звено, которого мне так не хватало. Оно и должно все сцеплять. Да, должно, хотя я еще пока не понимаю, каким образом. Надо подумать. Надо пойти домой и хорошенько подумать, пока все не станет на свои места, ведь это звено — ключевое, оно должно все сцеплять... Да. Наконец-то. Наконец-то я смогу во всем разобраться.

Он поднялся и сказал:

— До свидания, мадам, — и вышел из комнаты.

Миссис Оливер наконец-то смогла дать волю своим чувствам.

— Ерунда, — сообщила она пустой комнате. — Полнейшая ерунда. Интересно, можно ли принять сразу четыре таблетки аспирина?

Глава 15

Джордж поставил перед Пуаро чашку с горячим чаем. Пуаро медленно отхлебывал и думал. Так думать умел только он один. Этот процесс напоминал складывание картины из отдельных

кусочков. Сейчас главное — выбрать нужные фрагменты. Он снова отхлебнул, поставил чашку на место, спокойно положил руки на подлокотники кресла и начал один за другим рассматривать открывающиеся его мысленному взору фрагменты. Сначала надо все внимательно вспомнить, потом выбрать нужное. Кусочки неба, кусочки зеленого берега, какие-то полосатые кусочки, напоминающие тигра...

Боль его собственной ноги, натертой лакированными ботинками. С этого все началось. Вместе со своей доброй знакомой миссис Оливер они прошли по этой тропинке. Мачеха. Он вновь увидел себя у ворот дома Рестариков. Женщина, которая повернулась ему навстречу, женщина, осторожно вырезающая слабый побег розы, поворачивается и смотрит на него. Что здесь для него интересного? Ничего. Золотистая голова, яркая, как пшеничное поле, вся в кудряшках и локонах, прическа почти как у самой миссис Оливер. Он слегка улыбнулся. Но волосы Мэри Рестарик были убраны гораздо более аккуратно. Казалось, что такая золоченая рама немного великовата для ее лица. Он вспомнил, что старый сэр Родерик рассказывал ему о парике, который она якобы носит из-за болезни. Такое несчастье для молодой женщины. Сейчас ему кажется, что ее голова производила впечатление слишком тяжелой. Слишком неподвижной, слишком аккуратной. Он стал думать о парике Мэри Рестарик — если это действительно был парик — а Пуаро считал, что в этом он может полностью положиться на сэра Родерика. Он всесторонне обдумал проблему парика. Затем он стал вспоминать их разговор. Было ли в нем что-нибудь важное? Судя по всему, нет. Он припомнил комнату, в которую они зашли. Типичная комната, какая могла быть в любом доме, лишенная индивидуальных черт. Две картины на стене. Портрет женщины в сизовато-сером платье. Тонкий рот, губы плотно сжаты. Волосы коричневого цвета с сероватым отливом. Первая миссис Рестарик. Она выглядела старше мужа. На противоположной стене висел его портрет. Хорошие, добротные портреты. Он стал думать о портрете мужа. В первый раз он не так хорошо разглядел его, как позже, в кабинете Рестарика...

Эндрю Рестарик и Клодия Рис-Холланд. Есть ли здесь что-нибудь? Связывает ли их нечто большее, чем обычные отношения шефа и секретарши? Вроде, не должно. Человек только что вернулся после многолетнего отсутствия в страну, где у него нет близких знакомых и родственников, он озабочен поведением своей дочери. Вполне естественно, что он обратился к новой очень исполнительной секретарше с просьбой подобрать для дочери подходящее жилье в Лондоне. А она как раз ищет себе «третью девушку» и любезно предлагает взять Норму на эту роль. «Третья девушка». Это выражение, впервые услышанное им от миссис Оливер, никак

не давало ему покоя — ему все казалось, что в нем может быть скрыт какой-то неведомый ему пока смысл.

Джордж вошел в комнату и тихонько притворил за собой дверь.

— К вам пришла юная леди, сэра. Та, которая уже приходила раньше.

Эти слова настолько точно наложились на то, о чем Пуаро только что думал, что он даже вздрогнул от неожиданности.

— Та, что приходила тогда во время завтрака?

— Нет, сэра. Юная леди, которая приходила с сэром Родериком Хорсфилдом.

— Ах, вот что. — Пуаро удивленно поднял брови. — Проводи ее сюда. Где она?

— Я отвел ее в комнату мисс Лемон.

— Понятно. Ну, пригласи ее сюда.

Соня не стала дожидаться, пока Джордж доложит о ней. Решительно и даже несколько агрессивно она вошла в комнату впереди него.

— Я с трудом вырвалась, но мне нужно было сказать вам, что я не брала этих бумаг. Я ничего не крадала. Понимаете?

— А разве кто-нибудь говорил, что это вы их взяли? — спросил Пуаро. — Садитесь, мадемуазель.

— Нет, садиться я не хочу. Я очень тороплюсь. Просто зашла, чтобы сказать, что это неправда. Я — порядочная девушка и всегда делаю только то, что мне велят.

— Я вас понял. Вы утверждаете, что не выносили из дома сэра Родерика Хорсфилда никаких бумаг, документов, писем, каких-либо сведений. Верно?

— Да, я пришла вам это подтвердить. Он-то мне верит. Он знает, что я ничем подобным заниматься не буду.

— Ну и отлично. Я приму к сведению ваше заявление.

— Вы надеетесь найти эти бумаги?

— Пока я занят другими делами. А бумаги сэра Родерика дождутся своей очереди.

— Он волнуется. Он очень волнуется. Я не все могу ему сказать. Я скажу это вам. Он теряет вещи, — часто думает, что положил вещь в одно место, а ее там нет. Он многое кладет — как это сказать? — в странные места. О, я знаю, вы меня подозреваете. Меня все подозревают, потому что я иностранка. Я приехала из другой страны и поэтому все считают... все думают, что я краду секретные бумаги, как в ваших дурацких английских детективах. Но я не такая. Я — интеллигентная.

— Да, да, — подтвердил Пуаро. — Это очень приятно узнать. — И добавил: — Не хотите ли вы добавить еще что-нибудь?

— А что мне еще добавлять?

— Откуда я знаю?

— А чем еще вы сейчас занимаетесь?

— Это не имеет значения, я не хочу вас задерживать. У вас сегодня выходной?

— Да. У меня один день в неделю свободный, и я могу поехать, куда мне хочется. Могу приехать в Лондон, пойти в Британский музей.

— Да, конечно, и еще в Музей Виктории и Альберта.

— Совершенно точно.

— А также в Национальную галерею, посмотреть картины. А если день выдастся удачным, то вы можете прогуляться в Кенсингтон-Гарденз или даже дойти до Кью-Гарденз.

Она осеклась и бросила на него настороженный вопросительный взгляд.

— При чем здесь Кью-Гарденз?

— А просто там очень красиво: кусты и разные деревья. О, вам не следует обходить стороной Кью-Гарденз. Да и входная плата там очень невысока. Пенни — два пенса, не больше, я думаю. За эти деньги вы можете там гулять, любоваться тропическими растениями, или же просто посидеть на скамеечке и почитать книгу. — Тут он добродушно улыбнулся ей и не мог не порадоваться, что она нервничает все больше и больше. — Но не буду вас задерживать, мадемуазель. Вам ведь еще, наверное, надо навестить кого-нибудь из ваших друзей в каком-нибудь посольстве...

— Зачем вы все это мне говорите?

— Да просто так. Вы же сами не скрываете, что вы — иностранка, и поэтому вполне вероятно, что у вас могут быть друзья в вашем собственном посольстве.

— Кто-то вам что-то рассказал. Наговорил всякие вещи. А я утверждаю, что он просто глупый старик, который сам все путает. Вот и все! И ничего особенно важного он не знает. И нет у него никаких секретных бумаг и документов. И никогда не было.

— О, это не совсем так, мадемуазель. Времена меняются. А ведь когда-то он был очень важным человеком и действительно знал много секретных вещей.

— Вы просто хотите меня запугать.

— Да что вы, я не люблю мелодрам.

— Это миссис Рестарик. Вот кто меня оговаривает. Она меня не любит.

— Она мне этого не говорила.

— Что ж, я тоже ее не люблю. Я таким женщинам не доверяю. Думаю, у нее есть свои тайны.

— Да ну?

— Да, я действительно думаю, у нее есть тайны от мужа.

Наверно, она ездит в Лондон и еще куда-нибудь, чтобы встретиться с другими мужчинами. Или, по крайней мере, с каким-то одним мужчиной.

— Да ну? — сказал Пуаро. — Это очень интересно. Вы думаете, у нее роман?

— Да. Она часто ездит в Лондон и, думаю, не всегда говорит об этом мужу, или говорит, что ей надо что-то купить. Он целый день занят своими делами и не думает о том, почему жена все время ездит в Лондон. А она в Лондоне проводит больше времени, чем за городом. А еще притворяется, что очень любит свой сад.

— А у вас нет каких-либо предположений, кто этот мужчина?

— Откуда мне знать? Я ведь не слежу за ней. Мистер Рестарик не испытывает к ней никаких подозрений. Он верит всему, что ему говорит жена. Наверное, он все время думает о своих делах. Да еще, наверное, волнуется о дочери.

— Это так, — подтвердил Пуаро. — О ней он, конечно же, очень волнуется. А вы знаете что-нибудь о его дочери? Вы с ней близко знакомы?

— Нет, близко я ее не знаю. Но если вас интересует, что я думаю, то я могу вам сказать. Я думаю, что она просто сумасшедшая!

Вы считаете ее сумасшедшей? Но почему?

Она все время говорит что-то очень странное. Видит что-то, чего на самом деле не было.

— Видит то, чего не было?

— Людей, которых не было. То она вдруг очень нервничает, то ходит, будто во сне. Ей говоришь, а она и не слышит и не отвечает. Думаю, что есть люди, которым она желает смерти.

— Вы имеете в виду миссис Рестарик?

— И еще ее отца. Она часто смотрит на него с ненавистью. — Может потому, что оба они не хотят, чтобы она вышла замуж за молодого человека, в которого она влюблена?

— Да. Оба они этого не хотят. Они-то, конечно, правы, но она очень злится. Когда-нибудь, я думаю, — добавила Соня, бодро кивнув головой, — она кончит жизнь самоубийством. Я надеюсь, что она не совершит этой глупости, но ведь влюбленные часто так кончают. — Она поежилась. — Ну, что ж, мне пора.

— Скажите мне еще только одно. Миссис Рестарик носит парик?

— Парик? Откуда мне знать? — Она слегка задумалась. — Может, и носит. Это очень удобно в путешествии. И так модно. Я сама иногда ношу парик. Зеленый! Вернее, раньше носила. Ну, мне пора, — закончила она и ушла.

— Сегодня у меня много дел, — объяснил Эркюль Пуаро мисс Лемон на следующее утро. — Надо навести справки. Вы выяснили все необходимое, условились о встречах и переговорах?

— Конечно, — сказала мисс Лемон. — Все здесь.

Она протянула ему небольшую папку. Пуаро бегло ее просмотрел и кивнул головой.

— Я всегда могу положиться на вас, мисс Лемон, — сказал он. — *C'est fantastique*¹.

— Право, мсье Пуаро, я не вижу в этом ничего поразительного. Вы дали мне распоряжения, и я их выполнила. Это естественно.

— Ну, не скажите, — заметил Пуаро. — Я часто давал распоряжения газовщикам, электрикам, но всегда ли они исполняли мои указания? Очень, очень редко.

Он вышел в холл.

— Пальто немного потеплее, Джордж. Я думаю, уже устанавливается осенняя погода.

Он снова заглянул в комнату своей секретарши:

— Кстати, что вы думаете о молодой женщине, которая приходила вчера?

Мисс Лемон, собиравшаяся печатать, ответила кратко:

— Иностранка.

— Да, да.

— Явная иностранка.

— И вы ничего не хотите добавить?

Мисс Лемон задумалась.

— У меня нет данных, чтобы судить о ее способностях.

И прибавила с некоторым сомнением:

— Мне показалось, что она чем-то расстроена.

— Да. Ее подозревают, видите ли, в краже! Не денег бумаг — у своего нанимателя.

— Неужели? — сказала мисс Лемон. — Важные бумаги?

— Вполне возможно. Хотя, может быть, у него вообще ничего не пропало.

— Ну, ну, — сказала мисс Лемон, взглянув на своего патрона тем особым взглядом, который всегда означал, что ей хотелось бы освободиться от него и со свойственным ей пылом отдаться работе. — Я всегда говорю, что, нанимая кого-нибудь, лучше знать, с кем имеешь дело, и предпочитать все английское.

Эркюль Пуаро вышел. Его первый визит был в Бороден Мэншнз. Он взял такси. Приехав, посмотрел вокруг. Швейцар в

¹ Это поразительно (фр.).

ливрее стоял у одной из дверей дома и насвистывал какую-то жалобную мелодию. Когда Пуаро подошел к нему, он произнес:

— Да, сэр?

— Хотелось бы знать, — сказал Пуаро, — можете ли вы рассказать мне что-нибудь о печальном происшествии, случившемся здесь недавно.

— Печальное происшествие? — сказал швейцар. — Я о таком не слышал.

— Речь идет о даме, которая выбросилась или, скажем, выпала из окна одного из верхних этажей и погибла.

— Ах, это. Я ничего не знаю... Видите ли, я здесь всего неделю. Эй, Джо!

С противоположной стороны здания подошел еще один швейцар.

— Ты ведь знаешь о даме, упавшей с седьмого этажа около месяца назад, не так ли?

— Не особенно много, — ответил Джо. — Но дело было ужасное.

— Она умерла сразу?

— Да.

— А как ее звали? Понимаете, возможно, это моя родственница, — сказал Пуаро.

— Вот как, сэр? Очень грустно слышать. Ее звали миссис Шарпантье.

— Она долго жила в этой квартире?

— Сейчас вспомню... Около года, может быть, полтора. Нет, думаю, около двух лет. № 76, седьмой этаж.

— Это последний этаж?

— Да, сэр. Миссис Шарпантье.

Пуаро не стал больше спрашивать о ней — ведь было бы странно не знать о своей родственнице. И он переключился на события.

— Это вызвало переполох, задавали много вопросов? В какое время это случилось?

— В пять или шесть часов утра, мне кажется. Это было так неожиданно... И несмотря на ранний час, почти сразу собралась толпа. Вы знаете, каковы люди.

— И полиция, конечно.

— О да, полиция быстро приехала. И доктор, и скорая помощь. Все как положено, — сказал швейцар с видом искушенного человека.

— И, вероятно, из квартир спустились люди, услышав шум на улице?

— Нет, их было не так уж много. Во-первых, потому что из-за шума транспорта большинство из них ничего не услышало. Кое-

кто уверял, что она вскрикнула, падая, но не так громко, чтобы особенно привлечь внимание. Только некоторые прохожие увидели, как она падала, и, конечно, ринулись к месту происшествия. Вы знаете, как это бывает во время несчастного случая!

Пуаро заверил, что ему, конечно, это известно.

— Она жила одна? — спросил он.

— Да, — подтвердил швейцар.

— Но, я полагаю, у нее были друзья среди жильцов?

Джо пожал плечами.

— Может быть, не знаю. Никто никогда не видел ее, например, в ресторане с кем-нибудь из наших. Иногда она обедала здесь с какими-то друзьями... Если вы хотите узнать о ней, — добавил Джо несколько нетерпеливо, — вы бы лучше поговорили с мистером Макферлейном, здешним управляющим.

— Спасибо. Это я и собираюсь сделать.

— Его контора вон там, сэр. На первом этаже. Вы увидите надпись на двери.

Пуаро пошел в указанном направлении. Он вынул из своей папки письмо, которое вложила мисс Лемон, пометив: «Мистер Макферлейн». Макферлейн оказался приятным на вид человеком, лет сорока пяти, с пронизательным взглядом. Пуаро протянул ему письмо. Он открыл и прочел его.

— Ах да, — сказал он. — Понятно.

Он положил письмо на стол и взглянул на Пуаро.

— Домовладельцы просят оказать вам посильную помощь в том, что касается смерти миссис Луизы Шарпантье. Что же конкретно вы хотите узнать, мсье... — он посмотрел на письмо, — мсье Пуаро?

— Все это, конечно, вполне конфиденциально, — сказал Пуаро. — Ее родные связались с полицией и поверенным, но, так как я ехал в Англию, меня и попросили собрать сведения. Ведь очень трудно полагаться только на официальную информацию.

— Да, это так. Я, кажется, понимаю, о чем речь. Я скажу вам все, что знаю.

— Как давно она жила здесь и каким образом сняла квартиру?

— Она жила здесь, кажется, около двух лет, я могу уточнить. Въехала в свободную квартиру, и, я думаю, бывшая хозяйка квартиры была знакома с ней. Это миссис Уайлдер. Работала для Би-Би-Си. Жила некоторое время в Лондоне. Потом уехала в Канаду. Очень приятная дама! Не думаю, что она близко знала покойную.

— А Луиза Шарпантье подходила вам как нанимательница? После недолгого колебания Макферлейн ответил:

— Да, вполне.

— Не скрывайте от меня ничего, — попросил Эркюль Пуаро. —

Бывали сумасбродные вечера, не так ли? Слишком веселые вечеринки?

Макферлейн ответил:

— Поступали жалобы время от времени, но большей частью от пожилых жильцов.

Эркуль Пуаро сделал многозначительный жест. Макферлейн подтвердил:

— Да, сэр, слишком любила выпить, и в веселой компании. Это постоянно создавало беспокойство.

— А мужчин она любила?

— Ну, я не хотел бы заходить так далеко.

— Нет, нет! Я вас понимаю.

— Конечно, она была не так молода...

— Внешность часто бывает обманчива. Сколько, вы сказали, ей было лет?

— Трудно сказать. Сорок — сорок пять, — и добавил, — знаете, у нее было неважное здоровье.

— Это я понял.

— Она пила слишком много. И была очень подавлена. Беспокоилась о своем здоровье. Вечно ходила по врачам и, я думаю, не верила тому, что они ей говорили, женщины в этом возрасте мнительны, часто вбивают себе в голову, что у них рак. Она была почти уверена в этом, хотя врач разубеждал ее. Он сказал однажды, что она ничем не больна. И тем не менее в один прекрасный день...

— Все это очень печально, — сказал Пуаро. — Так у нее не было друзей среди жильцов?

— Точно не знаю. Здесь живут в основном деловые люди. Они не очень компанейские.

— Я думал, может быть, мисс Клодия Рис-Холланд. Интересно, были ли они знакомы?

— Мисс Рис-Холланд? Нет, не думаю. Возможно, они знали в лицо друг друга, встречались случайно в лифте, например, иногда разговаривали, но не думаю, что были в тесных отношениях. Ведь между ними была большая разница в возрасте.

Макферлейн казался немного взволнованным. Пуаро решил выяснить, почему:

— Одна из девушек, живущих вместе с мисс Холланд, я думаю, была знакома с миссис Шарпантье. Я имею в виду мисс Норму Рестарик.

— Была знакома? Не знаю. Она ведь приехала сюда совсем недавно... эта молодая дама с немного испуганным лицом. — Затем Макферлейн услужливо спросил: — Чем-нибудь еще я могу вам быть полезен, сэр?

— Спасибо, вы очень добры. Могу ли я посмотреть квартиру,

чтобы иметь возможность сказать... — Пуаро сознательно не закончил фразу.

— Давайте попробуем, сэр. Теперь ее занимает мистер Трэверс, он целыми днями на службе.

Они пошли на седьмой этаж. Когда мистер Макферлейн вставил ключ, одна из цифр на двери упала. Пуаро поднял ее и тщательно расправил шип, на котором она держалась.

— Номера непрочны прикреплены, — сказал он.

— Извините, сэр. Это мы исправим. Ну вот, пришли.

Пуаро вошел в столовую. Стены оклеены обоями под дерево, стандартная удобная мебель — почти никакого своеобразия, может быть только телевизор и немного книг.

— Все квартиры меблированы, как видите, — сказал мистер Макферлейн. Жильцы при желании могут ничего не привозить с собой.

— И отделка везде одинакова?

— Не совсем, некоторые добавляют другую, но обычно этого не делают. Людям нравятся обои под дерево — хороший фон для картин. Единственное отличие — росписи. Их у нас целых десять, рисунки известных художников, — пояснил мистер Макферлейн с гордостью. — Есть с японским пейзажем, английским садом, есть с изображением птиц, деревьев, одна пестрая — довольно интересный абстрактный рисунок, линии и кубы контрастных цветов. И мебель двух тонов, можно выбирать.

— Значит, жильцы в большинстве своем не домовиты, — предположил Пуаро.

— Нет. Скорее, перелетные птицы или же деловые люди, желающие жить удобно: хороший туалет и прочее, но мало интересующиеся интерьером, хотя попадают и другие, которым не нравится наша мебель. Мы внесли в договор пункт, по которому жильцы должны вернуть все в том виде, как было.

Они, пожалуй, слишком далеко отошли от вопроса о смерти миссис Шарпантье. Пуаро подошел к окну.

— Отсюда? — тихо спросил он.

— Да. Из этого, слева. За ним балкон.

Пуаро выглянул и посмотрел вниз.

— Семь этажей, — сказал он. — Долгий путь.

— Да. К счастью, смерть была мгновенной. Конечно, это несчастный случай.

Пуаро покачал головой.

— У вас нет оснований так утверждать, мистер Макферлейн. Это было сделано умышленно.

— Да, боюсь, она не была счастливой женщиной, — ответил тот.

— Благодарю вас, — сказал Пуаро, — за вашу любезность.

Я смогу теперь подробно рассказать ее родным во Франции, что произошло.

Однако ему самому далеко не все было ясно. По крайней мере, ничто не подкрепляло его предположений о причине смерти Луизы Шарпантье. Он задумчиво повторял ее имя. Луиза... Почему при имени Луиза его преследует какое-то воспоминание? Он благодарно кивнул головой Макферлейну и вышел.

Глава 17

Старший инспектор Нил вначале держался крайне официально. Он вежливо поздоровался с Пуаро и предложил ему стул. Но как только молодой человек, который ввел Пуаро, удалился, Нил повел себя свободнее.

— Чем вы теперь заняты, скрытный старый черт?

— Ведь вы уже знаете, чем.

— Да, я собрал кое-какой материал, но не думаю, что вы найдете много интересного. Я не говорю, что вы не сможете раскопать какие-то сомнительные сделки. Вы знаете, каковы эти финансисты! Смею сказать, что там куча деловых фокусов с ископаемыми, концессиями, нефтью и прочим. Но компания «Джошуа и К°» пользуется хорошей репутацией. Семейное дело, по крайней мере, раньше было таким. Теперь, правда, у Саймона Рестарика не было детей, а у его брата Эндрю — только одна эта дочь. Была старая тетка по материнской линии. Дочь Эндрю жила с ней во время болезни матери и после ее смерти. Тетка умерла от удара, примерно шесть месяцев назад. Немного не в себе; я думаю, принадлежала к какой-то своеобразной религиозной секте, впрочем, безвредной. Саймон Рестарик был умным деловым человеком, имел светскую жену, они довольно поздно поженились.

— А Эндрю?

— Эндрю, кажется, испытывал страсть к перемене мест, но ничего особо компрометирующего о нем не известно. Странствовал по Южной Африке, Южной Америке, Кении и другим местам. Его брат не раз настаивал на том, чтобы он вернулся, но так и не добился этого. Эндрю не любил Лондон и бизнес, но, кажется, обладал семейным даром делать деньги. Он занимался, кажется, разработкой полезных ископаемых, и все его сделки давали хорошую прибыль.

— Значит, он, в известном смысле, обыкновенный человек?

— Да, как будто. Я, правда, не знаю, что заставило его вернуться в Англию после смерти брата. Быть может, новая жена. Привлекательная женщина, много моложе его. Сейчас они живут

со старым сэром Родериком Хорсфилдом, сестра которого была замужем за дядей Эндрю Рестарика. Но, я думаю, это временно. В этом есть что-нибудь новое для вас? Или вы все это уже знали?

— Большую часть, — сказал Пуаро. — Были ли у кого-нибудь в семье психические заболевания?

— Не думаю, если не считать старую тетушку с ее религиозным фанатизмом. Но это отнюдь не странно для женщины, живущей в одиночестве.

— Итак, вы можете уверенно мне сказать лишь то, что у Рестариков очень хорошо поставлены финансовые дела.

— У них очень много денег, — сказал старший инспектор Нил. — И все они весьма уважаемы. Часть суммы, заметьте, внес в фирму Эндрю Рестарик. Южноафриканские концессии, рудники, залежи полезных ископаемых. Я бы сказал, что, когда они разовьются или будут представлены на рынок, это даст весьма обширную сумму.

— И кто ее унаследует? — сказал Пуаро.

— Это зависит от того, кому ее оставит Эндрю Рестарик. Это его дело. Но я могу сказать, что реальными наследниками являются только дочь и вторая жена.

— Значит, им предстоит когда-нибудь унаследовать очень большую сумму денег?

— Я сказал бы так.

— А нет ли у него связей с какой-нибудь женщиной?

— Ничего такого неизвестно. Думаю, что нет. У него красивая жена.

— А какой-нибудь молодой человек, — продолжал Пуаро задумчиво, — может узнать про его состояние?

— И жениться на его дочери? Вы это хотите сказать? Но ничто не может помешать такому молодому человеку, даже если суд учредит над ней опеку. Конечно, отец может лишить дочь наследства, если захочет.

Пуаро посмотрел на аккуратно исписанный лист, который держал в руке.

— А что насчет галереи Уэддерберн?

— Интересно, как вы до этого добрались? Клиент консультировался с вами о подделке?

— Они торгуют подделками?

— Люди не торгуют подделками, — сказал старший инспектор Нил с упреком. — Это было довольно неприятное дело. Миллионер из Техаса купил здесь картины и заплатил за них громадные деньги. Они продали ему Ренуара и Ван Гога. По поводу картины Ренуара возникло сомнение. Прибыли авторитетные эксперты-искусствоведы и дали свои заключения. И они, как всегда, противоречили друг другу. Галерея предложила выкупить картину

обратно. Однако миллионер не изменил свое решение, потому что последний эксперт, пользующийся большим авторитетом, поклялся, что она подлинная. Тем не менее с этого времени галерея под некоторым подозрением.

— А как насчет мистера Дэвида Бейкера? Нашли вы что-нибудь о нем?

— А, он из обычной шайки подонков, которые ходят компанией по ночным клубам, живут на наркотиках — героин, кокаин, девчонки с ума сходят по нему. Он, мол, подлинный гений, а у него такая тяжелая жизнь. Его живопись не оценена. Если вы меня спросите, могу сказать, что там один секс.

— Знаете ли вы что-нибудь о мистере Рис-Холланде, члене парламента?

— Как политик ведет себя хорошо. Язык подвешен отменно. Одна или две двусмысленные сделки в Сити, но он вышел сухим из воды. Я бы сказал, довольно скользкий тип. Загрывает много денег, наверняка сомнительными способами.

— Что насчет сэра Родерика Хорсфилда? — задал Пуаро последний вопрос.

— Славный старичок, но не в себе. Что за нюх у вас, Пуаро, во все вникнете всегда! Да, было немало волнений в спецслужбах. Все помешались на мемуарах. Никто не знал, какие нескромные откровения появятся в следующий раз. Все старики наперегонки стараются прославиться на своих воспоминаниях и на разоблачениях других! Обычно это не важно, но иногда, вы знаете, кабинеты меняют свою политику, и не хотелось бы задеть чье-либо самолюбие, дав неверную публикацию, поэтому мы стараемся притушить пыл старичков. С некоторыми это не легко. Если вы хотите узнать все точнее, вам нужно идти в спецслужбы. Я не думаю, что тут что-нибудь плохое. Беда в том, что они не уничтожили бумаги, которые имели, их целая куча. Тем не менее, я не думаю, что в них что-то важное. Однако мы знаем, что некий Пауэр шныряет вокруг.

Пуаро глубоко вздохнул.

— Я чем-нибудь помог вам? — спросил старший инспектор.

— Я был рад узнать подноготную из официальных источников. Но не думаю, что ваша информация особо помогла мне.

Он опять вздохнул и потом сказал:

— Что бы вы подумали, если кто-то случайно сказал вам, что женщина, молодая привлекательная женщина, носит парик?

— Ничего особенного, — сказал инспектор Нил и прибавил резковато: — Моя жена надевает парик, когда мы едем куда-нибудь, это избавляет ее от многих хлопот.

— Прошу прощения, — сказал Эркюль Пуаро.

Когда они прощались, инспектор Нил спросил:

— Я полагаю, вы хотели иметь всю секретную информацию о самоубийстве... о даме, которая выбросилась из окна? Я ее вам послал.

— Да, спасибо. Официальные данные, по крайней мере. Простой отчет.

— Было еще что-то, что напомнило мне о теме нашего разговора. Сейчас соображу. Да, обычная, довольно грустная история. Веселая женщина, любит мужчин, имеет достаточно денег и живет без особых тревог, но слишком много пьет и опускается. И затем, как говорится, свихивается на своем здоровье. Знаете, многие женщины начинают думать, что у них рак или что-нибудь в этом роде. Они советуются с доктором, тот говорит, что все в порядке, а они ни капли ему не верят. По моему мнению, это от боязни, что они уже не так привлекательны. Вот что на самом деле их угнетает. Да, это случается постоянно. Они одиноки, бедняги. Миссис Шарпантье была одна из них. Я не думаю, что... — он остановился. — Да, конечно, я помню. Вы спрашивали об одном из наших парламентариев, Рис-Холланде. Он довольно веселый человек. Луиза Шарпантье одно время была его любовницей. Это все.

— Была серьезная связь?

— Да не особенно. Ходили вместе в довольно сомнительные клубы. Вы знаете, мы присматриваем за вещами такого рода. Но в прессе о них никогда ничего не было.

— Понятно.

— Но это продолжалось некоторое время. Их видели иногда вместе в течение примерно шести месяцев, но не думаю, что она была единственной у него, да и он у нее был не один. Ну как, можете извлечь что-нибудь из этого?

— Не думаю, — ответил Пуаро.

— Но все же, — сказал он себе, спускаясь вниз, — все же это связь. Она объясняет смущение мистера Макферлейна. Это ниточка, тонкая ниточка, связь между Эмлином Рис-Холландом, членом парламента, и Луизой Шарпантье. Возможно, это ничего не значит. Да и почему должно значить? Но все же... Я знаю слишком много, — сказал себе сердито Пуаро. — Я знаю слишком много. Я знаю кое-что обо всем и о каждом, но я не могу составить полную картину. Половина фактов не относится к делу. Мне нужна картина. Картина. Все королевство за картину, — произнес он вслух.

— Прошу прощения, сэр, — сказал мальчик в лифте, испуганно посмотрев на него.

— Ничего, — сказал Пуаро.

Пуаро остановился перед входом в галерею Уэддерберн, чтобы рассмотреть картину с изображением трех коров угрожающего вида, с крайне удлинёнными туловищами, и с огромным и запутанным рисунком ветряных мельниц. То и другое, казалось, никак не было связано, не вязался с этим и странный багровый колорит.

— Интересно, не так ли? — раздался сзади мягкий, мурлыкающий голос.

Это был пожилой человек, который, на первый взгляд, только и делал, что улыбался, демонстрируя свои прекрасные белые зубы.

— Так свежо, — продолжал он.

У него были большие белые пухлые руки, которыми он размахивал, будто рисуя арабески.

— Великолепная выставка. Закрылась на прошлой неделе. Но позавчера открылась выставка Клода Рафаэля. Идет как будто неплохо. Даже очень хорошо.

— Правда? — спросил Пуаро и, раздвинув серые бархатные портьеры, вошел в длинное помещение.

Он сделал несколько осторожных, неопределенных замечаний. Толстяк взялся за него по-деловому. Он был очень опытен в делах продажи картин. Вы сразу должны почувствовать, что вас всегда рады видеть в этой галерее, даже если вы не делаете никаких покупок. Просто, без всякой цели рассматриваете эти восхитительные картины — хотя, входя в галерею, вы не думали, что они восхитительны. Но выходя, вы убеждены, что их следует определить именно так. Услышав какое-нибудь стандартное любительское замечание, вроде: «эта, пожалуй, мне нравится», мистер Боскомб отвечал таким, например, образом:

— Очень интересно то, что вы сказали, это показывает ваш особый вкус, так сказать. Вы понимаете, конечно, что ваша реакция необычная. Большинство предпочитает что-нибудь — ну, скажем, более ясное, как это, — он указал на синие и зеленые полосы в углу полотна, — но это... да, вы точно определили качество вещи. Я бы сказал — конечно, это мое личное мнение — это один из шедевров Рафаэля.

Пуаро и мистер Боскомб смотрели, наклонив головы в одну сторону, на кривобокий оранжевый алмаз, с которого свешивались на чем-то, что напоминало паучью лапку, два человеческих глаза. Когда было достигнуто взаимопонимание и прошло достаточно много времени, Пуаро спросил:

— Мисс Фрэнсис Кэри работает у вас, не так ли?

— Да. Фрэнсис умная девушка. Очень артистична и в то же время компетентна. Только что вернулась из Португалии, где с успехом организовала для нас выставку. Она и сама неплохая

художница, но без особой творческой жилки. Скорее деловая. Думаю, что она это понимает.

— Я слышал, что покровительствует художникам?

— О да. Поощряет талантливых, убедила меня прошлой весной провести выставку небольшой группы молодых художников. Прошла вполне успешно, была отмечена в прессе, мельком, конечно. Да, у нее есть свои протее.

— Вы знаете, что я довольно старомоден. Некоторые из этих молодых — *Vraiment!*¹ — Пуаро взмахнул руками.

— Ну,— сказал мистер Боскомб снисходительно,— не надо судить по внешнему виду. Просто мода, знаете ли. Бороды, джинсы, длинные волосы. Все это проходит.

— Дэвид, как его там... забыл фамилию, кажется, мисс Кэри высоко его ценит? — спросил Пуаро.

— Вероятно, вы имеете в виду Питера Кардифа? Это ее протее. Я не так уверен в нем, как она. Его в действительности не вполне можно отнести к авангарду. Иной раз совсем Берн-Джонс! Она иногда позирует ему.

— Дэвид Бейкер — вот чье имя я пытался вспомнить,— сказал Пуаро.

— Неплох,— сказал мистер Боскомб без энтузиазма.— Но мало оригинален, по-моему. Он выставлялся на той выставке, о которой я говорил, но не произвел особого впечатления. Неплохой художник, но во многом вторичный.

Пуаро пришел домой. Мисс Лемон дала ему на подпись письма. Затем вошел Джордж и подал ему омлет. После обеда, как только Пуаро уселся с кофе в свое кресло, зазвонил телефон.

— Миссис Оливер, сэр,— сказал Джордж.

Пуаро неохотно взял трубку. Он не хотел говорить с миссис Оливер. Он чувствовал, что она взвалит на него что-нибудь, чего ему не хочется делать.

— Мсье Пуаро?

— Это я.

— И что вы делаете? Что вам удалось?

— Сажу в кресле,— сказал Пуаро.— Думаю,— прибавил он.

— И это все? — сказала миссис Оливер.

— Но это важно, правда, будет ли от этого польза или нет, я не знаю.

— Вы должны найти эту девушку. Ее, наверное, похитили.

— Похоже на то,— сказал Пуаро.— С дневной почтой я получил письмо от ее отца, который просит меня повидаться с ним и рассказать, чего я достиг.

¹ Поистине! (фр.)

— Ну и чего вы достигли?

— Пока ничего.

— Поистине, мсье Пуаро, вы должны поторопить себя.

— И вы тоже!

— Что значит, я тоже?

— Подгоняете меня.

— Почему вы не пошли в то место в Челси, где меня стукнули по голове?

— Чтобы меня тоже стукнули по голове?

— Я просто не понимаю вас, — сказала миссис Оливер. — Это я подсказала вам, как найти девушку в кафе. Вы так сами сказали.

— Знаю, знаю.

— А женщина, которая выбросилась из окна. Вы что-нибудь узнали о ней?

— Да, я навел справки.

— И что?

— Ничего, женщина — такая же, как многие другие. Привлекательны, пока молоды, у них связи, увлечения, потом они становятся менее привлекательны, чувствуют себя несчастными, пьют слишком много, подозревают у себя различные болезни, и, наконец, в отчаянии, от одиночества, бросаются из окна!

— Но смерть той женщины что-то значит?

— Это должно было произойти.

— Вы так думаете? — спросила миссис Оливер и за отсутствием дальнейших пояснений повесила трубку.

Пуаро откинулся в своем кресле, насколько он мог это сделать со своей склонностью сидеть прямо, дал знак Джорджу принести кофе и убрать телефон и принялся за рассуждения о том, что он знает и чего не знает. Чтобы прояснить свои мысли, он стал говорить вслух. И сформулировал три вопроса: «Что я знаю? На что я надеюсь? Что я должен сделать?» Он не был уверен, что расположил их в нужном порядке, и что вообще правильно заданы вопросы, но продолжал размышлять над ними.

— Возможно, я действительно слишком стар, — сказал Пуаро почти в отчаянии. — Что же я знаю?

Но поразмыслив, он решил, что знает слишком много!

«На что я могу надеяться?» Конечно, всегда можно надеяться. Он мог бы надеяться, что его великолепные мозги, значительно превосходящие любые другие, дадут рано или поздно ответ на этот вопрос, который, как он с тревогой ощущал, не вполне понял.

«Что я должен сделать?» Это-то ясно. Прежде всего посетить мистера Эндрю Рестарика, который, несомненно, безумно тревожится о своей дочери и, конечно, осуждает Пуаро, еще не вернувшего ему дочь. Пуаро принимал чувства Рестарика, но ему не хоте-

лось разочаровывать его. Конечно, он мог набрать известный номер и спросить, как идут дела. Но прежде чем сделать это, он вернулся к первому вопросу — «Что я знаю?»

Он знал, что галерея Уэддерберн под подозрением — хотя там не нарушали закон, но без колебаний надували невежественных миллионеров, продавая им сомнительные картины.

Он вспомнил мистера Боскомба — его пухлые белые руки, рот, полный зубов, — и решил, что он ему не нравится. Этот тип почти наверняка занят грязными делами, но, без сомнения, умело скрывает это. Данный факт может пригодиться, так как, вероятно, связан с Дэвидом Бейкером. Затем сам Дэвид Бейкер, Павлин. Что известно о нем? Пуаро встречался с ним, разговаривал и составил определенное мнение. Дэвид мог пойти на любую нечестную сделку ради денег, мог жениться на богатой наследнице из-за денег, его могли и купить. Да, возможно, его купили. Эндрю Рестарик, конечно, подозревал это и, возможно, был прав. Если не...

Его мысли обратились к Эндрю Рестарику, вернее — его портрету. Сильные черты лица, выступающий подбородок, твердый, решительный вид. Потом он подумал о покойной миссис Эндрю Рестарик. Горькие линии ее рта... Съездить еще раз в Кроссхедж, взглядеться в портрет? Ведь в нем может быть ключ к Норме. Норма. Нет. Сейчас он не должен думать о Норме. Что еще там было?

Там еще Мэри Рестарик, у которой, по словам Сони, видимо, есть любовник, потому что она часто ездит в Лондон. Он подумал и пришел к выводу, что Соня не права. Миссис Рестарик ездит в Лондон скорее для того, чтобы приобрести недвижимость, роскошные квартиры, дом в Мэйфер, декораторов, вообще все, что можно купить в столице, имея деньги.

Деньги... Все ведет в конце концов к этому. Деньги. В этом случае дело идет о больших деньгах. Каким-то образом, еще неясным, деньги вошли в игру и сыграли свою роль. Ничто пока не подтверждало его мысль, что трагическая смерть миссис Шарпантье — дело рук Нормы. Ни тени доказательства, ни мотива; и тем не менее ему казалось, что связь есть. Девушка сказала, что «по-видимому, она совершила убийство». Смерть произошла за день или два до этого. Смерть, случившаяся в доме, где она жила. Не слишком ли много совпадений, если нет какой-нибудь связи с этой смертью? Он снова подумал о загадочной болезни Мэри Рестарик. Все так элементарно просто, по классической схеме. Отравление, при котором отравителем был — должен быть — кто-то из домашних. Отравилась ли Мэри Рестарик сама, пытался ли ее отравить муж, дала ли яд Соня? Или преступницей была Норма? Проанализировав все, Эркюль Пуаро должен был признать, что, если исходить из логики, это — Норма.

— И все же,— сказал Пуаро,— поскольку я не могу ничего обнаружить, нет никакого проку от этой логики.

Он вздохнул, поднялся и велел Джорджу сходить за такси. Нужно было отправиться на свидание с Эндрю Рестариком.

Глава 19

Клодии Рис-Холланд сегодня в конторе не было. Вместо нее Пуаро встретила пожилая женщина. Она сказала, что мистер Рестарик ждет его, и проводила в кабинет Рестарика.

— Ну? — Рестарик еле дождался, пока он войдет в дверь. — Как насчет моей дочери?

Пуаро развел руками.

— Пока ничего.

— Но, послушайте, должно же быть что-нибудь — какой-нибудь ключ. Не может же девушка раствориться в воздухе.

— Такое с девушками и раньше бывало, и будет впредь.

— Вы поняли, что я готов на любые расходы? Я... я просто не могу так дальше.

Казалось, что он дошел до предела. Он похудел, а покрасневшие глаза говорили о бессонных ночах.

— Я знаю, как вы тревожитесь, но, уверяю вас, я делаю все возможное, чтобы напасть на ее след. В таких делах, увы, нельзя торопиться.

— Она могла утратить память или, быть может, с ней плохо. Она больна.

Пуаро полагал, что догадывается, отчего Рестарик запнулся. Рестарик собирался сказать: «Быть может, она умерла».

Он сел с другой стороны стола и сказал:

— Поверьте, что я разделяю вашу тревогу, и должен еще раз вам сказать, что вы гораздо скорее бы чего-нибудь добились, если бы обратились в полицию.

— Нет!

— У них большие возможности. Я уверяю вас, что дело не только в деньгах. Деньги не дают того, что может дать специальная организация, где работают профессионалы.

— Ну вот что: ваши уговоры бесполезны. Норма — моя дочь. Моя единственная дочь, единственная плоть и кровь, которая у меня есть.

— Вы уверены, что рассказали мне обо всем?

— Что я могу еще вам рассказать?

— Вам знать, не мне. Были ли, например, какие-нибудь неприятные случаи в прошлом?

— Что вы имеете в виду?

— Какой-нибудь случай, связанный с психической неуравновешенностью.

— Вы думаете, что... что...

— Откуда я знаю? Как я могу знать?

— А откуда я знаю? — сказал Рестарик вдруг с горечью. — Что я знаю о ней? Все эти годы я отсутствовал. Грейс была трудная женщина. Женщина, которая нелегко прощает или забывает. Иногда я чувствую, что не такая женщина должна была воспитывать Норму.

Он встал, прошелся по комнате и снова сел.

— Конечно, я не должен был покидать жену. Я знаю это. Я предоставил ей воспитывать ребенка. Но тогда я думал, что у меня есть некоторое оправдание. Грейс была женщиной с превосходным характером, преданная Норме. Лучший опекун для нее. Но была ли она такой? Была ли в действительности? Некоторые письма Грейс дышали гневом и местью. Я думаю, что это довольно естественно. Но меня не было все эти годы. Я должен был приезжать и узнавать, как ребенок. Это на моей совести. Да что теперь оправдываться?..

Он резко повернул голову.

— Да. Когда я увидел ее снова, я понял, что все поведение Нормы невротическое, импульсивное. Я надеялся, что она и Мэри смогут... смогут со временем жить дружнее, но, признаюсь, я не был уверен, что девушка вполне нормальна. Я понял, что для нее лучше работать в Лондоне и приезжать домой на уик-энды, а не принуждать ее все время находиться в обществе Мэри. О, я думаю, что все испортил. Но где она, мсье Пуаро? Где она? Как вы думаете, могла она утратить память? Такие случаи бывали.

— Да, — сказал Пуаро, — такое может быть. В подобном состоянии она может блуждать, совершенно не сознавая, где она. Или мог случиться несчастный случай, что менее вероятно. Уверяю вас, я справлялся в больницах и других местах.

— Вы не думаете... вы не думаете, что она мертва?

— Мертвого легче найти, чем живого, уверяю вас. Пожалуйста, успокойтесь, мистер Рестарик. Вспомните, что у нее могут быть друзья, о которых вы ничего не знаете. Друзья в любой части Англии, друзья, которых она знала, живя с матерью или с теткой, или друзья ее школьных друзей. Нужно время, чтобы во всем этом разобраться. Может быть — вы должны быть готовы к этому — она с каким-нибудь другом.

— Дэвид Бейкер? Если бы я так думал...

— Она не с Дэвидом Бейкером. Это, — сказал Пуаро сухо, — я установил прежде всего.

— Откуда мне знать, что у нее за друзья? — Он вздохнул. —

Если я найду ее, когда я найду ее — лучше сказать так, я заберу ее отсюда.

— Откуда?

— Из этой страны. Я несчастен, мсье Пуаро, несчастен с тех пор, как вернулся сюда. Я всегда ненавидел лондонскую деловую жизнь. Утомительный круговорот, постоянные консультации с юристами и финансистами. Жизнь, которую я любил, была другой. Путешествовать, переезжать с места на место, проникать в дикие и недоступные места. Вот жизнь по мне. Я никогда бы ее не оставил. Я послал бы за Нормой, чтобы она приехала ко мне, и, как я сказал, когда найду ее, уеду. У меня уже есть интересные предложения. Что ж, я продам компанию на выгодных для покупателя условиях, возьму деньги и вернусь туда, откуда приехал.

— Да? А что скажет на это ваша жена?

— Мэри? Она привыкла к такой жизни. Она оттуда приехала.

— Для женщин с большими деньгами, — сказал Пуаро, — Лондон очень притягателен.

— Она смотрит на это так же, как и я.

На столе зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Да? О, из Манчестера? Да. Если это Клодия Рис-Холланд, соедините.

Он подождал минуту.

— Алло, Клодия. Да. Говорите громче — очень плохо слышно. Они согласны?.. Жаль... Нет, я думаю, вы сделали очень хорошо... Правильно... Тогда все в порядке. Возвращайтесь вечерним поездом. Обсудим это завтра утром.

Он положил трубку на место.

— Деловая девушка, — сказал он.

— Мисс Рис-Холланд?

— Да. Весьма компетентна. Очень помогает мне. Я дал ей карт-бланш на заключение этой сделки в Манчестере. И она сделала все замечательно. Во многом она не хуже мужчин.

Он взглянул на Пуаро, возвращаясь к прерванному разговору.

— Ах, да, мсье Пуаро. Боюсь, что я немного отвлекся. Нужны ли вам деньги на расходы?

— Нет, мсье. Уверю вас, что я делаю все, что в моих силах, чтобы вернуть вашу дочь живой и невредимой. Я предпринял все возможное для ее безопасности.

Выйдя на улицу, Пуаро взглянул на небо.

— Четкий ответ на один вопрос, — сказал он, — вот что мне нужно.

Эркуль Пуаро взглянул на величественный фасад дома в георгианском стиле, из каких еще недавно состояла спокойная улица в старомодном торговом городе. Прогресс решительно наступал, но новый универмаг, магазины, кафе и роскошный новый банк заняли все удобные места на Крофт-Роуд и не вторглись на узкую Хай-стрит.

Медный молоток на двери отполирован до блеска, с одобрением заметил Пуаро. Он нажал звонок. Ему почти сразу открыла высокая энергичная женщина с зачесанными вверх седыми волосами.

— Мсье Пуаро? Вы очень точны. Входите.

— Мисс Бэттерсби?

— Вы правы.

Пуаро вошел. Она закрыла дверь. Она положила его шляпу на вешалку в прихожей и ввела в приятную комнату, выходящую в узкий огороженный садик. Затем она указала ему на стул и села сама.

— Вы, как я полагаю, возглавляли раньше школу Медоу-филд? — спросил Пуаро.

— Да. Я ушла в отставку год назад. Я догадалась, что вы хотите повидать меня по поводу моей бывшей ученицы Нормы Рестарик.

— Это верно.

— В ваших письмах, — сказала мисс Бэттерсби, — вы не сообщили мне подробности. — Она прибавила: — Могу добавить, что мне известно, кто вы, мсье Пуаро. Поэтому мне нужно кое-что узнать, прежде чем продолжать. Предполагаете ли вы, например, взять ее на работу?

— Нет, у меня нет такого намерения.

— Зная, какова ваша профессия, вы понимаете, почему я хочу дополнительных пояснений. Может быть, вас просили обратиться ко мне родственники Нормы Рестарик?

— Вы вновь не угадали, — сказал Эркуль Пуаро. — Сейчас я объясню.

— Благодарю вас.

— Дело в том, что меня нанял отец мисс Рестарик.

— Ах вот что. Он, кажется, после долгих лет отсутствия недавно вернулся в Англию.

— Это так.

— Но вы не принесли мне рекомендательного письма от него?

— Я его об этом не просил.

Мисс Бэттерсби испытующе посмотрела на него.

— Он мог настаивать на том, чтобы пойти со мной, — сказал

Эркюль Пуаро. — Это помешало бы мне задавать вопросы, которые я хочу задать, потому что, похоже, ответы на них могут быть неприятны ему. И незачем доставлять ему больше страданий, чем он испытывает сейчас.

— С Нормой что-нибудь случилось?

— Надеюсь, что нет... Однако это не исключено. Вы помните девушку, мисс Бэттерсби?

— Я помню всех своих учениц. У меня отличная память. Во всяком случае Медоуфилд не такая уж большая школа. Двести девочек, не больше.

— А почему вы ушли оттуда, мисс Бэттерсби?

— Ну, мсье Пуаро, мне кажется, это вас не касается.

— Извините, я просто удовлетворяю свое вполне естественное любопытство.

— Мне семьдесят лет. Это не причина?

— В вашем случае — нет. Мне кажется, что вы полны сил и вполне способны руководить школой еще много лет.

— Времена меняются, мсье Пуаро. Это не всегда приятно. Я удовлетворю ваше любопытство. Я обнаружила, что мне не хватает терпения общаться с родителями. Они относятся к дочерям близоруко и, нередко, очень глупо. Но не думайте, что я веду праздную жизнь. Я готовлю студентов к выпускным экзаменам. А теперь могу я узнать причину вашего интереса к Норме Рестарик?

— Есть повод для тревоги. Она исчезла.

Мисс Бэттерсби никак не отреагировала на это.

— Вот как? Говоря «исчезла», вы, я полагаю, хотите сказать, что она покинула свой дом, не сообщив родителям, куда направляется. Ах да, мне кажется, ее мать умерла, значит, не сказав отцу, куда уезжает. Это не так уж необычно в наше время, мсье Пуаро. Мистер Рестарик не обратился в полицию?

— В этом он непреклонен. Он решительно отказался.

— Могу заверить вас, что не знаю, где девушка. Я ничего о ней не слышала. Я вообще не имею никаких вестей от нее с тех пор, как она оставила Медоуфилд. Поэтому, боюсь, я не смогу вам ничем помочь.

— А мне нужны совсем иные сведения. Я хочу знать, что это за девушка, как вы бы описали ее. Я имею в виду не внешность, а личность и характер.

— Норма была совершенно обычной девочкой. У нее не было блестящих успехов, но она училась нормально.

— Она — не невротического типа?

Мисс Бэттерсби задумалась. Потом она проговорила:

— Нет, я бы так не сказала. Не более, чем можно ожидать при ее домашних обстоятельствах.

— Вы имеете в виду ее больную мать?

— Да. Она пришла из разрушенной семьи. Отец, к которому как я думаю, она была очень привязана, внезапно ушел из дома с другой женщиной — факт, которым ее мать, совершенно естественно, была возмущена. Вероятно, своими возмущенными речами она расстраивала свою дочь больше, чем это было бы желательно.

— Может быть, мы подойдем ближе к делу, если я спрошу ваше мнение о покойной миссис Рестарик?

— Вас интересует мое личное мнение?

— Да, если не возражаете.

— Нет, я без колебаний отвечу на ваш вопрос. Домашние условия очень важны в жизни девушки, и я всегда изучала их, насколько возможно, по доходившей до меня скудной информации. Я бы сказала, что миссис Рестарик была достойная и честная женщина. Уверенная в своей правоте, пострадавшая в жизни из-за своей крайней глупости.

— Ах так, — сказал Пуаро одобрительно.

— Кроме того, она была, скажу вам, псевдобольная, то есть принадлежала к числу женщин, которые сильно преувеличивают тяжесть своего положения и много времени проводят в лечебницах. Плохая домашняя обстановка для девочки, особенно такой, как Норма — без ярко выраженной индивидуальности. У Нормы не было интеллектуальных стремлений, она не доверяла себе, и я не рекомендовала бы этой девушке стремиться к карьере. Приятная несложная работа, потом замужество и дети — вот на что я надеялась для нее.

— Вы не видели — простите меня за этот вопрос — каких-нибудь признаков психической неуравновешенности?

— Психической неуравновешенности? — спросила мисс Бэттерсби. — Вздор!

— Вы уверены в этом? И она вовсе не была невротичкой?

— Всякая девушка или почти всякая может быть нервной, особенно в переходном возрасте и при первых столкновениях с окружающим миром. Она еще незрела и нуждается в руководстве при первом соприкосновении с проблемами пола. Девушек часто привлекают совершенно неподходящие, а иногда даже опасные молодые люди. А в нынешнее время ни родители, ни кто-нибудь другой не может предохранить их от этого, поэтому они часто проходят через период истерической страсти, иной раз вступая в неподходящий брак, вскоре кончающийся разводом.

— Но у Нормы не было признаков психической неуравновешенности? — настаивал Пуаро.

— Она эмоциональна, но вполне нормальна, — сказала мисс

Бэттерсби.— Психическая неуравновешенность! Как я уже сказала, это вздор! Может быть, она убежала с каким-нибудь молодым человеком, чтобы выйти за него замуж — и это вполне нормально!

Глава 21

Пуаро сидел в своем большом квадратном кресле. Его руки покоились на подлокотниках, он глядел на каминную полку, не видя ее. Рядом стоял маленький стол, на котором были аккуратно сложены разные документы: отчеты мистера Гоби, информация, полученная от друга Пуаро, старшего инспектора Нила, подборка, озаглавленная «Молва, сплетни, слухи».

В данный момент ему не было нужды сверяться с этими документами. Он уже тщательно прочел их и положил здесь на случай, если нужно будет проверить какой-нибудь факт. Он хотел суммировать все, что он узнал, ибо был уверен, что должна сложиться целостная картина. Он обдумывал теперь, как подойти к этому. Пуаро был не из числа тех, кто рассчитывает на какую-то особую интуицию. Нет, речь шла не об интуиции, но о чувствах. Важны были не сами чувства, а то, что могло их вызвать. Интересна была причина, и причина часто оказывалась неожиданной. Нередко до нее можно было дойти с помощью логики, здравого смысла и знания.

Что же он чувствовал в данном случае? Что за случай перед ним? Начнем с общего, затем перейдем к частностям. Каковы наиболее рельефные факты в этом деле?

Одним из них были деньги, хотя он не знал, как они тут задействованы. Так или иначе, деньги... Он чувствовал также, и чем дальше, тем яснее, что где-то здесь таится зло. Он знал зло. Он встречался с ним ранее. Он знал его звук, его вкус, путь, которым оно идет. Беда была в том, что еще не знал точно, где оно тут. Он предпринял известные шаги, чтобы победить зло. Он надеялся, что их будет достаточно. Что-то происходило, что-то развивалось и это еще не пришло к своему концу. Кто-то где-то был в опасности.

Трудность была в том, что факты указывали на два направления. Если лицо, о котором он думал, действительно в опасности, то неясны причины этого. Не было мотива. Если же это лицо не было в опасности, то все следовало перевернуть... Тогда следовало бы взглянуть на факты с совершенно противоположной точки зрения.

Не придя к определенному решению, Пуаро перешел к конкретным людям. Какую картину создают они? Какую роль играют?

Первый — Эндрю Рестарик. Он собрал массу сведений об Эндрю Рестарике. Обрисовал всю историю его жизни до и после

отъезда за границу. Неугомонный человек, никогда не придерживавшийся одного места или цели, но всеми любимый. Ничего дурного, никакой фальши или хитрости. Может быть, не очень сильная личность! Слабый в ряде отношений?

Пуаро нахмурился, он не испытывал удовлетворения. Этот образ чем-то не сходился с лично знакомым ему Эндрю Рестариком, явно не слабым человеком, с выдающимся подбородком, твердыми глазами, решительным видом. Бизнесмен, добившийся успеха в Южной Африке и Южной Америке. Сильно разбогатев, он привез домой историю своего успеха, не омраченной ни одной неудачей. Как же он мог быть раньше слабой личностью? Слабой, вероятно, только в том, что касалось женщин. Он сделал ошибку — женился не на той женщине... Может быть, его подтолкнула к этому его семья? А потом он встретил другую. И одну ли? Или их было несколько? Трудно найти подобные данные через столько лет. Конечно, он не пользовался славой неверного мужа. У него был нормальный дом, он любил, по всей видимости, свою маленькую дочь. Но потом он встретился с женщиной, которую полюбил настолько, что бросил свой дом и покинул свою страну. Это была настоящая любовь.

Но нет ли тут дополнительного мотива? Ненависть к конторской работе, к лондонской повседневной деловой рутине? Возможно это соответствует общей картине. Кроме того, он, казалось, был склонен к одиночеству. Его все любили, и здесь, и за границей, но близких друзей как будто не было. Вообще-то и трудно было ему завести близких друзей за границей, потому что он никогда не задерживался надолго в одном месте. Он ввязывался в какое-нибудь рискованное предприятие, пробовал, добивался успеха, потом ему надоело и он переходил к чему-нибудь еще. Настоящий скиталец!

И все-таки это не вполне сходилось с образом лично знакомого ему человека... Картина? Слово вызвало воспоминание о картине, висевшей в кабинете Рестарика, на стене над столом. Это был его портрет пятнадцатилетней давности. Как изменили эти пятнадцать лет сидевшего там человека? В целом — удивительно мало! Больше седины в волосах, отяжелели плечи, но характерные черты лица — все те же. Выразительное лицо. Человек, который знает, что хочет, и намерен этого добиться. Человек риска. Довольно жестокий человек.

Интересно, почему Рестарик перевез эту картину в Лондон? Парные портреты мужа и жены следовало бы оставить вместе. Психолог сказал бы, что подсознательно Рестарик хотел еще раз отделить себя от своей первой жены. Не старался ли он еще раз мысленно отойти от нее, хотя она умерла? Интересный момент...

Картины, вероятно, привезли со склада вместе с разными другими предметами обстановки. Мэри Рестарик несомненно отобрала какие-то личные вещи, чтобы дополнить обстановку в Кроссхедже, где сэр Родерик предоставил им помещение. Его заинтересовало, почему Мэри Рестарик, новая жена, пожелала повесить именно эту пару портретов. Более естественно было бы повесить портрет первой жены на чердаке! Но потом он рассудил, что она, возможно, не могла в Кроссхедже использовать чердак для ненужных вещей. Вероятно, сэр Родерик предоставил помещение только для немногих фамильных вещей, пока не будет найден подходящий дом в Лондоне. Так что это не имело значения и проще всего было повесить оба портрета рядом. Кроме того, Мэри Рестарик казалась рассудительной женщиной — не ревнивой и не эмоциональной.

— Все же, — подумал Эркуль Пуаро, — все женщины способны на ревность, иногда даже те, от которых меньше всего этого ждешь!

Его мысли перешли к Мэри Рестарик, и он, в свою очередь, стал размышлять о ней. Его поразило, и это было действительно странно, что он так мало думал о ней! Он видел ее только раз, и по той или иной причине, она не произвела на него особого впечатления. Известная деловитость, думал он, и еще некоторая — как бы это сказать — искусственность? («Но тут, друг мой, — сказал Эркуль Пуаро, — тоже в скобках, — тут ты должен обдумать ее парик!»).

Это действительно нелепо, что так мало известно об этой женщине. Об умелой женщине, которая носила парик, была красива, рассудительна и способна сердиться. Да, она разгневалась, когда обнаружила этого Павлина блуждающим без приглашения в ее доме. Она выставила его резко и без колебаний. А парень — каким он казался? Забавлялся, не более того. А она разозлилась, очень разозлилась, обнаружив его там. Вообще-то это довольно естественно. Никакая мать не выбрала бы его для своей дочери.

Пуаро внезапно прервал ход своих мыслей и с досадой покачал головой. Мэри Рестарик не была матерью Нормы. У нее не должно быть болезненных опасений, что дочь вступит в неподходящий, несчастный брак или объявит о незаконном ребенке от неподобающего отца! Что чувствовала Мэри Рестарик к Норме? Начать с того, по-видимому, что Норма была очень беспокойная девушка, которая познакомилась с молодым человеком, явно раздражавшим Эндрю Рестарика. Ну, а потом? Что она думала о падчерице, которая явно пыталась ее отравить?

Ее отношение было, кажется, разумным. Она желала удалить Норму из дома, уберечь себя от опасности и помочь мужу избежать скандала в связи с происшедшим. Чтобы сохранить видимость нормальных отношений, Норма иногда приезжала на уикэнд, но

жизнь ее с этого времени была связана с Лондоном. Многие девушки теперь живут вне своих семей, так что эта проблема была улажена.

Но Пуаро еще не решил вопрос, кто же дал яд Мэри Рестарик? Сам Рестарик полагал, что это его дочь... Но Пуаро желал знать точно.

Его мысли обратились к Соне. Что она делала в этом доме? Почему приехала туда? Она совершенно приручила сэра Родерика — быть может, она не хотела возвращаться в свою страну? Возможно, ее планы были чисто матримониальными — старики в возрасте сэра Родерика часто женятся на хорошеньких молодых девушках. Твердое общественное положение, а впереди вдовство и приличный доход — Соня стремится к этому или у нее совсем иные цели? Уехала ли она в Кью-Гарденз с бумагами сэра Родерика, вложив их между страницами книги? И не Соня ли доставляла яд, который, постепенно накапливаясь в организме, заставлял предполагать, что это простое желудочное расстройство?

На некоторое время он отвлекся от семейства в Кроссхедже, мысленно отправился, подобно Норме, в Лондон и перешел к размышлениям о трех девушках из одной квартиры.

Клодия Рис-Холланд, Фрэнсис Кэри, Норма Рестарик. Клодия Рис-Холланд, дочь известного парламентария, состоятельная, хорошо воспитанная, красивая, первоклассная секретарша. Фрэнсис Кэри, дочь провинциального юриста, художница, какое-то время училась в театральном училище, теперь работает в художественной галерее. Хорошо зарабатывает, рисует, имеет связи с богемой. Она знакома с молодым человеком Дэвидом Бейкером, хотя, по-видимому, не очень близко. Может, она влюблена в него? Он принадлежит к числу тех юношей, подумал Пуаро, которые не нравятся родителям, государственным служащим и полиции. Чем же они привлекают девушек из хороших семей, Пуаро не мог понять. Но это нужно принять как факт. А что он сам думает о Дэвиде?

Красивый дерзкий юноша, которого он впервые увидел в Кроссхедже, когда тот разыскивал Норму (или что-то другое, кто знает?). Он встретил его снова, когда предложил подвезти в своей машине. Пуаро придвинул к себе одну из бумаг со стола и перечитал ее. Неприглядные поступки, но не настоящие преступления: мелкое мошенничество в гаражах, хулиганства, дважды привлекался полицией. Все это сейчас нередко встречается. Считался подающим надежды художником, но бросил живопись. Он не способен к постоянной работе. Тщеславен, горд, а в любви важничает как павлин, благодаря своей внешности.

Пуаро протянул руку и взял клочок бумаги, на котором была наспех нацарапана запись разговора Нормы и Дэвида в кафе —

насколько миссис Оливер могла припомнить его. И насколько точна запись? Пуаро с сомнением покачал головой. Никогда не знаешь, в каком месте имеешь дело с воображением миссис Оливер, а не с действительностью. Влюблен ли юноша в Норму, действительно ли хочет на ней жениться? В ее чувствах к нему нельзя сомневаться. Он предложил жениться на ней. Получила бы Норма в этом случае от отца собственные деньги? Она — дочь богатого человека, но это не одно и то же, что иметь свои деньги. Пуаро издал восклицание, означавшее досаду. Он забыл выяснить условия завещания покойной миссис Рестарик. Он перелистал свои заметки. Нет, мистер Гоби не упустил этого. По-видимому, в течение своей жизни миссис Рестарик получала хорошее обеспечение от мужа. Возможно, у нее был и собственный доход, возможно, до тысячи в год. Все, что у нее было, она оставила дочери. Вряд ли эта сумма была столь велика, что могла бы стать мотивом для женитьбы, подумал Пуаро. Вероятно, как единственный ребенок, она унаследовала бы много денег после смерти своего отца, но нет никакой гарантии. Отец мог оставить ей очень мало, если бы не взлюбил человека, за которого она вышла замуж.

Итак, Дэвид любит ее, поскольку хочет жениться на ней. И все же Пуаро покачал головой. Уже в пятый раз ему пришлось сделать этот жест. Все факты не вязались друг с другом, не создавали целостной картины. Он вспомнил стол Рестарика и чек на нем — явно, чтобы купить молодого человека, а молодой человек столь же явно не хотел согласиться с этим. Концы с концами опять не сходились. Чек — несомненно Дэвиду Бейкеру, и на очень большую, несообразно большую сумму. Эта сумма могла соблазнить молодого человека без денег и твердых моральных устоев. Однако Дэвид сделал ей предложение только за день до этого. Это, конечно, мог быть только ход в игре — ход с целью повысить цену, которой он добивался.

Рестарик должен был очень заботиться о дочери, если пожелал уплатить такую сумму; и должен был слишком бояться, что девушка твердо решила выйти замуж.

От мыслей о Рестарике он перешел к Клодии. Клодия и Эндрю Рестарик. Случайно ли то, что она стала его секретарем? У них могла быть связь. Клодия. Он подумал о ней. Три девушки в квартире, квартире Клодии Рис-Холланд. Это она первой наняла квартиру и делила ее сперва с подругой, а потом с другой девушкой, «третьей девушкой». Третья девушка, подумал Пуаро. Да, все время приходишь к этому. Третья девушка. Вот к чему он пришел в конце концов. К чему он должен был прийти. Вот к чему привели его размышления о картине. К Норме Рестарик.

Девушка, которая пришла посоветоваться с ним, когда он завт-

ракал. Девушка, к которой он присел в кафе, где она только что ела печеные бобы с любимым парнем. И что он может сказать о ней? Во-первых, что думали о ней другие люди? Рестарик заболел и тревожился о ней, был очень испуган из-за нее. Он не просто подозревал, он, по-видимому, был абсолютно уверен, что она пыталась отравить его жену. Он советовался о ней с врачом, но он не был уверен, что это что-нибудь даст. Врачи неохотно делятся медицинской информацией с кем бы то ни было, кроме родителей и полиции. Но Пуаро и так легко мог представить, что сказал врач. Он был осторожен, думал Пуаро, как обычно. Он запинался и мямлил и, вероятно, говорил о лечении. Он не упирал на психические отклонения, но, конечно, намекал на это. Фактически врач, по-видимому, был уверен, что именно в этом причина. Но он немало знал о девушках-истеричках и о том, что они часто совершают подобные поступки не из-за психического заболевания, а скорее под влиянием сильного гнева или ревности. Сам он не был ни психиатром, ни невропатологом. Обыкновенный врач, который не мог позволить себе сказать то, в чем он не был уверен, но осторожно рекомендовал общеизвестные вещи. Найти работу где-нибудь — работу в Лондоне, а позднее, возможно, лечение у специалиста.

А что другие думали о Норме Рестарик? Клодия Рис-Холланд? Он не знал. И не потому, что он вообще мало знал о ней. Она была способна скрыть любой секрет, ничто у нее не просочилось бы вовне, если бы она сама этого не пожелала. Никаких признаков того, что она хочет избавиться от Нормы, не было, и она сделала бы это, если бы опасалась за ее психическое состояние. Вероятно, она не очень-то обсуждала с Фрэнсис этот вопрос, поскольку Фрэнсис случайно проговорила, что Норма не вернулась после уикэнда. Клодия беспокоилась по этому поводу. Она умница, подумал Пуаро, и деловая... Он вернулся к Норме, вновь к этой «третьей девушке». Каково же было ее место в этой картине? Место, которое свело бы все воедино. Офелия? — думал он. Но существует две трагедии Офелии. Была Офелия сумасшедшей или притворялась ею? Актрисы (да и режиссеры) не сходились в том, как исполнять эту роль. И Гамлет — был он болен или здоров? Выберите. Была Офелия сумасшедшей или нормальной?

Рестарик не употребил слова «сумасшедшая» по отношению к своей дочери. Все предпочитали говорить «психически неуравновешенная». Употребляли, говоря о Норме, и слово «тронулась». «Она немного тронулась». «Не совсем в себе». «У нее не все дома, если вы понимаете, что я имею в виду». Хорошо ли разбирается в этом прислуга? Пуаро считал, что да. В Норме, конечно, есть что-то странное, но странность может иметь совсем другую природу. Он вспомнил картину, которая висела у нее в комнате: современ-

ная девушка, которая выглядит точно так же, как многие другие девушки. Мягкие волосы, свисающие на плечи, бесформенное платье, худые колени — на его старомодный взгляд это выглядело так, будто взрослая девушка изображает из себя ребенка.

«Извините, вы слишком старый».

Наверно, это правда. Он смотрел на нее глазами старика, без восхищения, для него она была девушкой без желания нравиться, без кокетства. Девушка без ощущения своей женственности — в ней нет обаяния, или тайны, или соблазна — ей нечего предложить, кроме просто биологического секса. Поэтому она, наверное, была права, осуждая его. Он не мог ей помочь, потому что не понял ее, даже не мог ее оценить. Он сделал для нее все от него зависящее, но что это значило теперь? Что он сделал для нее со времени обращения к нему? Ответ пришел быстро. Он обеспечил ей безопасность. По крайней мере это. Если она действительно в этом нуждалась. Вот в этом-то и было все дело. Хотела ли она, чтобы ей обеспечили безопасность? Это невероятное признание! Фактически не столько признание, сколько объявление: «Я, по-видимому, совершила убийство».

Задержись на этом, ибо в этом суть всего дела. Это твое ремесло. Иметь дело с убийством, расследовать убийство, предотвращать убийство. Быть умелой ищейкой в поисках убийства. Объявлено убийство. Убийство где-то. Он искал его и не нашел. Случай с мышьяком в супе? Случай с юными хулиганами, которые устроили поножовщину? Смешная и мрачная фраза: «Пятна крови во дворе». Выстрел из револьвера. В кого и почему?

Это не то, что должно быть, не то преступление, которое соответствует ее словам: «Я, по-видимому, совершила убийство». Он наткнулся на него, пытаясь найти модель преступления, понять, как вписывается в эту схему третья девушка, и снова возвращаясь все к той же необходимости узнать, что это в действительности за девушка.

Случайная фраза Ариадны Оливер пролила, как ему показалось, свет на эту загадку. Предполагаемое самоубийство женщины в Бороден Мэншнз. Это подошло бы. Это было там, где жила третья девушка. Это вполне может быть тем убийством, которое она имела в виду. Если бы там произошло и другое убийство, это было бы поразительным совпадением! Да и не было признаков другого убийства, совершенного примерно в это же время. Никакой другой смерти, которая могла побудить ее прийти посоветоваться с ним, после того, как она услышала на вечере от миссис Оливер щедрые восхваления его успехов. И когда миссис Оливер обмолвилась о женщине, выбросившейся из окна, ему показалось, что он, наконец, нашел то, что искал.

Здесь был ключ. Ответ на его затруднения. Тут он нашел то, в чем нуждался. Почему, когда, где!

— Какое разочарование, — вслух сказал Эркюль Пуаро.

Он протянул руку и перелистал аккуратно отпечатанную биографию — простые факты из жизни миссис Шарпантье. О сорока-трехлетней женщине с хорошим общественным положением сообщалось, что она была сластолюбива — два брака — два развода; женщина, которая любила мужчин. В последние годы она сильно пила. Женщина, которая любила вечеринки. Женщина, о которой сообщалось, что она встречается с мужчинами много моложе себя. Жила одна в квартире в Бороден Мэншнз. Пуаро мог понять и почувствовать, что это за женщина и какой она была когда-то, и почему такая женщина могла броситься из высокого окна, проснувшись рано утром в отчаянии.

Потому что у нее был рак или она думала, что у нее рак? Но в медицинском свидетельстве определенно сказано, что это не так.

Все, что ему было нужно, это хоть какая-нибудь связь с Нормой Рестарик. Он не мог ее найти. Он снова перечитал сухие факты.

Установление поверенным личности на дознании. Луиза Карпентер, хотя она пользовалась своей фамилией на французский лад — Шарпантье. Потому что это больше подходило к ее имени? Луиза? Почему имя Луиза ему знакомо? Случайное упоминание? Чья-то фраза? Его пальцы пробежались по машинописным листкам. А! Вот оно! Как раз нужное место. Девушку, ради которой Эндрю Рестарик бросил свою жену, звали Луиза Бирелл. Лицо, имевшее, как доказано, мало значения в последующей жизни Рестарика. Они ссорились и через год расстались. Та же схема, подумал Пуаро. То же, что сопровождало всю жизнь такой женщины. Страстно любить мужчину, возможно, разрушить его семью, жить с ним, потом поссориться и бросить его. Он был уверен, абсолютно уверен, что Луиза Шарпантье — это та самая Луиза.

Если так, то есть ли тут связь с Нормой? Встречались ли Рестарик и Луиза Шарпантье после того, как он вернулся в Англию? Пуаро сомневался в этом. Их судьбы разошлись много лет назад. Не похоже, что они снова встречались. Это было мимолетное и неглубокое увлечение. Его нынешняя жена вряд ли могла так ревновать мужа к его прошлому, чтобы выбросить его прежнюю любовницу из окна. Смешно! Он знал лишь одно лицо, которое могло питать злобу много лет и желать отомстить женщине, разрушившей ее семью, — первую миссис Рестарик. И это невозможно — ведь первая миссис Рестарик умерла!

Зазвонил телефон. Пуаро не двинулся с места. Именно сейчас он не хотел, чтобы его беспокоили. У него было чувство, что он

ухватил какой-то кончик... Он хотел идти дальше по этому следу... Телефон замолчал. Хорошо. Значит, мисс Лемон взяла трубку.

Дверь открылась, и вошла мисс Лемон.

— Миссис Оливер хочет говорить с вами,— сказала она.

Пуаро махнул рукой.

— Не сейчас, не сейчас, прошу вас!

— Она говорит, есть что-то, о чем она забыла вам сказать. О бумажке — неоконченном письме, выпавшем из ящика стола при погрузке в фургон для перевозки мебели. Довольно бессвязная история,— добавила мисс Лемон с оттенком неодобрения в голосе.

Пуаро замахал рукой еще сильнее.

— Не сейчас,— твердил он.— Прошу вас, не сейчас.

— Я скажу ей, что вы заняты.

Мисс Лемон удалилась.

Пуаро вернулся к своим размышлениям. Он почувствовал, как сильно он устал. Слишком много думал. Он должен отдохнуть. Нужно снять напряжение — расслабиться, и сложится картина. Он закрыл глаза. Все компоненты — налицо. Теперь он уверен в этом, извне он ничего больше не узнает. Это должно прийти изнутри.

И совершенно внезапно — именно в момент, когда глаза уже слипались — это пришло...

Все было тут — и ждало его! Он должен еще над этим поработать. Но он знает теперь. Все факты, все не связанные между собой фрагменты,— все сходилось. Парик, портрет, пять часов утра, женщина и ее прическа, юноша Павлин — все ведет к словам, с которых это началось:

«Я, по-видимому, совершила убийство...» Конечно!

Смешная детская песенка пришла ему в голову. Он повторил ее вслух.

Плывут втроем в большой бадье.

И кто ж они такие?

Мясник, и пекарь и аптекарь...

Плохо — он не мог вспомнить последнюю строку.

Пекарь, да, можно притянуть и мясника...

Он попытался спародировать это в женском роде:

Бом, бом, живут они втроем.

И кто ж они такие?

Помощница, художница,

А третья

Вошла мисс Лемон.

— А, я вспомнил теперь — «И все они чудные!»

Мисс Лемон посмотрела на него с тревогой.

— Доктор Стиллингфлит настаивает на том, чтобы немедленно поговорить с вами. Он говорит, что это срочно.

— Скажите доктору Стиллингфлиту, чтобы он... вы говорите, доктор Стиллингфлит?

Промчавшись мимо нее, он схватил трубку:

— Слушаю! Это Пуаро! Что-нибудь случилось?

— Она ушла от меня.

— Что?!

— То, что вы слышите. Она ушла.

— И вы позволили ей уйти?

— А что я мог сделать?

— Вы должны были остановить ее.

— Нет.

— Это безумие — позволить ей уйти.

— Нет.

— Вы не понимаете.

— Таково было условие. Она была вольна уйти в любое время.

— Вы не понимаете, что может произойти.

— Хорошо, я не понимаю. Но я знаю, что делаю. Если я не позволю ей уйти, все, что я сделал для нее, идет прахом. А я работал с ней. У нас с вами разные задачи. Говорю вам, что я кое-чего достиг. Достиг и был совершенно уверен, что она не захочет уйти от меня.

— О да. А потом, друг мой, она ушла.

— Откровенно говоря, я не могу этого понять. Я не вижу причины.

— Что-то случилось.

— Да, но что?

— Она кого-то увидела, кто-то с ней поговорил, кто-то узнал, где она.

— Я не знаю, как это могло случиться... Но вы не учитываете, что она была свободна в своих действиях. Она должна была иметь эту свободу.

— Кто-то нашел ее. Кто-то узнал, где она. Не получала ли она письма, телеграммы, не звонили ли ей?

— Нет, ничего подобного не было. В этом я совершенно уверен.

— Тогда как же? А, конечно! Газеты. Я полагаю, у вас получают газеты?

— Конечно. Нормальная повседневная жизнь — вот на чем построено мое дело.

— Тогда вот как они к ней проникли. Нормальная повседневная жизнь. Какие газеты вы получаете?

— Пять, — он назвал их.

— Когда она ушла?

— Сегодня утром. В половине одиннадцатого.

— Все сходится. Ушла после того, как прочла газеты. С этого и надо начать. Какую газету она обычно читала?

— Не думаю, чтобы она особенно выбирала. Проглядывала то одну, то другую, а то и все.

— Ну хорошо, больше я не могу терять время на разговоры.

— Вы думаете, что она увидела обращение. Что-то в этом роде?

— Какое другое может быть объяснение? До свидания, сейчас я больше не могу говорить. Мне нужно искать. Искать возможное обращение и быстро найти его.

Он положил трубку.

— Мисс Лемон, принесите мне наши газеты. «Монинг ньюс» и «Дэйли комет». Пошлите Джорджа за остальными.

Открыв раздел объявлений и тщательно их просматривая, он продолжал размышлять.

У него нет времени. Он должен успеть... Уже было одно убийство. Ожидается другое. Но он, Эркюль Пуаро, предотвратит его... Если успеет вовремя... Он — Эркюль Пуаро, мститель за невинных.

Вошел Джордж с пачкой газет.

— Здесь все утренние, сэр.

Пуаро посмотрел на мисс Лемон и обратился к ней:

— Просмотрите еще раз те, что я уже проглядел, на случай, если я что-нибудь пропустил.

— Вы имеете в виду раздел объявлений?

— Да. Я думаю, там может быть имя Дэвид. Имя девушки. Ласкательное или прозвище. Они не употребили бы имя Норма. Просьба о помощи, возможно, или о встрече.

Мисс Лемон покорно, но с отвращением, взяла газеты. Не ее это род деятельности, но в этот момент у него не было для нее другой работы. Сам он взялся за «Монинг Кроникл». Там было обширное поле для поисков. Три колонки. Он склонился над развернутым листом.

Дама, желающая избавиться от своей меховой шубы... Ищут пассажиров для автомобильной поездки за границу... Прекрасное время для продажи домов... Пропавшие дети... Домашний шоколад... «Джулия. Никогда не забуду. Всегда твой». Это поближе к делу. Он задержался на этом, но двинулся дальше... Мебель Людовика XV... Пожилая дама может помочь в руководстве отелем... «В отчаянной беде. Необходимо тебя видеть. Непременно приходи в квартиру в 4.30. Наш код — Голиаф».

Он услышал звонок в дверь в тот момент, когда кричал: «Джордж, такси!». Пуаро накинул пальто и вышел в прихожую, а Джордж в это время открывал дверь миссис Оливер.

Фрэнсис Кэри со своим чемоданчиком шла по Мандевиль-Роуд, болтая с приятельницей, которую встретила на углу, направляясь к корпусам Бороден Мэншнз.

— Ну, Фрэнсис, это здание похоже на тюрьму.

— Чепуха, Эйлин. Говорю тебе, наша квартира весьма удобная. Мне очень повезло, и с Клодией прекрасно жить вместе — никогда не беспокоит. Она нашла хорошую уборщицу, теперь квартира в полном порядке.

— А вас там только двое? Мне казалось, вы пригласили третью девушку.

— Да, но она, кажется, ушла от нас.

— Ты хочешь сказать, она не платит?

— Нет, наверное, платит. Я думаю, у нее роман с каким-нибудь парнем.

— А ты теперь откуда возвращаешься?

— Из Манчестера. Проводила выставку частной коллекции. Она имела большой успех.

— Ты действительно поедешь в Вену в следующем месяце?

— Думаю, да. Договоренность уже есть. Очень занято.

— А вдруг какие-нибудь картины украдут, это ведь ужасно?

— О, они все застрахованы, — сказала Фрэнсис, — все действительно ценные, во всяком случае.

— Как прошла выставка твоего друга Питера?

— Боюсь, не так уж хорошо. Но был хороший отзыв в «Артисте», а это чего-то стоит.

Фрэнсис повернула к Бороден Мэншнз, а ее приятельница пошла вниз по улице к своему маленькому домику. Фрэнсис поздоровалась со швейцаром и поднялась на лифте на шестой этаж. Она прошла по площадке, мурлыкая песенку, и вставила ключ в дверь. В холле было темно. Клодия должна вернуться со службы часа через полтора. Но в общей комнате, дверь которой была открыта, горел свет.

Фрэнсис сказала вслух: «Свет включен. Это странно». Она сняла пальто, бросила чемоданчик, открыла дверь комнаты, вошла... и остановилась в изумлении. Она просто оцепенела — ее глаза остановились на фигуре, распростертой на полу; потом она подняла их на зеркало, висевшее на стене и отразившее ее перепуганное лицо...

Затем она глубоко вздохнула. Оцепенение прошло. Она откинула голову назад и закричала. Споткнувшись о чемодан на полу в прихожей и отбросив его в сторону, она выбежала из квартиры на лестничную площадку и начала лихорадочно стучать в дверь соседней квартиры.

Открыла старая женщина.

— Что такое?

— Там кто-то мертвый, кто-то мертвый. И мне кажется, я его знаю... Дэвид Бейкер. Он лежит на полу... Мне кажется, его зарезали... Наверно, зарезали. Там кровь — везде.

Она истерически зарыдала. Мисс Джекобс сунула ей в руку стакан со словами:

— Выпейте это.

Фрэнсис послушно выпила. Мисс Джекобс быстро выбежала на площадку и через открытую дверь вошла в квартиру. Дверь общей комнаты была широко открыта, и мисс Джекобс вошла прямо туда.

Она была не из пугливых женщин. Но то, что она увидела, представляло собой кошмарную картину. На полу, раскинув руки, лежал красивый молодой человек, его каштановые волосы падали на плечи. На нем был малиновый бархатный пиджак, а белая рубашка — вся в крови...

Внезапно она поняла, что кроме нее в комнате находится еще один человек. У стены, прижавшись к ней, стояла девушка, а большой арлекин на стене, казалось, хотел прыгнуть сквозь разрисованное небо.

На девушке было белое шерстяное платье, русые волосы мягко обрамляли лицо. В руке она держала кухонный нож.

Мисс Джекобс уставилась на нее, а она — на мисс Джекобс.

Потом она сказала спокойным, рассудительным голосом, будто отвечая на чьи-то слова:

— Да, я убила его... Кровь попала ко мне на руки с ножа... Я пошла в ванную отмыть его — но ведь такие вещи не отмываются, правда? А потом я вернулась сюда посмотреть, правда ли это... Но это так и есть... Бедный Дэвид... Но я думаю, что я должна была его убить.

Мисс Джекобс в шоковом состоянии сказала нечто несообразное. Лишь произнеся эти слова, она подумала о том, как смешно они прозвучали!

— Неужели? Почему же вы должны были сделать что-нибудь подобное?

— Не знаю... Он был очень встревожен. Он послал за мной, и я пришла. Но я хотела освободиться от него. Я хотела расстаться с ним. На самом деле я его не любила.

Она аккуратно положила нож на стол и села на стул.

— Это ведь опасно, не правда ли? — сказала она. — Ненавидеть кого-нибудь... Это опасно, потому что вы никогда не знаете, что можете сделать... Как Луизу...

Потом она спокойно сказала:

— Не лучше ли нам позвонить в полицию?

Мисс Джекобс покорно набрала номер 999.

Теперь в комнате с арлекином на стене было шесть человек. Прошло много времени. Полиция приехала и уехала.

Эндрю Рестарик сидел будто оглушенный. Раз или два он сказал одно и то же: «Я не могу в это поверить...» Извещенный по телефону, он приехал из своей конторы, и вместе с ним приехала Клодия Рис-Холланд. Она действовала энергично и, в то же время, спокойно. Она позвонила юристам и в Кроссхедж, а также дала Фрэнсис Кэри снотворное и заставила ее лечь.

Эржюль Пуаро и миссис Оливер сидели рядом на диване. Они приехали вместе, одновременно с полицией.

Последним приехал спокойный человек с седыми волосами и мягкими манерами, старший инспектор Нил из Скотленд-Ярда. Он поприветствовал Пуаро легким кивком и затем был представлен Эндрю Рестарику. Высокий рыжеволосый человек стоял у окна, глядя во двор.

Чего же все они ждали? Миссис Оливер удивлялась. Тело увезли, фотографии и другие полицейские чины закончили свои дела, сами они, побыв некоторое время в спальне Клодии, были снова допущены в общую комнату, где ждали, как она думала, человека из Скотленд-Ярда.

— Может, мне уйти? — неуверенно спросила миссис Оливер.

— Миссис Ариадна Оливер, не так ли? Оставайтесь, пожалуйста.

Миссис Оливер прикрыла глаза и как бы снова все увидела. Бедный Павлин, столь живописный и будучи мертвым. И девушка — совершенно другая девушка, не та Норма из Кроссхеджа — некрасивая Офелия, как назвал ее Пуаро, а, напротив, человек с трагическим достоинством принимающий свою судьбу.

Пуаро спросил, может ли он пару раз позвонить. Один звонок был в Скотленд-Ярд, и ему разрешили это лишь после того, как сержант предварительно выяснил кое-что по телефону. Сержант указал Пуаро на аппарат в спальне Клодии, он позвонил оттуда, закрыв за собой дверь.

Сержант все же продолжал сомневаться и шепнул своему подчиненному:

— Они говорят, все в порядке. Интересно, кто это.. Странноватый тип.

— Иностранец, не правда ли? Может быть, из спецслужб?

— Не думаю. Он хотел дожидаться старшего инспектора Нила. Его помощник поднял брови и свистнул.

Позвонив, Пуаро приоткрыл дверь и поманил миссис Оливер. Они сели рядом на кровать Клодии Рис-Холланд.

— Я хочу, чтобы мы что-нибудь сделали,— сказала миссис Оливер, всегда готовая к действию.

— Терпение, мадам.

— Но, конечно, вы можете сделать что-нибудь!

— Я делаю. Я звоню людям, которым нужно позвонить. Мы ничего не можем здесь сделать, пока полиция не закончит свое предварительное расследование.

— А кому вы звонили после инспектора? Ее отцу? А он не может приехать и вытащить ее отсюда или что-нибудь в этом роде?

— Вряд ли можно взять человека на поруки, когда дело идет об убийстве,— сухо сказал Пуаро.— Полиция уже известила ее отца. Они взяли номер телефона у мисс Кэри.

— А где она?

— Она в истерике в квартире мисс Джекобс. Это она обнаружила тело. И это на нее очень подействовало. Она выбежала оттуда с криком.

— Она человек искусства, кажется? Клодия не потеряла бы голову.

— Я согласен с вами. Очень уравновешенная молодая женщина.

— А кому же вы звонили в таком случае?

— Во-первых, как вы слышали, старшему инспектору Нилу из Скотленд-Ярда.

— Но понравится ли здесь его вмешательство?

— Он приходит не для того, чтобы вмешиваться. Он уже раньше наводил для меня некоторые справки, которые могут пролить свет на это дело.

— О, понимаю... Кому еще вы звонили?

— Доктору Джону Стиллингфлиту.

— Кто это? Для того, чтобы он сказал, что бедная Норма не в своем уме и не может не убивать людей?

— Его квалификация позволяет ему быть свидетелем на суде, если это потребуется.

— А он что-нибудь знает о ней?

— Немало, я бы сказал. Она была под его опекой с того дня, как вы нашли ее в кафе.

— Кто отправил ее туда?

Пуаро улыбнулся:

— Я. Я принял нужные меры прежде, чем приехать к вам в кафе.

— Что? Я была так разочарована в вас и торопила сделать что-нибудь, а вы давно уже все сделали? И не сказали мне ни слова!

Ну, Пуаро! Ни слова! Как вы могли быть таким... таким скрытным?

— Прошу вас, не сердитесь, мадам. То, что я сделал, было к лучшему.

— Люди всегда говорят так, когда делают что-нибудь особенно безумное. Что еще вы сделали?

— Я устроил так, что об этом попросил ее отец, поэтому я мог делать все необходимое для ее безопасности.

— Вы имеете в виду этого доктора Стиллингютера?

— Стиллингфлита. Да.

— Но как, скажите на милость, вы все это устроили? Я никогда не могла бы предположить, что ее отец мог избрать для своих дел такого человека, как вы. Он, по-моему, мало расположен к иностранцам.

— Я навязал ему это — как шулер навязывает нужные карты. Я обратился к нему, утверждая, что получил от него письмо с приглашением прийти.

— И он поверил вам?

— Конечно. Я показал ему письмо. Оно было напечатано на бланке его конторы и подписано его именем — хотя, как он мне доказал, почерк был не его.

— Вы хотите сказать, что сами написали это письмо?

— Да. Я правильно рассудил, что это пробудит его любопытство, и он захочет повидать меня. Зайдя так далеко, я рассчитывал на свои способности.

— И вы сказали ему об этом докторе Стиллингфлите?

— Нет. Этого я не сказал никому. Это было опасно.

— Опасно для Нормы?

— С самого начала все время было две возможности. Факты можно было толковать любым путем. Попытка отравить миссис Рестарик не подходила — это длилось слишком долго и не являлось серьезным покушением на убийство. Потом — неясная история с выстрелом из револьвера в Бороден Мэншинз и рассказ о каких-то ножах и пятнах крови. Всякий раз, как это случалось, Норма ничего не знала об этом и не могла ничего вспомнить. Она находит в шкафу яд — но не помнит, как положила его туда. Жалуется на провалы в памяти, на то, что не помнит о своих действиях в течение долгих периодов времени. Тогда спрашивается — говорит ли она правду или по какой-то причине выдумывает все это? Является ли она потенциальной жертвой какого-то чудовищного, а может быть, безумного заговора — или сама его движущая сила? Создает ли она свой образ — психически неуравновешенной девушки? Или, задумав убийство, старается уменьшить свою ответственность?

— Она сегодня совсем другая,— сказала миссис Оливер медленно.— Вы заметили? Совершенно другая.

Пуаро кивнул:

— Не Офелия — Ифигения.

Звук какого-то движения где-то в квартире привлек их внимание.

— Вы думаете...— миссис Оливер остановилась. Пуаро подошел к окну и взглянул вниз во двор. Там приехала «скорая помощь».

— Они увезут тело? — спросила миссис Оливер дрогнувшим голосом. И потом прибавила в приступе жалости: — Бедный Павлин.

— Вряд ли он был особенно привлекательной личностью,— холодно сказал Пуаро.

— Он был очень эффектен... И такой молодой,— ответила миссис Оливер.

— Да, этого достаточно для женщин.— Пуаро открыл дверь спальни.— Извините меня,— сказал он,— я вас ненадолго оставлю.

— Куда вы идете? — подозрительно спросила миссис Оливер.

— Я понял, я пришел к выводу, что в этой стране нет вопросов, считающихся неделикатными,— с упреком сказал Пуаро.

— О, прошу прощения.

Она вернулась к окну, чтобы посмотреть, что делается внизу.

— Мистер Рестарик только что подъехал в такси,— заметила она, когда через несколько минут Пуаро вернулся в комнату,— и с ним Клодия. Побывали ли вы в комнате Нормы или куда там вы хотели пройти?

— В комнате Нормы полиция.

— Как досадно. А что в черной папке, которую вы держите в руках?

Пуаро в свою очередь ответил вопросом.

— А что у вас в этой холщевой сумке с персидскими лошадаками?

— В моей сумке? На этот раз всего две груши.

— Тогда, если можно, я доверю эту папку вам. Не бросайте и не мните ее, прошу вас.

— А что это?

— Кое-что, что я надеялся найти — и нашел. А дела начинают продвигаться.— Он обратил внимание на нарастающий шум.

Слова Пуаро точно описали происходящее. Громкий и злой голос Рестарика. Клодия у телефона. Мелькание полицейского стенографа, записывающего в соседней квартире показания Фрэнсис Кэри и мисс Джекобс. Хождение взад и вперед и, наконец, уход двух людей с фотоаппаратами. Затем внезапное вторжение в

спальню Клодии высокого развязного молодого человека с рыжими волосами. Не обращая никакого внимания на миссис Оливер, он обратился к Пуаро.

— Что она сделала? Убила? Кого? Своего дружка?

— Да.

— Она призналась?

— Кажется, да.

— Плохо. Она с уверенностью сказала это?

— Я этого не слышал. У меня еще не было возможности самому спросить ее о чем-нибудь.

Заглянул полицейский.

— Доктор Стиллингфлит? — спросил он. — Полицейский врач хотел бы с вами переговорить.

Доктор Стиллингфлит кивнул и пошел за ним из комнаты.

— Так это доктор Стиллингфлит! — сказала миссис Оливер. Она поразмыслила пару минут: — Оригинален, не правда ли?

Глава 23

Старший инспектор Нил положил перед собой лист бумаги с записями и посмотрел на остальных лиц, находившихся в комнате. Его голос был тверд и официален.

— А где мисс Джекобс? — спросил он и взглянул на полисмена, стоявшего у двери. — Я знаю, что сержант Конолли снял с нее показания. Но мне хотелось бы самому задать несколько вопросов.

Через несколько минут мисс Джекобс ввели в комнату. Нил вежливо встал, чтобы приветствовать ее.

— Я старший инспектор Нил, — сказал он, пожимая ей руку. — Сожалею, что беспокою вас еще раз. Но сейчас совершенно неофициально. Мне просто хотелось бы получить ясную картину того что вы видели и слышали. Боюсь, что это причинило вам боль...

Боль — нет, — сказала мисс Джекобс, садясь на стул, который он ей предложил. — Это был шок, конечно. Но здесь не замешаны какие-либо чувства. — Она прибавила: — Вы, кажется, уже все убрали?

Он заключил, что она говорит о теле.

Ее наблюдательный и критический взгляд пробежал по собравшимся, выражая откровенное изумление по отношению к Пуаро (что же это такое?), легкое любопытство — к миссис Оливер, интерес к рыжему затылку доктора Стиллингфлита, соседское признание Клодии, которую она удостоила легкого кивка, и наконец симпатию, пробудившуюся к Эндрию Рестарику.

— Вы, должно быть, отец девушки, — сказала она ему. — Мало

толку в соболезнованиях совершенно чужого человека. Лучше их не произносить. Мы живем в печальном мире — или так мне кажется. Девушки слишком много учатся, по-моему.

Затем она спокойно повернулась к Нилу.

— Я вас слушаю!

— Я хотел бы, мисс Джекобс, чтобы вы рассказали мне о том, что вы сами видели и слышали.

— Я думаю, это будет отличаться от того, что я говорила раньше... — неожиданно произнесла мисс Джекобс. — Так бывает, знаете ли. Пытаешься описать все возможно точнее и употребляешь много слов. Я не думаю, что можно быть еще более точным. Я полагаю, что прибавляешь подсознательно то, что мог бы видеть или слышать. Но я постараюсь. Это началось с крика. Я испугалась. Я подумала, что кого-то избивают. Поэтому я уже была у двери, когда в нее начали стучать и кричать. Я открыла ее и увидела, что это одна из моих соседок — трех девушек, живущих в квартире 67. Я не слышала, как ее зовут, но знаю в лицо.

— Фрэнсис Кэри, — сказала Клодия.

— Она говорила совершенно бессвязно и запинаясь — о том, что кто-то умер — какой-то ее знакомый — какой-то Дэвид, я не уловила его фамилию. Она рыдала и вся тряслась. Я ввела ее к себе, дала ей немного бренди и пошла посмотреть сама.

Все почувствовали, что мисс Джекобс неизменно поступала так всю жизнь.

— Вам известно, что я нашла. Нужно, чтобы я описала это?

— Хотя бы кратко, если можно.

— Молодой человек, один из этих современных молодых людей — безвкусная одежда и длинные волосы. Он лежал на полу и был явно мертв. На его рубашке уже засохла кровь.

Стиллингфлит шевельнулся. Он повернул голову и внимательно посмотрел на мисс Джекобс.

— Потом я заметила, что в комнате есть девушка. Она держала кухонный нож. Она казалась совершенно спокойной, что было очень странно.

Стиллингфлит спросил:

— Она сказала что-нибудь?

— Она сказала, что была в ванной, чтобы смыть кровь с рук, а потом: «Но ведь это нельзя отмыть, не правда ли?»

— «Прочь, проклятое пятно», так?

— Я не могу сказать, что она напомнила мне леди Макбет. Она была — как бы это выразить? — совершенно спокойной. Она положила нож на стол и села на стул.

— Что еще она сказала? — спросил инспектор Нил, устремив глаза на лист перед собой.

— Что-то о ненависти. Что опасно ненавидеть кого-нибудь.
— Она сказала что-то о «бедном Дэвиде», не так ли? Ведь вы так сказали сержанту Конолли. И что она хотела быть свободной от него.

— Я забыла об этом. Да. Она сказала что-то о том, что он заставил ее прийти сюда и что-то о Луизе.

— Что она сказала о Луизе? — это спросил Пуаро, быстро подавшись вперед. Мисс Джекобс посмотрела на него с сомнением.

— В сущности, ничего, просто упомянула имя. «Как Луизу», — сказала она и остановилась. Это было после того, как она сказала, что ненавидеть людей опасно...

— А потом?

— Потом она сказала мне совершенно спокойно, что лучше бы мне позвонить в полицию. Что я и сделала. И мы просто сидели там, пока они не приехали... Я полагала, что не должна оставлять ее. Мы ничего не говорили. Она казалась погруженной в свои мысли, а я, откровенно говоря, я не могла придумать, что говорить.

— Вы заметили, не правда ли, что она душевнобольная? — сказал Эндрю Рестарик. — Вы могли заметить, что она не знает, что сделала и почему, бедное дитя?

Он говорил жалобно, с надеждой.

— Если выглядеть совершенно спокойной и собранной после убийства — это признак душевной болезни, то я с вами соглашусь.

Голос мисс Джекобс показывал, что она решительно с этим не согласна.

Стиллингфлит спросил:

— Мисс Джекобс, признала ли она в какой-то момент, что убила его?

— О, да. Я уже упоминала об этом раньше. Это было первое, что она сказала. Как будто отвечала на вопрос, который я ей задала. Она сказала: «Да, я убила его». А потом насчет мытья своих рук.

Рестарик застонал и закрыл лицо руками. Клодия положила руку ему на плечо.

Пуаро также обратился к ней с вопросами:

— Мисс Джекобс, вы говорите, что девушка положила нож, который держала, на стол. Вы были рядом? Вы хорошо рассмотрели его? Не показалось ли вам, что нож тоже вымыт?

Мисс Джекобс посмотрела с сомнением на старшего инспектора Нила. Очевидно, она ощутила, что Пуаро внес чуждую и неофициальную ноту в это официальное расследование.

— Может быть, вы будете так добры и ответите на эти вопросы? — попросил Нил.

— Нет, я не думаю, что нож помыли или вытерли. Он был в пятнах и окрашен каким-то густым веществом.

— А,— Пуаро откинулся назад на стуле.

— Я думала, что о ноже вы все знаете,— обратилась мисс Джекобс к Нилу.— Разве полиция не обследовала его? Если нет, то это крайне небрежно.

— О да, полиция обследовала его,— сказал Нил.— Но нам всегда нужно подтверждение.

Она бросила на него пронизывающий взгляд.

— А на самом деле, я думаю, вы проверяете, насколько наблюдательны ваши свидетели. Что они выдумывают, что они действительно видели или думают, что видели.

Он слегка улыбнулся, сказав:

— У нас нет нужды сомневаться в вас, мисс Джекобс. Вы замечательный свидетель.

— Радоваться нечему. Но через это приходится пройти.

— Боюсь, что так. Спасибо, мисс Джекобс.— Он посмотрел вокруг.— Больше ни у кого нет вопросов?

Пуаро сделал знак, что у него есть вопрос. Мисс Джекобс задержалась у двери.

— Да? — сказала она.

— Насчет этого упоминания о Луизе. Вы знаете, кого девушка имела в виду?

— Откуда мне знать?

— Может быть, речь шла о миссис Луизе Шарпантье? Вы знали миссис Шарпантье, не так ли?

— Не знала.

— Вы знали, что она недавно выбросилась из окна в этом доме?

— Об этом я знала, конечно. Я не знала, что ее зовут Луиза, и не была с ней знакома.

— А может быть, и не хотели этого?

— Я этого не сказала. Но, признаюсь, вы правы. Она была крайне неприятной соседкой, и я, и другие жильцы часто жаловались управляющему.

— На что конкретно?

— Честно говоря, она пила. Ее квартира была как раз надо мной, и там часто бывали вечеринки с битьем стекла, швырянием стульев, пением и криками. Масса народа приходила к ней в гости.

— Она, наверное, была одинока,— предположил Пуаро.

— Она не производила такого впечатления,— едко парировала мисс Джекобс.— На дознании утверждали, что она беспокоилась о своем здоровье. Все это — плод ее воображения. Видно было, что ничего опасного у нее нет.

И, без сочувствия отозвавшись о покойной миссис Шарпантье, мисс Джекобс удалилась.

Теперь Пуаро обратил свое внимание на Эндрю Рестарика. Он деликатно спросил:

Верно ли я полагаю, мистер Рестарик, что вы были некогда знакомы с миссис Шарпантье?

Рестарик ответил не сразу. Потом он тяжело вздохнул и пристально посмотрел на Пуаро.

— Да. Одно время, много лет назад, я действительно знал ее очень хорошо... Правда, не под фамилией Шарпантье. Когда я ее знал, она была Луиза Бирелл.

— Вы... вы любили ее?

— Да, я любил ее... По уши был в нее влюблен! Я бросил жену ради нее. Мы уехали в Южную Африку. А меньше чем через год все рухнуло. Она вернулась в Англию. Я ничего о ней не слышал с тех пор. Я совсем не знал, что с ней случилось.

— А ваша дочь? Она знала Луизу Бирелл?

— Да, но совсем не помнила ее. Тогда она была пятилетним ребенком!

— Но она знала ее? — настаивал Пуаро.

— Да, — сказал Рестарик медленно. — Она знала Луизу. Ведь Луиза бывала в нашем доме. Она обычно играла с ребенком.

— Значит, девушка могла вспомнить ее, даже после стольких лет?

— Не знаю. Я просто не знаю. Я не знаю, как она выглядела, насколько Луиза могла измениться. Я сказал вам, что больше никогда не виделся с ней.

— Но вы получали от нее известия, не так ли, мистер Рестарик? — сказал Пуаро мягко. — Я хочу сказать — после вашего возвращения в Англию.

Снова последовали пауза и глубокий печальный вздох.

— Да, я получил от нее... — сказал Рестарик. И потом, с внезапным любопытством, он спросил: — Как вы об этом узнали, мсье Пуаро?

Пуаро вынул из кармана тщательно сложенный кусок бумаги. Он развернул его и протянул Рестарику.

Тот с некоторым недоумением взглянул на него.

«Дорогой Энди,

из газет я знаю, что ты снова дома. Нам надо встретиться и рассказать друг другу, что мы оба поддельвали все эти годы».

Это было брошено и начато снова.

«Энди — угадай, от кого это письмо? От Луизы! Не смей говорить, что ты забыл меня!»

*«Дорогой Энди,
как ты можешь судить по адресу, я живу в том же доме,
что и твоя секретарша. Как тесен мир! Мы должны встре-
титься. Не можешь ли ты зайти и выпить со мной по ста-
кану вина в понедельник или во вторник на следующей
неделе?»*

*«Энди, дорогой, я должна снова увидеть тебя... Только ты
всегда имел для меня значение — и ты ведь не забыл меня,
правда?»*

— Как вы это достали? — спросил Рестарик у Пуаро, постуки-
вая с любопытством по бумаге.

— От моего друга и с помощью фургона для перевозки
мебели, — сказал Пуаро, покосившись на миссис Оливер.

Рестарик недружелюбно взглянул на нее.

— Я ничего не могла поделать, — сказала миссис Оливер, пра-
вильно истолковав его взгляд. — Когда выносили ее мебель, из
письменного стола выпал ящик и все высыпалось из него, а ветер
погнал этот листок по двору, поэтому я подняла его и хотела вер-
нуть, но они отказались взять его, поэтому я просто положила лист-
ок в карман пальто, не думая об этом. И ни разу не взглянула на
него до сегодняшнего дня, когда, собираясь отдать пальто в
чистку, вынимала все из кармана. Так что это в самом деле не моя
вина.

Она остановилась, переведа дух.

— Послала ли она вам письмо в конце концов? — спросил
Пуаро.

— Да, послала — более строгое и сухое. Я на него не ответил.
Я считал разумным не отвечать.

— Вы не хотели видеть ее снова?

— Это последний человек на земле, которого я хотел бы
видеть! Это необыкновенно трудная женщина — и всегда была
такой. И я слышал о ней всякое — в частности, что она сильно
плала. И кое-что другое.

— Вы сохранили ее письмо?

— Нет, я его порвал!

Доктор Стиллингфлит резко спросил:

— Ваша дочь говорила с вами когда-нибудь о ней?

Рестарик, казалось, не собирался отвечать.

Доктор Стиллингфлит настаивал:

— Это, знаете ли, может иметь значение.

— Что вы, врачи, в этом понимаете? Да, она однажды упомя-
нула ее.

— Что точно она сказала?

— Она совершенно неожиданно сказала: «Я на днях видела
Луизу, отец». Я был поражен. Я сказал: «Где ты ее видела?»

Она ответила: «В ресторане, в нашем доме». Я совсем растерялся. Я сказал: «Я не думал, что ты помнишь ее». А она: «Я никогда не забывала. Если бы я и хотела, мама не дала бы мне забыть».

— Да, — сказал доктор Стиллингфлит. — Да, это важно.

— А вы, мадемуазель, — сказал Пуаро, внезапно поворачиваясь к Клодии. — Говорила ли Норма когда-нибудь с вами о Луизе Карпентер?

— Да — это было после самоубийства. Она сказала что-то вроде «нехорошая женщина». Она сказала это как-то по-детски, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Вы были здесь в квартире в ночь или, точнее, ранним утром, когда произошло самоубийство миссис Карпентер?

— Нет, меня не было той ночью, нет! Я была в отъезде. Я помню только, что вернулась на следующий день и слышала об этом.

Она обернулась к Рестарику:

— Вы помните? Это было двадцать третьего. Я уезжала в Ливерпуль.

— Да, конечно. Вы должны были представлять меня на собрании треста Хивера.

Пуаро сказал:

— Но Норма ночевала здесь этой ночью.

— Да, — Клодия казалась смущенной.

— Клодия? — Рестарик прикоснулся к ее руке. — Что вы знаете о Норме? Есть что-то такое, что вы скрываете.

— Ничего! Что я могу знать о ней?

— Вы думаете, что у нее не все дома, верно? — сказал Стиллингфлит непринужденным голосом. — И так же думает девушка с черными волосами. И вы, — прибавил он, повернувшись вдруг к Рестарику. — Все мы очень мило себя ведем и избегаем главного, а думаем одно и то же. Исключая, конечно, старшего инспектора. Он ничего не думает. Он собирает факты: сумасшедшая или убийца. А вы, мадам?

— Я? — миссис Оливер вскопчила. — Я — не знаю.

— Вы воздерживаетесь от суждения. Я вас не порицаю. Это трудно. В целом, большинство думает одно и то же. Они только употребляют разные термины — и это все. Ненормальная. Тронулась. Свихнулась. Не в себе. Психическая. Думает кто-нибудь, что эта девушка здорова?

— Мисс Бэттерсби, — сказал Пуаро.

— Какая, к черту, мисс Бэттерсби?

— Директор школы.

— Если у меня когда-нибудь будет дочь, я пошлю ее в эту школу. Но, конечно, я принадлежу к другой категории. Я знаю. Об этой девушке я знаю все!

Отец Нормы уставился на него.

— Кто этот человек? — спросил он у Нила. — Что он хочет сказать, утверждая, что знает все о моей дочери?

— Я это знаю, — сказал Стиллингфлит, — потому что она была на моем попечении последние десять дней.

— Доктор Стиллингфлит, — сказал старший инспектор Нил, — это высококвалифицированный и известный психиатр.

— Как же она попала в ваши лапы — и никто не спросил моего согласия?

— Спросите у Усамого, — сказал доктор Стиллингфлит, кивнув на Пуаро.

— Вы... Вы...

Рестарик был так зол, что едва мог говорить.

Пуаро невозмутимо ответил:

— У меня были ваши инструкции. Вы желали заботы и попечения о вашей дочери, когда она найдется. Я нашел ее — и смог заинтересовать доктора Стиллингфлита ее случаем. Она была в опасности, мистер Рестарик, в очень большой опасности.

— Вряд ли она могла быть в большей опасности, чем сейчас! Арестована по обвинению в убийстве!

— Вообще-то ей еще не предъявлено обвинение, — пробормотал Нил. Он продолжал: — Доктор Стиллингфлит, как я понимаю, вы хотите высказать свое профессиональное мнение о состоянии психики мисс Рестарик и о том, в какой степени она осознает природу и значение своих действий?

— Вы хотите узнать, попросту говоря, здорова эта девушка или она душевнобольная? — ответил Стиллингфлит. — Прекрасно, я вам скажу. Эта девушка здорова — так же здорова, как каждый из сидящих в этой комнате!

Глава 24

Все уставились на него.

— Вы не ожидали этого, правда?

Рестарик сказал со злостью:

— Вы ошибаетесь. Эта девушка не знает даже, что она сделала. Она невиновна. Она не может отвечать за свои поступки.

— Позвольте мне продолжить. Я знаю, что говорю. Вы — нет. Эта девушка здорова и отвечает за свои действия. Через минуту или две мы приведем ее сюда и дадим ей возможность самой высказаться. Лишь она одна не смогла до сих пор этого сделать! Да, ее еще держат здесь — она заперта в своей спальне с сотрудницей

полиции. Но прежде чем мы зададим ей пару вопросов, я должен сообщить вам кое-что. Когда эта девушка поступила ко мне, она была накачана наркотиками.

— И он давал их ей? — вскричал Рестарик. — Этот несчастный дегенерат!

— Он начал, без сомнения.

— Слава богу, — сказал Рестарик. — Слава богу за это.

— За что вы благодарите бога?

— Я думал, что вы отдаете ее на растерзание, когда вы завели вольтку о том, что она здорова. Я неверно вас понял. Это все из-за наркотиков. Это наркотики заставили ее делать то, что она никогда бы не сделала по собственному побуждению, и не позволили ей даже понять, что она сделала.

Стиллингфлит повысил голос:

— Если бы вы дали мне говорить, вместо того, чтобы говорить самому, мы могли бы продвинуться вперед. Прежде всего, она не наркоманка. Никаких следов инъекций. Она не нюхала кокаин. Кто-то, может быть, юноша, может быть, кто-то другой, давал ей наркотики без ее ведома. Нет, не героин или другие модные теперь наркотики. Довольно любопытную смесь — ЛСД, вызывающую очень яркие галлюцинации — страшные или приятные. Конопля нарушает чувство времени, поэтому она могла считать, что нечто длилось час вместо нескольких минут. И много других любопытных последствий, о которых я не собираюсь рассказывать. Кто-то, разбирающийся в наркотиках, сыграл дьявольскую шутку с этой девушкой. Стимуляторы, снотворное, все они играли свою роль в ее поведении и заставили ее увидеть в себе совершенно другую личность.

Рестарик прервал его:

— Это я и говорю. Норма не отвечает за себя. Ее под гипнозом заставили поступать так.

— Вы все еще ничего не поняли! Никто не мог заставить девушку делать то, чего она не хотела. Они могли сделать другое: заставить ее думать, что она это сделала. Теперь мы пригласим ее и поможем ей понять, что с ней случилось.

Он вопросительно посмотрел на старшего инспектора Нила. Тот кивнул.

Стиллингфлит сказал через плечо Клодии, выходя из комнаты:

— Где вы уложили другую девушку, которую привели от мисс Джекобс и которой дали снотворное? В ее комнате, в постели? Лучше бы разбудить ее и привести сюда. Нам необходима и ее помощь.

Клодия тоже вышла из комнаты.

Стилингфлит вернулся, подталкивая Норму и грубовато подбадривая ее:

— Ну, ну, девочка... Садитесь. Никто вас не укусит.

Она покорно села. Ее послушание было почти пугающим.

— Все, о чем я вас прошу, это говорить правду. Это не так трудно, как вы думаете.

Вошла Клодия с Фрэнсис Кэри. Фрэнсис усиленно зевала. Ее черные волосы, свисая на лицо, наполовину закрывали ее все время зевающий рот.

— Вам нужно что-нибудь возбуждающее, — сказал ей Стилингфлит.

— Я бы хотела, чтобы мне дали поспать, — пробормотала Фрэнсис.

— Никто не сможет спать, пока я не покончу с этим! Теперь, Норма, отвечайте на мои вопросы. Женщина из той квартиры говорит, что вы признались ей, что убили Дэвида Бейкера. Это верно?

Она послушно ответила:

— Да. Я убила Дэвида.

— Зарезали его?

— Да.

— Откуда вы знаете, что это вы сделали?

Она выглядела слегка растерянной:

— Я не понимаю, что вы имеете в виду. Он был там на полу — мертвый.

— Где был нож?

— Я его подняла.

— На нем была кровь?

— Да. И на его рубашке.

— Какой была на ощупь кровь на ноже? Кровь, которой вы испачкали руку и хотели отмыть, — жидкая? Или, скорее, как клубничный джем?

— Она была как клубничный джем — липкая. — Она содрогнулась. — Мне пришлось пойти и вымыть руки.

— Вполне понятно. Все сходится. Жертва, убийца, вы — весь комплект, включая оружие. А вы помните, как сделали это?

— Нет... Я не помню этого... Но ведь я должна была это сделать, не так ли?

— Меня вы не спрашивайте. Меня там не было. Ведь это именно вы сказали. Но ведь было еще одно убийство до этого, не так ли?

— Вы имеете в виду Луизу?

— Да. Я имею в виду Луизу... Когда вы впервые подумали о том, что хотите убить ее?

— Много лет назад. О, много лет.

— Когда были ребенком?

— Да.
— Пришлось долго ждать, правда?
— Я совсем забыла об этом.
— Пока не увидели ее снова и не узнали ее?
— Да.
— Ребенком вы ненавидели ее. Почему?
— Потому что она увела отца, моего отца.
— И сделала вашу мать несчастной?
— Мать ненавидела Луизу. Она сказала, что Луиза очень плохая женщина.

— Она много говорила о ней с вами?
— Да. Я хотела бы, чтобы она этого не делала... Я вообще не хотела ничего слышать о ней.

— Это надоедало, я понимаю. А когда вы снова ее увидели, вы действительно захотели убить ее?

Норма, казалось, задумалась. Слабый интерес появился на ее лице.

— Вы знаете, на самом деле нет... Это казалось таким далеким. Я не могу понять, почему...

— Почему вы были уверены, что сделали это?

— Да. У меня была совершенно дикая идея, что я вообще ее не убивала. Что все это был сон. Что, может быть, на самом деле она сама выбросилась из окна.

— Ну и почему нет?

— Потому что я знала, что это я сделала, — я сказала, что это я сделала.

— Вы сказали, что вы это сделали? Кому вы это сказали?

Норма покачала головой.

— Я не должна... Это был человек, старавшийся быть добрым, помочь мне. Она сказала, что я должна утверждать, что ничего не знаю об этом. — Она продолжала быстро и возбужденно: — Я была у двери Луизы, у семьдесят шестой квартиры. А она сказала, что произошел несчастный случай. Луиза выпала во двор. И она говорила мне, что никто не свяжет это со мной. Никто никогда не узнает... А я не могла вспомнить, что это я сделала, — но в моей руке была материя...

— Материя? Какая материя? Вы хотите сказать, кровь?

— Нет, не кровь — оборванный кусок занавески. Когда я ее столкнула.

— Вы помните, как столкнули ее?

— Нет, нет. Поэтому-то и было так ужасно. Я не помнила ничего. Поэтому я и надеялась. Поэтому я и пошла, — она повернула голову к Пуаро, — к нему...

Она снова повернулась к Стиллингфлиту.

— Я никогда не помнила, что делала, ничего. Но я все больше

и больше боялась. Потому что бывали долгие периоды, совершенно пустые... совершенно пустые часы, о которых я не могла дать себе отчета или вспомнить, где была и что делала. Но я нашла вещи... вещи, которые я должна была сама спрятать. Я давала яд Мэри, они в больнице установили, что ей давали яд. И я нашла яд, который сама спрятала в ящик. Здесь в квартире был складной нож. И у меня был револьвер, который я даже не помню, чтобы покупала! Я убивала людей, но я не помню, что их убивала, значит, я на самом деле не убийца, я просто — сумасшедшая! Я поняла это, наконец. Я сумасшедшая и ничего не могу с этим поделать. Люди не могут осуждать того, кто совершает такие поступки, если он не в своем уме. Если я могла прийти сюда и даже убить Дэвида, то это показывает, что я сумасшедшая, ведь так?

— Вам что, очень нравится быть сумасшедшей?

— Я... Да, я думаю.

— Если это так, почему вы признались кому-то, что убили женщину, вытолкнув ее из окна? Кому вы это сказали?

Норма повернула голову, вся в сомнениях. Потом подняла руку и показала:

— Я сказала Клодии.

— Это неправда. — Клодия презрительно посмотрела на нее. — Ты никогда мне не говорила ничего подобного!

— Говорила! Говорила!

— Где? Когда?

— Я — не знаю.

— Она сказала мне, что призналась тебе во всем, — неразборчиво сказала Фрэнсис. — По правде говоря, я подумала, что она истеричка и все выдумывает.

Стиллингфлит встретился взглядом с Пуаро.

— Она могла бы все это выдумать, — сказал он. Но если так, мы должны найти мотив, серьезный мотив ее желания убить этих людей. — Луизу Карпентер и Дэвида Бейкера. Детская ненависть? Которая давным-давно забыта. Пустяки! Дэвид — чтобы освободиться от него? Нет, из-за этого девушки не убивают. Нужны мотивы посильнее, огромная сумма денег, скажем! Алчность! — Он посмотрел вокруг. — Нам нужна помощь. Здесь отсутствует еще одно лицо. Когда же ваша жена присоединится к нам, мистер Рестарик?

— Я не могу понять, где может быть Мэри. Я звонил. Клодия оставила сообщение для нее во всех местах, где она бывает. Теперь уж она должна была бы позвонить.

— Может быть, мы ошибаемся, — сказал Эркюль Пуаро. — Может быть, мадам уже частично здесь — если можно так выразиться.

— Что вы имеете в виду? — злобно крикнул Рестарик.

— Могу побеспокоить вас, мадам?

Пуаро наклонился к миссис Оливер. Миссис Оливер удивленно смотрела на него.

— Дайте, пожалуйста, пакет, который я вам доверил...

— Ах да,— миссис Оливер сунула руку в свою сумку, вынула черный пакет и протянула ему.

Он услышал, как рядом с ним кто-то резко задержал дыхание, но не повернул головы. Он аккуратно развернул бумагу и вынул парик с пышными золотистыми волосами.

— Миссис Рестарик здесь нет,— сказал он,— но ее парик здесь. Интересно.

— Где, черт побери, вы это достали, Пуаро? — спросил Нил.

— Из чемоданчика мисс Фрэнсис Кэри, не имевшей еще возможности извлечь его оттуда. Посмотрим, подойдет ли он ей?

Ловким движением он откинул черные волосы, так успешно маскировавшие лицо Фрэнсис. Коронованная золотым ореолом прежде, чем смогла защитить себя, она свирепо смотрела на них.

Миссис Оливер воскликнула:

— Боже милостивый — это Мэри Рестарик.

Фрэнсис извивалась как злобная змея. Рестарик вскочил со своего места и бросился к ней, но сильная хватка Нила удержала его.

— Нет, нам не нужно насилие. Игра окончена, мистер Рестарик, или вас нужно назвать Робертом Орвеллом?

Злобная брань полилась из уст Рестарика. Ее заглушил лишь резкий голос Фрэнсис:

— Заткнись, проклятый идиот!

Пуаро подошел к Норме и ласково взял ее руку в свою.

— Ваша попытка кончена, дитя мое. Жертва не будет принесена. Вы не сумасшедшая и никого не убивали. Два жестоких, бессердечных существа вступили в заговор против вас и с помощью искусно вводимых наркотиков и лжи делали все возможное, чтобы толкнуть вас на самоубийство или заставить поверить в свою вину и безумие.

Норма с ужасом смотрела на второго заговорщика.

— Мой отец? Мой отец? Он мог сделать такое со мной? Со своей дочерью. Отец, любивший меня...

— Он не ваш отец, дитя мое, это человек, приехавший сюда после его смерти, чтобы выдать себя за него и овладеть его огромным состоянием. Только одно лицо могло узнать его — или, вернее, узнать, что этот человек не Эндрю Рестарик, — женщина, пятнадцать лет назад бывшая любовницей Эндрю Рестарика.

Четыре человека сидели в комнате Пуаро. Пуаро в своем квадратном кресле пил наливку из черной смородины. Норма и миссис Оливер устроились на диване. Миссис Оливер выглядела особенно празднично в зеленой парче, увенчанная одной из самых тщательных ее причесок. Доктор Стиллингфлит развалился на стуле, так скрестив свои длинные ноги, что они, казалось, занимали полкомнаты.

— Ну, теперь я хотела бы много узнать, — сказала миссис Оливер. В ее голосе слышались обвинительные тона.

Пуаро поспешил успокоить ее.

— Но, мадам, рассудите. Я не могу выразить, как я вам обязан. Все, буквально все мои плодотворные идеи были подсказаны вами.

Миссис Оливер посмотрела на него с сомнением.

— Не вы ли предстали передо мной со словами «третья девушка»? С этого я начал — и этим же я кончил, «третьей девушкой» из живших в квартире. Норма фактически была все время «третьей девушкой», но, когда я взглянул на вещи с нужной точки зрения, все встало на свое место. Недостающий элемент складной картинки всякий раз был один и тот же — «третья девушка». Это всегда оказывалось, если вы улавливаете, что я хочу сказать, то лицо, которого там не было. Для меня — только имя, не более.

— Удивительно, что я никогда не могла связать ее с Мэри Рестарик, — сказала миссис Оливер. — Я видела Мэри Рестарик в Кроссхедже, разговаривала с ней. Конечно, когда я впервые увидела Фрэнсис Кэри, у нее были черные волосы, свисающие на лицо. Это любого отвлечет!

— Опять-таки это вы, мадам, обратили мое внимание на то, как легко меняет облик женщины прическа. вспомните, Фрэнсис Кэри училась в театральном училище. Она знала все о том, как гримироваться. Она умела менять свой голос, если нужно. В роли Фрэнсис она носила длинные черные волосы, обрамлявшие ее лицо и наполовину скрывавшие его, у нее были густой, мертвенно-белый макияж, подведенные черным брови, она говорила протяжно, сиплым голосом. Мэри Рестарик, со своим париком из аккуратно причесанных, выходящих золотых волос, стандартной одеждой, колониальным акцентом, оживленной манерой речи, резко контрастировала с Фрэнсис Кэри. Однако с самого момента знакомства я чувствовал, что она не совсем настоящая. Что это была за женщина? Я не знал. Я не раскусил ее. Нет, я — Эркюль Пуаро — не смог раскусить ее.

— Послушайте, послушайте! — сказал доктор Стиллинг-

Флит. — Впервые слышу из ваших уст такие слова, Пуаро! Просто чудеса!

— Честно говоря, я не понимаю, зачем ей понадобилось раздваиваться, — спросила миссис Оливер. — Это все усложнило, но ничего не дало.

— Нет, это было очень выгодно. Это давало ей постоянное алиби, когда бы оно ни понадобилось. Подумать только, что это было все время перед моими глазами, и я этого не видел! Был парик — он меня подсознательно тревожил, но я не понимал, почему это меня тревожит. Две женщины, которых никто никогда не видел вместе. Их жизнь так строилась, что никто не замечал больших пробелов в распорядке их времени. Мэри часто ездит в Лондон, в магазины, в агентства по недвижимости и считалось, что так она проводит время. Фрэнсис ездит в Бирмингем, в Манчестер, даже летает за границу, бывает в Челси — в кружке молодых художников, используя их для своих целей. Особые рамы для картин сделаны для галереи Уэддерберн. У перспективных молодых художников — там выставки, их картины шли очень хорошо и продавались за границу или отправлялись на выставки вместе со своими рамами, начиненными пакетами героина. Мошенничества с произведениями искусства, искусные подделки старых мастеров. Все это устраивала она. Дэвид Бейкер — один из художников, которыми она пользовалась. У него был дар изумительного копииста.

Норма пробормотала:

— Бедный Дэвид. Когда я впервые встретила его, мне казалось, что он замечательный художник.

— Этот портрет, — сказал Пуаро мечтательно, — все время, все время я мысленно возвращался к нему. Почему Рестарик перенес его в свой кабинет? Какое значение он имел для него? Словом, я не в восторге от своей сообразительности.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду?

— Это был остроумный ход. Портрет служил чем-то вроде удостоверения личности. Парные портреты мужа и жены, созданные знаменитым и модным портретистом того времени. Дэвид Бейкер, когда их вывозили со склада, заменил портрет Рестарика портретом Орвелла, омоложив того лет на двадцать. Никто не мог заподозрить, что портрет поддельный; стиль, мазки, холст — все в точности соответствовало стилю. Рестарик повесил портрет над своим столом. Каждый, кто знал Рестарика много лет назад и мог бы сказать: «Я бы вас не узнал!» или «Вы очень изменились!», глядя на портрет, подумал бы только, что сам забыл, как выглядел когда-то Рестарик!

— Но во всем этом был большой риск для Рестарика, или, вернее, Орвелла, — сказала миссис Оливер задумчиво.

— Меньший, чем вы думаете. Он никогда не был особенно известен. — Всего лишь представитель хорошо известной фирмы в Сити, прошедший много лет за границей и вернувшийся домой после смерти брата, чтобы взять дела в свои руки. Он привез с собой молодую жену, и остановился у престарелого дядюшки, который знал его только школьником и принял без всяких проблем. У него не было других близких родственников, кроме дочери, которую он видел в последний раз в пятилетнем возрасте. Когда он уезжал в Южную Африку, в его конторе работали два очень пожилых клерка, к настоящему времени скончавшихся. Семейный адвокат тоже умер. Вы можете быть уверены, что Фрэнсис тщательнейшим образом все продумала, прежде чем они решились на свой шаг.

Она познакомилась с ним в Кении около двух лет назад. Они оба были жуликами, хотя с разными интересами. Он занимался фальшивыми сделками как изыскатель недр — Рестарик и Орвелл вместе искали месторождения минералов в какой-то африканской стране. Там прошли слухи о смерти Рестарика.

— Ставкой была куча денег, я полагаю? — спросил Стиллингфлит.

— Масса денег. Все было поставлено на карту. Вначале все удалось. Эндрю Рестарик сам был очень богат и унаследовал состояние брата. Никто не проверял, действительно ли это он. А потом — дело пошло плохо. Как гром с ясного неба он получил письмо от женщины, которая, встретившись с ним лицом к лицу, моментально узнала бы, что он — не Эндрю Рестарик. И вторая неудача — Дэвид Бейкер начал его шантажировать.

— Этого можно было ожидать, я полагаю, — сказал Стиллингфлит.

— Они не ожидали этого, — сказал Пуаро. — Дэвид никогда ранее никого не шантажировал. Я думаю, громадное богатство этого человека вскружило ему голову. Сумма, которую он получил за подделку портрета, показалась ему совершенно несообразной. Он хотел получить еще. И вот Рестарик выписывал ему чеки на большие суммы и утверждал, что делает это ради своей дочери — чтобы предотвратить ее нежелательный брак. Хотел ли он действительно жениться на ней, я не знаю, но он мог это сделать. Но шантажировать таких людей, как Орвелл и Фрэнсис Кэри, опасно.

— Вы хотите сказать, что эти двое хладнокровно составили план убийства двух человек? — спросила миссис Оливер.

— Они могли бы внести и вас в свой список, мадам, — сказал Пуаро.

— Меня? Вы хотите сказать, что кто-то из них ударил меня по голове? Фрэнсис, я думаю? Не бедный Павлин?

— Не думаю, что это был Павлин. Но вы уже были в Бороден Мэншнз. А теперь вы преследуете Фрэнсис в Челси, или она так считает, и в качестве объяснения рассказывает весьма сомнительную историю. Тогда она незаметно уходит оттуда и хорошенько бьет вас по голове, чтобы на время пресечь ваше любопытство. Вы не прислушались к моему предупреждению.

— Как поверить в это?! Она лежит в этой грязной мастерской и позирует... Но почему...— она взглянула на Норму, потом снова на Пуаро,— они использовали ее — сознательно накачивали наркотиками, заставляли поверить, что она убила двух людей. Почему?

— Им нужна была жертва...— сказал Пуаро.

Он встал со стула и подошел к Норме.

— Дитя мое, это было для вас ужасное испытание. Запомните теперь, вы всегда должны больше доверять себе. Знать, соприкоснувшись с настоящим злом, что это оно, и быть вооруженной против того, что жизнь может сделать с вами.

— Вероятно, вы правы,— сказала Норма.— Думать, что ты сошла с ума, по-настоящему верить в это,— это страшно... Она содрогнулась.

— Я и сейчас не понимаю, как избежала этого — почему поверили, что я не убивала Дэвида, когда даже я сама верила в то, что убила его!

— Кровь уже начала свертываться,— сказал доктор Стиллингфлит.— Рубашка «заскорузла от нее», как сказала мисс Джекобс, а не была мокрой. Ведь предполагалось, что вы убили его не более чем за пять минут до крика Фрэнсис.

— Но как она,— начала снова размышлять миссис Оливер.— Она была в Манчестере...

— Она приехала ранним поездом, надела парик Мэри и подкрасилась. Пошла в Бороден Мэншнз, поднялась на лифте, вошла в квартиру, где ждал ее Дэвид по ее указанию. Он ничего не подозревал, и она зарезала его. Потом вышла и стала ждать, пока не увидела Норму. Тогда она зашла в общественную уборную, изменила свой облик, присоединилась к знакомой в конце улицы, попрощалась с ней у Бороден Мэншнз, вошла и сделала что надо — я полагаю, с удовольствием. Когда вызвали полицию и она приехала, Фрэнсис и не думала, что кто-нибудь заметит разницу во времени. Я должен сказать, Норма, задали же вы нам задачу в тот день. Так настаивать, что вы убили!

— Я хотела признаться и покончить с этим... А вы... вы думали, что я действительно могла это сделать?

— Я? За кого вы меня принимаете? Я знаю, что могут и чего не могут сделать мои пациенты. Но я понимал, что вы сильно затрудняете дело. Я не знал, насколько готов рискнуть Нил. Мне каза-

лось, что это не обычная полицейская процедура. Посмотрите, как он помогал Пуаро.

Пуаро улыбнулся.

— Старший инспектор Нил и я знакомы много лет. Кроме того, он уже расследовал тут кое-что. Вы никогда не были у двери Луизы. Фрэнсис меняла номера. Она поменяла местами 6 и 7 на вашей собственной двери. Эти цифры шатались, выпадали из гнезд. Клодии не было в эту ночь дома. Фрэнсис так накачала вас наркотиками, что все показалось вам кошмарным сном.

Я все понял внезапно. Единственным человеком, который мог убить Луизу, была настоящая «третья девушка», Фрэнсис Кэри.

— Вы ведь почти узнали ее, — сказал Стиллингфлит, — когда описывали мне, как один человек может притворяться другим.

Норма задумчиво посмотрела на него.

— Вы были очень грубы с людьми, — сказала она Стиллингфлиту.

Он был слегка ошеломлен.

— Груб?

— Все, что вы говорили каждому из них. Как вы кричали на них!

— О да, наверно, я был груб... Я привык к этому. Люди так раздражают.

Он вдруг усмехнулся Пуаро.

— Она еще совсем девочка, правда?

Миссис Оливер со вздохом встала.

— Мне нужно домой. — Она посмотрела на мужчин, а потом на Норму. — А что мы будем делать с ней? — спросила она.

Обе были испуганы.

— Я знаю, что сейчас она остановилась у меня, — продолжала она. — И она говорит, что совершенно счастлива. Но здесь есть серьезная проблема. Масса денег... потому что ваш отец — я говорю о настоящем — все оставил вам. И это создает сложности. Она могла бы поехать и жить со старым сэром Родериком, но в этом мало радости для девушки — он уже глухой, слепой и занят только собой. Кстати, что с теми потерянными бумагами и девушкой в Кью-Гарденз?

— Они нашлись там, где, как ему казалось, он уже смотрел. Соня нашла их, — сказала Норма и прибавила: — Дядя Родди и Соня собираются на следующей неделе пожениться.

— Нет никого глупее старого дурака, — сказал Стиллингфлит.

— Да! — сказал Пуаро. — Значит, молодая дама предпочитает жить в Англии, а не впутываться в политику. Она, пожалуй, неглупа, эта малышка.

— Все это так, — сказала миссис Оливер, подводя итог. — Но в том, что касается Нормы, нужно быть практичными. Нужно планировать. Девушка сама не знает, что хочет делать. Она ждет, что кто-то ей скажет.

Она внимательно посмотрела на них.

Пуаро не сказал ничего и засмеялся.

— Сказать ей? — спросил доктор Стиллингфлит. — Хорошо, я скажу вам, Норма. Во вторник на той неделе я лечу в Австралию. Я хочу сперва там осмотреться. Потом я телеграфирую вам, и вы сможете ко мне приехать. Потом мы поженимся. Вы можете поверить мне, что это не из-за ваших денег. Я не из тех врачей, которые стремятся создать крупные исследовательские учреждения. Меня интересуют люди. И я думаю, что вы сможете очень хорошо мною руководить. Вот насчет моей грубости — ведь я не замечал этого сам. Это странно, по правде говоря, как подумаешь о той беде, в которую вы попали, беспомощная, как муха в патоке, а теперь речь идет не о том, чтобы я вами руководил, а чтобы вы мной руководили.

Норма задумалась. Она смотрела на Джона Стиллингфлита очень внимательно, будто рассматривая нечто, виденное ею прежде с совсем иной точки зрения.

Потом она засмеялась. Это было прелестно — так могла бы смеяться счастливая молодая нянюшка.

— Хорошо, — сказала она.

Она пересекла комнату и подошла к Пуаро.

— Я тоже была груба, — сказала она. — В тот день, когда я пришла сюда, а вы завтракали. Я сказала вам, что вы слишком стары для того, чтобы помочь мне. Это было очень грубо. И это была неправда.

Она положила руки ему на плечи и поцеловала его.

— Вы бы лучше вызвали для нас такси, — сказала она Стиллингфлиту. Доктор Стиллингфлит кивнул и вышел из комнаты. Миссис Оливер взяла свою сумку и меховую накидку, и Норма, надев пальто, пошла за ней к двери.

— Мадам, одну минутку.

Миссис Оливер обернулась. Пуаро вынул из углубления в диване красивый локон седых волос.

Миссис Оливер воскликнула с досадой:

— Вот теперь они все такие, хороших вообще нет! Я имею в виду булавки для волос. Они выскакивают, и все разваливается.

Она ушла, а через минуту или две появилась вновь и сказала заговорщицким шепотом:

— Ну, скажите мне, все в порядке, я отправила ее вниз — вы послали эту девушку именно к этому врачу — специально?

— Конечно. Его квалификация...

— При чем тут квалификация? Вы знаете, что я имею в виду.
Он и она — вы специально?

— Если бы я мог знать, то да.

— Я так и думала, — сказала миссис Оливер. — Вы всегда все продумываете, не правда ли?

*Перевод с английского
О. Краснолистова и И. Гурьянова*

ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. КРИСТИ*

(Библиографический список)

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ

Берег удачи / Пер. Н. Озерновой // Звезда. 1968. № 9—10. *Опубл. также в кн.*: Берег удачи (Красноярск, 1989); Берег удачи (Горький, 1990); В 4.50 из Паддингтона (Ростов-н/Д., 1989).

Берег удачи: Роман, рассказы.— Красноярск: Стройиздат, 1989. *Содерж.*. Берег удачи: Роман; Убийство на балу Победы. Свидетель обвинения: Рассказы.

В алфавитном порядке / Пер. Н. Семевской // Дон. 1966. № 10—11. *Пер. также под назв.*: «Убийства в алфавитном порядке», «Убийства по алфавиту» «Убийство в алфавитном порядке».

В 4.50 из Паддингтона / Пер. В. Коткина // Звезда Востока. 1969. № 4 6. *Опубл. также в кн.*: В 4.50 из Паддингтона (Ростов-н/Д., 1989); Сочинения. Т 4. (М., 1990); Произведения разных лет (М., 1990).

В 4.50 из Паддингтона: Романы, рассказы.— Ростов-н/Д.: Кн. изд-во, 1989. *Содерж.*: В 4.50 из Паддингтона. Берег удачи: Романы; Необыкновенная кража. Тайна египетской гробницы. Шутки старых дядюшек: Рассказы.

Вилла «Белая лошадь» / Пер. Н. Явно // Детектив — 3: Большой налет. М., 1990. *Опубл. также под назв.*: Вилла «Белый конь».

Вилла «Белый конь» / Пер. Н. Явно // Наука и религия. 1965. № 9 12. *Отдельные издания*: Симферополь: Таврия, 1990; Ставрополь: Кн. изд-во; Кооп. «Контракт», 1990. *Опубл. также в сб.*: Библиотека приключений. Т. 3. (М., 1966) Сочинения: Т. 5. (М., 1990); Детективные романы и повести (Томск, 1990) Вилла «Белый конь» (М., 1990); Драма в трех актах (М., 1990).

* «Разделы «Романы, повести» и «Пьесы» в максимально полном объеме представляют издания и переиздания произведений А. Кристи на русском языке в журналах и книгах за 1960—1990 гг. Раздел «Рассказы» содержит информацию только об авторских сборниках и отдельных изданиях и не учитывает журнальные публикации и публикации в сборниках антологического характера.

Восточный экспресс / Пер. Л. Беспаловой // Рудский Я. 95—16.— М., 1967. *Отдельное издание*: Владивосток: Кн. изд-во, 1989. *Опубл. также в кн.*: Веские доказательства: Антология зарубеж. детектива. Вып. I. (М., 1987); Сочинения. Т. 3. (М., 1990); Восточный экспресс (Л., 1990); Подозрение: Сб. зарубежн. детективов (Минск, 1990); Восточный экспресс (М., Сыктывкар, 1990). *Опубл. также под назв.*: «Убийство в восточном экспрессе».

Восточный экспресс.— Л.: Киноцентр, 1990. *Содерж.*: Восточный экспресс. Убийство на пароходе «Карнак»: Романы.

Восточный экспресс.— М.: СП Слово; Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. *Содерж.*: Восточный экспресс. Десять негрятя.

Десять негрятя / Пер. Л. Беспаловой // Сельская молодежь. 1965. № 5—12. *Отдельное издание*: Ставрополь: Кн. изд-во, 1989. *Опубл. также в кн.*: Восточный экспресс (М., Сыктывкар, 1990).

Детективные романы и повести.— Томск: Кн. изд-во, 1990. *Содерж.*: Шестнадцать лет спустя. Вилла «Белый конь». Смерть в облаках. Почему не позвали Уилби?

Драма в трех актах / Пер. Ф. Флорич // Звезда Востока. 1982. № 6—8. *Опубл. также в кн.*: Происшествие в старом замке (Калининград, 1990); Драма в трех актах (М., 1990).

Драма в трех актах.— М.: Рус. тройка; Комета, 1990. *Содерж.*: Драма в трех актах. Вилла «Белый конь». Загадка Эндхауза: Романы.

Загадка Ситтафорда / Пер. Л. Девель // Наука и религия. 1986. № 7—10. *Опубл. также в кн.*: Загадка Ситтафорда (Л., 1986; Волгоград, 1988; Алма-Ата. В 2 кн., 1988; Алма-Ата, 1988, 1989; Нукус, 1989, 1990); Сочинения. Т. 2. (М., 1990).

Загадка Ситтафорда.— Л.: Худож. лит., 1986; Волгоград: Нижне-Волж. кн. изд-во, 1988; Алма-Ата: Жазушы, 1988; В 2 кн.: Алма-Ата: Жазушы, 1988; Алма-Ата: Мектеп, 1989; Нукус: Каракалпакстан, 1989; 1990. *Содерж.*: Загадка Ситтафорда. Убийство Роджера Экройда. Отель «Бертрам»: Романы; Мышеловка: Пьеса; Свидетель обвинения. Слишком дешевая квартира. Коттедж «Соловей». Цыганка. Потерянный ключ. Шутки старых дядюшек. (*Последний рассказ не включен в двухтомник*).

Загадка Эндхауза / Пер. Е. Коротковой // Вокруг света. 1965. № 5—8. *Опубл. также в кн.*: Михал К. Шаг в сторону (М., 1965.— Зарубежный детектив); Сочинения. Т. 2. (М., 1990); Драма в трех актах (М., 1990).

Избранное. Т. I.— Свердловск: Лига, 1990. *Содерж.*: Как я выдумала Э. Пуаро [отрывок из «Автобиографии»]. Таинственное происшествие в Стайлз. Невероятная кража.

Каприз / Пер. А. Кондратенко // Дон. 1988. № 7—9. *Опубл. также в кн.*: Чейз Д. Каменные джунгли (Ростов-н/Д., 1989); Происшествие в старом замке (Калининград, 1990).

Карты на стол / Пер. В. Коткина // Лит. Азербайджан. 1969. № 7—9.

«М» или «Н»? / Пер. И. Русецкого // Аврора. 1989. № 3—5; Опубл. также в кн.: Вилла «Белый конь». (М., 1990).

Место назначения неизвестно / Пер. Н. Кузнецовой // Немап. 1970. № 1—3. *Отдельное издание*: М.: Прейскурантиздат, 1990. *Опубл. также в кн.*: Произведения разных лет (М., 1990).

Месье Нофрет / Пер. Ф. Мендельсона // Азия и Африка сегодня. 1968. № 4—12, 1969. № 1—2. (*Сокращенный перевод романа «Смерть приходит в конце»*).

Мисс Марпл в Вест-Индии / Пер. С. Барсукова // Ашхабад. 1988. № 8—10.

Миссис Макгинти с жизнью рассталась / Пер. М. Загота // Миссис Макгинти с жизнью рассталась: Романы.— М., 1989.

Миссис Макгинти с жизнью рассталась.— М.: Радуга, 1989. *Содерж.*: Миссис Макгинти с жизнью рассталась. Ночная тьма: Романы.

Мышеловка: Повесть / [Пер. не указ.] // Призыв. 1971. № 8—11.

Невероятная кража / Пер. Н. Лосевой // Ровесник. 1985. № 8—12; *Опубл. также в кн.*: Избранное. Т. I. (Свердловск, 1990). *Опубл. также под назв.*: «Необыкновенная кража».

Необыкновенная кража / Пер. А. Берг и В. Обухова // Сочинения. Т. 3. М., 1990.

Ночная тьма / Пер. Н. Емельяниковой // Миссис Макгинти с жизнью рассталась.— М., 1989.

Объявлено убийство / Пер. Т. Миролюбовой // Искатель. 1984. *Отдельное издание*: / Пер. Т. Шишовой.— М.: Союзинформкино; Интердет; МАЛМ, 1990.— (Приключения и фантастика).

Отель «Бертрам» / Пер. Н. Ильиной // Загадка Ситтафорда.— Л., 1986 [и др. издания]. *Опубл. также в кн.*: Отель «Бертрам» (Челябинск, 1989); Сочинения. Т. 5. (М., 1990); Убийство Роджера Экройда. (М., 1990).

Отель «Бертрам».— Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989. *Содерж.*: Отель «Бертрам»: Роман; Шутки старых дядюшек. Свидетель обвинения. Потерянный ключ. Коттедж «Соловей».

После похорон / Пер. И. Бужинской // Фалуш Д., Йожеф Г. Операция «Катамаран».— М., 1973.— (Зарубеж. детектив). *Опубл. также в кн.*: Сочинения. Т. 4. (М., 1990); Убить легко (М., 1990).

Почему не позвали Уилби? / Пер. Э. Косман // Лит. Азербайджан. 1971. № 11—12. *Опубл. также в кн.*: Детективные романы и повести (Томск, 1990).

Преступление могло остаться нераскрытым (Патриотическое убийство) / Пер. Т. Левич // Простор. 1968. № 3—5.

Произведения разных лет.— М.: САДПР; Ред.-изд. агентство «Метафора», 1990. *Содерж.*: В 4.50 из Паддингтона. Место назначения неизвестно: Романы.

Происшествие в старом замке / Пер. Г. Костиной и М. Обуховой // Смена. 1986. № 12—16. *Опубл. также в кн.*: Происшествие в старом замке (Калининград, 1990).

Происшествие в старом замке.— Калининград: Кн. изд-во, 1990. *Содерж.*: Происшествие в старом замке. Драма в трех актах. Каприз: Романы.

Пять поросят / Пер. Н. Емельяниковой // Пять поросят.— М., 1990. *Опубл. также под названием*: «Шестнадцать лет спустя».

Пять поросят; Хмелевская И. Проклятое наследство.— М.: Радуга, 1990.

Сверкающий цианид / Пер. Э. Островского // Волга. 1988. № 5—6, 8—9. *Опубл. также в кн.: Сверкающий цианид* (М., Юрид. лит., 1990); **Сверкающий цианид** (М., 1990.— Остросюжетный детектив. Вып. I).

Сверкающий цианид.— М.: Юридич. лит.; НПО Инициатива. Наука. Исцеление. ЦНДИСИ АН СССР, 1990. *Содерж.*: Сверкающий цианид; Тринадцать сотрапезников: Романы.

Смерть в кривом доме / Пер. Ю. Васильевой, О. Краснолистова // Смерть в кривом доме.— М., 1990.— (Остросюжетный детектив. Вып. 2).

Смерть в облаках / Пер. В. Коткина // Лит. Азербайджан. 1970. № 8, 10—12; / Пер. Н. Куликовой // Радуга. 1976. № 8—11, 1977. № 1—2. *В пер. В. Коткина опубл. также в кн.: Детективные романы и повести* (Томск, 1990). *В пер. Н. Куликовой опубл. также в кн.: Смерть в облаках* (Киев, 1989; 1990); **Убить легко** (М., 1990).

Смерть в облаках.— Киев: ДОК УССР; Журн. Радуга, 1989; 1990.— *Содерж.*: Смерть в облаках. Убить легко: Романы; Леди под вуалью. Случай с итальянским вельможей: Рассказы.

Смерть на Гикори-роуд, 26 / Пер. С. Бойко // Ставрополье. 1988. № 3—4. *Опубл. также под назв.: «Тайны пансионата».*

Смерть приходит в конце / Пер. Ф. Мендельсона // Звезда Востока. 1967. № 12, 1968. № 1—2. *Сокращенный вариант опубл. под названием: «Месье Нофрет».* *Отдельное издание:* / Пер. Н. Стерниной.— М.: Прейскурантиздат, 1990.

Сочинения.— М.: МАДПР, 1990. *Содерж.*: Т. 1. Таинственное происшествие в Стайлз. Убийство Роджера Экройда: Романы; Второй гонг. Слишком дешевая квартира: Рассказы. Т. 2. Загадка Ситтафорда. Загадка Эндхауза: Романы; Случай с женщиной средних лет: Рассказ. Т. 3. Восточный экспресс: Роман; Шутки старых дядюшек. Потерянный ключ. Пропавшая невеста. Костюм из газеты. Голубая герань. Цветы смерти. Тайна голубого кувшина. Оракул из Дельф. Необыкновенная кража: Рассказы. Т. 4. После похорон. В 4.50 из Паддингтона: Романы; Клуб «По вторникам». Цыганка: Рассказы. Т. 5. Отель «Бертрам». Вилла «Белый конь»: Романы; Коттедж «Соловей». Несчастный случай. Дама под вуалью. Я приду за тобой, Мэрси Случай с кухаркой из Клапама: Рассказы.

Таинственное происшествие в Стайлз / Пер. А. Смолянского // Простор. 1987. № 4—6; Природа и человек. 1987. № 4—7. *Опубл. также в кн.: Сочинения.* Т. 1. (М., 1990); Избранное. Т. 1. (Свердловск, 1990).

Тайны пансионата / Пер. С. Шебалдина // Сов. милиция. 1982. № 3—6.

Тринадцать сотрапезников / Пер. Э. Островского // Сверкающий цианид.— М.: Юр. лит., 1990.

Убийства в алфавитном порядке / Пер. О. Гасско.— М.: СП Интербук, 1990. *Опубл. также под названиями: «В алфавитном порядке», «Убийства по алфавиту», «Убийство в алфавитном порядке».*

Убийства по алфавиту / Пер. В. Орла // Следствие продолжается: Антология зарубеж. детектива. Вып. 3.— М.: Моск. рабочий, 1990.

Убийство в алфавитном порядке / Пер. О. Гасско.— М.: СП Вся Москва; Интерконтакт, 1990.

Убийство на пароходе «Карнак» / Пер. Е. Васильевой // Подъем. 1970. № 4—6, 1971. № 1—2. *Опубл. также в кн.: «Восточный экспресс».* (Л., 1990).

Убийство на поле для гольфа / Пер. В. Федоровского // Спортивный детектив.— М., 1982. *Отдельное издание:* Баку: Азернешр; РИКО «Нашир», 1990.— (Зарубежный детектив). *Опубл. также в кн.: Спрут: Зарубежный детектив (Алма-Ата, 1989).* *Опубл. также под назв.: «Убийство на поле для игры в гольф».*

Убийство на поле для игры в гольф / [Пер. не указан.] М.: Прометей, 1990.

Убийство под Рождество / Пер. С. Петухова // Убийство под Рождество: Сб. детективных повестей.— М.: Юрид. лит.; Кооп. «Текст», 1990.— (Детектив).

Убийство Роджера Экройда / Пер. И. Гуровой и Т. Озерской // Простор. 1970. № 1—3. *Опубл. также в кн.: Загадка Ситтафорда (Л., 1986 [и др. изд.]); Мастера детектива. Вып. 1. (М., 1989); Сочинения. Т. 1. (М., 1990); Мастера детектива. Вып. 1. (Ереван, 1990); Убийство Роджера Экройда (М., 1990).*

Убийство Роджера Экройда.— М.: СП Бук Чэмбер Интернешнл, 1990. *Содерж.:* Убийство Роджера Экройда. Отель «Бертрам»: Романы; Потерянный ключ. Шутки старых дядюшек. Коттедж «Соловей». Приключение «Звезды Запада».

Убить легко / Пер. Л. и Н. Кунельских // Сибирские огни. 1989. № 4—7. *Опубл. также в кн.: «Убить легко» (М., 1990); «Смерть в облаках» (Киев, 1989; 1990); Вилла «Белый конь» (М., 1990).*

Убить легко.— М.: СП Интерграф Сервис, 1990. *Содерж.:* Убить легко. После похорон. Смерть в облаках: Романы.

Часпитие в Хантербери / Пер. И. Бужинской // Смена. 1979. № 14—18. *Опубл. также в кн.: Вилла «Белый конь» (М., 1990).*

Час Ноль / Пер. Е. Куприна, И. Гриценко.— Горький: Изд-во «Горьковская правда», 1990.

Шахматная загадка / Пер. А. Астапенкова // Обречен на победу: Спортивный детектив.— М., 1990.

Шестнадцать лет спустя / Пер. В. Трироговой // Дон. 1968. № 8—9. *Опубл. также в кн.: Детективные романы и повести (Томск, 1990).* *Опубл. также под названием: «Пять поросят».*

ПЬЕСЫ

Мышеловка / Пер. В. Ашкенази // Загадка Ситтафорда.— Л., 1986 [и др. изд.].

Мышеловка. Свидетель обвинения / Пер. В. Ашкенази.— М.: Искусство, 1979.

Двойная улика / Пер. Н. Санадзе.— М.: Радио и связь; СП «БАИ», 1990. *Содерж.*: Обратный билет. Осиное гнездо. Двойная улика. Кукла. Дважды отвергнутый. «Причуда Гриншоу».

Испанский сундук. Тайна синего кувшина / Пер. Т. Шинкарь; А. Шарова и В. Коршикова.— Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та; Творч. объедин. «Ребус», 1990.

Карр А. Убийство по-вашигтонски. Кристи А. Замаскированный клад / Пер. Т. Ивановой.— М.: НПО Прогресс, 1990.

Коттедж «Соловей».— Л.: Худож. лит.; 1990. *Содерж.*: Свидетель обвинения / Пер. Т. Уровой. Коттедж «Соловей» / Пер. З. Старостиной. Цыганка / Пер. В. Габриэлян. Потерянный ключ / Пер. А. Бранского.

Кристи А. Хэммит Д., Глобус А. Рассказы.— Минск: Изд. белорус. о-ва «Книга», 1990.— (Б-ка «Детективные истории»). *Из содерж.*: Дама в черной вуали / Пер. М. Кондрусевич.

Критский бык.— М.: Прометей, 1990. *Содерж.*: Критский бык / Пер. В. Широкова. Ограбление на миллион долларов / Пер. И. Сычевой и А. Лаврина. Тайна голубой вазы / Пер. Т. Луковниковой. Просто несчастный случай / Пер. В. Широкова.

Преступления любви / Пер. Г. Сазоновой.— М.: Изд-во стандартов, 1989. *Содерж.*: Преступления любви. История клерка. Когда боги смеются. Лекарство для мисс Марпл. Черная смородина. Тайна египетской гробницы. Трагедия в усадьбе Мэрдсон. Убийство миссис Спэнлоу.

Рассказы.— М.: Прейскурантиздат, 1989. *Содерж.*: Тайна египетской гробницы / Пер. Г. Сазоновой. Приключение «Звезды Запада» / Пер. Г. Сазоновой. Коттедж «Соловей» / Пер. З. Старостиной. Цыганка / Пер. В. Габриэлян.

Рассказы.— Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1990. *Содерж.*: Тайна египетской гробницы / Пер. Г. Сазоновой. Цыганка / Пер. В. Габриэлян. Приключение «Звезды Запада» / Пер. Г. Сазоновой. Коттедж «Соловей» / Пер. З. Старостиной. Свидетель обвинения / Пер. Т. Юровой.

Расследование ведет Пуаро / Пер. Г. Сазоновой.— М.: Прометей, 1990. *Содерж.*: Трагедия в усадьбе Мэрдсон. Приключение «Звезды Запада».

Рождественская трагедия / Пер. Г. Сазоновой.— М.: СП Вся Москва, 1990. *Содерж.*: Дом в Ширазе. Экспресс на Стамбул. История клерка. Убийство миссис Спэнлоу. Рождественская трагедия.

Свидетель обвинения / Пер. Т. Юровой.— М.: Прометей, 1990.

Тайна египетской гробницы. Исчезновение мистера Дэвингейма. Дешевая квартира / Пер. В. Жебеля.— М.: Правда, 1969.

Тайна испанской шали / Пер. В. Жебеля.— М.: Прометей, 1989.

Убийство в храме Астарты / Пер. С. Рощина.— М.: СП Вся Москва, 1990. *Содерж.*: Убийство в храме Астарты. Безумство Гриншоу.

Яснее ясного: Сборник детективов.— Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 1990. *Из содерж.*: А. Кристи. Кровь на панели / Пер. Л. Девель и В. Потенко. Шалфей и

* См. также сборники смешанного содержания в разделе «Романы, повести».

лук / Пер. А. Шарова. Цветы смерти / Пер. В. Постникова и А. Шарова. Причуда «Гриншоу» / Пер. В. Постникова и А. Шарова. Шутки старых дядюшек / Пер. А. Шарова. Стоит только захотеть / Пер. А. Шарова. Лекарь души, или призрак из «милого» домика / Пер. А. Шарова. Похищение премьера / Пер. А. Шарова. Цыганка / Пер. В. Габриэлян.

Составитель С. Бавин

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Бэвин.</i> Агата Кристи — «Королева детектива»	3	
Агата Кристи. ТАЙНА ТРЕТЬЕЙ ДЕВУШКИ	11	
Роберт Артур. МИЛОЕ СЕМЕЙСТВО	178	
Морис Леблан. ПАРТИЯ В БАККАРА	189	
Жорж Сименон. ДЕЛО ЛЕФРАНСУА	200	
	СТРАННЫЙ КЛИЕНТ	206
Рекс Стаут. ЭТО ВАС НЕ УБЬЕТ	213	
<i>Издания произведений А. Кристи (библиографический список)</i>	248	

Редактор Ф. С. Кузмичев
Технический редактор И. С. Кассиров
Корректор М. Е. Евстигнеев

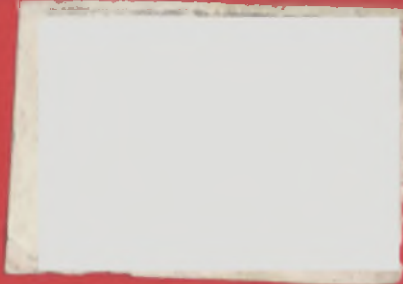
Сдано в набор 29.11.90. Подписано к печати 10.12.90. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. офсетная.
Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,98.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 5589. Цена 10 р.

СП «Интербук», Московский филиал № 2. 127238. Москва, Дмитровское шоссе, д. 85.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати РСФСР
127018, Москва, Суцевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

10 p.

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ДЕТЕКТИВ

